

БОРИС РЯБНИН

**ЧУДЕСА
В РЕШЕТЕ**

Издательство «Детская литература»

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

БОРИС РЯБИННИН

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ Л.ДУРАСОВА

МОСКВА "Детская литература" 1979

P2
P24

P $\frac{70802-525}{M101(03)79}$ 188—79

© СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1974 г.
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1975 г.

В нашей семье любили животных, и у нас всегда были четвероногие. Они были у бабушки, у дедушки, были у моих родителей, а когда я вырос и сделался самостоятельным — «вышел в люди», — стали жить и у меня.

Дорогие воспоминания детства... Они сохраняются в памяти на долгие годы, до конца жизни. Обращаешься мыслью в прошлое, и встают как живые отец, мать, бабушка и дедушка, друзья и любимые животные...

У кого не было кошки Муськи, преданного весёлого Шарика, Рэкса или Верного? Сегодня я хочу рассказать о них. Ведь они тоже частица нашей жизни. Наверное, они помогли нам стать такими, какие мы есть. Наравне со сверстниками-мальчишками животные были товарищами моих игр, сопровождали в горе и радости. И когда я думаю о том, что есть люди, которые никогда не дружили с животными, не изведали радости этой дружбы, мне кажется, что и детство этих людей было менее интересным. Они не узнали чего-то дорогого, очень-очень важного...

Борис Рябинин

У БАБУШКИ, У ДЕДУШКИ

ПРО ДОМ, КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ .

Хорошо помню дедушкин дом, в котором прошли мои детство и юность.

Дом был большой, просторный, полукаменный, как говорили тогда. Первый этаж, «низ», — кирпичный, красный; второй, «верх», — деревянный, из брёвен. Внизу, на своей половине, жили бабушка и дедушка, вверху — мы, то есть папа, мама и я. Внизу была большая кухня; кроме того, у стариков имелась своя, где хозяйничала бабушка. Там же работал дедушка.

Дом достался дедушке в наследство от отца, а дедушка, в свою очередь, ещё при жизни передал его своему сыну, то есть моему отцу, после того как тот благополучно вернулся с гражданской войны.

Дом был с садом, с огородом; а за огородом начинался соседский огород, и, если тебе не хватало места здесь, можно было украдкой перелезть через невысокий заборчик и затеять игру в «сыщики-разбойники» там. Раздолье! «Сыщики-разбойники» была любимая наша игра. Это уж потом стали играть в Чапаева, а затем в пограничников и лётчиков-космонавтов.

Сараи в два этажа были опоясаны со стороны двора длинными балконами — «антресолями». В тёмных, опутанных липкими тенётами и пахнущих пылью таинственных закоулках было где спрятаться, притаиться, а потом неожиданно выскочить и напугать кого-нибудь. Не хочешь играть тут — можешь зарыться в сено. Сено запасали с осени, его всегда было вдоволь.

Вот только дворовый пёс Томка часто подводил. Ты спрячешься, а он найдёт и рад-радёшенек. Хвостом виляет, лезет к тебе; не выходишь — примется лаять и... пропало всё дело! Правда, Томку днём, если ворота не закрыты, держали на цепи.

А баня! Настоящая баня, с кадками холодной воды, с каменкой-горкой. Плеснёшь туда воды, а там ка-ак зашипит, вся баня наполнится паром, и в этом пару слышно, как дедушка угощает своё голое тело распаренным берёзовым веником. Смотреть страшно, как он себя хлещет, по спине да груди, по бокам да снова по спине! Жуть! А ему — удовольствие. Хлещет, хлещет, а потом сползёт с полка, совсем ополоумев от жары, да скорей в дверь и в сугроб снега. Вывалиется, из красного сделается весь белый — и опять в баню... Вот как мылись раньше!

Был в нашем дворе и настоящий колодец, с крышковой-домиком и ведром, привязанным к цепи, намотанной на ворот. Ручку отпустишь, ворот начнёт раскручиваться, цепь быстро-быстро побежит вниз, ведро — шлёп в воду! Колодец был глубокий, и нам строго-настрога наказали не баловаться около него. Но однажды в колодец упал котёнок, и тогда папа, обвязавшись цепью, упираясь ногами и руками в рубленые стенки, осторожно сам спустился вниз и достал котёнка.

Колодец выкопали, когда мама разбила цветничок во дворе и много воды потребовалось для поливки.

Мама увлекалась цветами. Цветочные горшки стояли на подоконниках на всех окнах. Цвела герань всех сортов, с весны распускались розы, альпийские фиалки — цикламены. Весь наш дом был пронизан солнечными лучами, цветы во дворе, цветы в комнатах, цветы на веранде...

Мне нравилось что-то строить, пилить, строгать рубанком. Я забил часть антресолей досками и устроил себе мастерскую — «клетку», где столярил и слесарил. Туда ко мне навещался Томка, а однажды залетел голубь, да, настоящий живой голубь.

Голуби не жили у нас, вероятно, из-за обилия кошек (бабушка говорила: «Кошка в доме, мыши тише»), но всё-таки иногда прилетали и садились на крышу. Голубь, вероятно, спасался от ястреба; я прихожу, а голубок разгуливает по моему дворцу. Я сбегал за хлебными крошками, он поклевывал и с того времени появлялся у меня чуть ли не ежедневно. Наверное, из-за этого голубя я не делал рогаток и не пулял в птиц.

Соседские ребята принесли железную трубу — точь-в-точь маленькая пушка, какие были в старину. Я видал их на картинках. Захотелось сделать пушку. Сказано — сотворено. Я прибил трубу к деревянному чурбаку, ребята раздобыли пороху. Зарядили.

Дело было на пасхе, в дни весеннего праздника. Родители ушли в гости к родственникам, никто нам не мешал. Хорошо! А то ведь ещё неизвестно, как отнесутся к твоей затее старшие.

Но только мы приготовились выпалить — поджечь порох, открылись ворота — появились отец и мама. Они вернулись раньше обещанного. Как быть? Отложить опыт?

— Да у нас же без снаряда, — тоном знатока заявил кто-то из моих консультантов. — А без снаряда звука не бывает. Хоть и выстрелит, будет тихо...

... Бух! Грохнуло, как из всамделишной пушки. Чурбак подскочил чуть не на полметра, «клетка» наполнилась сизым дымом, дым повалил во двор... Вот тебе и «не бывает звука»!

Выскочил перепуганный отец. «Пожар?!» Опять попало рабу божьему («рабами божьими» называла всех людей наша бабушка)...

Некоторое время «клетка» пустовала — это было наказание мне. Потом гнев прошёл, и я снова принялся колотить и строгать. Там и спал в летние душные ночи.

К ночи усиливался аромат цветущего душистого табака. С улицы доносились шаги запоздалых прохожих; до рассвета, охраняя мой сон, невидимый в темноте, по двору тихо бродил Томка. Изредка принимались орать кошки. Но даже они были бессильны разбудить меня.

Утром отец поднимал меня, подёргав за шнурок, протянутый через весь двор. Другой конец шнура был привязан к медному колокольцу над моим изголовьем.

«Дзинь, дзинь! Вставай, вставай, соня! Пора!» — звонко выговаривал колокольчик. И тотчас начинал горланить петух. Он словно ждал этой минуты. Начинался день.

...Старый, наш старый милый дом. Я даже не знаю, жив ли ты ещё, дом моей юности, стоишь ли по-прежнему на том же месте на углу, или тебя нет. Ты выглядел молодцом, когда мы виделись последний раз, но прошло уже столько зим и лет...

Отчий дом! Говорят, что и после того как мы перестали жить в нём, дом ещё долго и упорно называли «Рябининским»...

ТУК ДА ТУК...

Город Кунгур славился кожевенными заводами и сапожных дел мастерами. Одним из них был мой дедушка.

Сколько пар обуви было сделано трудолюбивыми дедушкиными руками, скольких людей он обул! И мастер он был не последний. Обувь из-под его рук выходила красивая и крепкая — знаменитая. Недаром кунгурские сапоги да ба-

ретки (женские туфли) вывозили на Нижегородскую ярмарку и даже продавали за границей.

Дедушка сидел на круглой, обтянутой кожей седухе, в кожаном фартуке, с засученными до локтя рукавами, обнажавшими его волосатые жилистые руки. Держал деревянные гвоздики во рту, неумоимо, как дятел, стучал, стучал. Навертит шилом дырок в подошве, вставит в дырку гвоздик и ловко, одним ударом забьёт, вставит — забьёт, вставит — забьёт. Гвоздики, как спички, только ещё короче, а держат — не оторвёшь. Тук да тук, глядишь, к концу недели опять готово несколько пар. В субботу дедушка относил новые сапоги на завод, сдавал их и получал деньги за работу. От него я узнал, что такое подмётки, стельки, головки, набойки, заготовки, дратва, вар, научился и сам чинить обувь.

Тук-тук, тук-тук... — разговаривал дедушкин молоток.

Как сейчас вижу дедушкины опущенные плечи и заросший мохнатый затылок. Дед сидит спиной к двери, перед ним на низком столике, среди разложенных инструментов — иглолок, шильцев, молотков, коробочек с железными и деревянными гвоздиками — торжественно восседает кошка, у ног на полу лежит собака.

— Оля, Оля! — кричит дедушка, не оборачиваясь и продолжая стучать молотком. Дедушка глуховат, и у него манера кричать во весь голос — мёртвый услышит.

Появляется бабушка.

Почему-то он называл бабушку Олей, хотя настоящее имя её было Елена Ивановна. А дедушку звали Иван Михайлович.

— Обедать пора, — заявляет дедушка.

Он, высокий, кряжистый, входя в дверь, вынужден пригибаться, не то ударится лбом о притолоку. А бабушка сухонькая, маленькая, сгорбленная, в платочке, и суетливая — беда. Всегда готова услужить, что-то принести, сделать, подать.

Дедушка встаёт, аккуратно снимает и кладёт фартук, моет руки и садится за стол в большой комнате. Туда же переходят хвостатые спутники, а бабушка проворно орудует

у русской печи заслонкой и ухватами. Прихватив тряпкой,
тащит горячий горшок со щами, потом — кашу...

Отобедали — снова за работу.

Иногда, в хорошем расположении духа, дедушка поёт.
Певец он неважный, и песня всегда одна и та же:

Звонит звонок в тюремном замке,
Ланцов задумал убежать...

«Кто этот Ланцов и откуда он задумал убежать?» — размышлял я, слушая дедушку. Какой он, Ланцов? А дедушка тем временем повторял своим грубым голосом, наверное, уже в тысячный раз:

Звонит звонок в тюремном замке...

Тук-тук, тук-тук...

Скучно, наверное, сидеть вот так, день-деньской, зажав между колен заготовку, насаженную на чугунную «ногу», и без конца заколачивая гвоздочки в толстую дублёную подошву или протягивая вощёную дратву через упрямую шагреневую кожу...

А может быть, и не скучно: мастер любит своё дело. А кроме того, если не работать — что есть будешь?

Вот так они и жили. Дедушка целые дни чеботарил — тачал, сбивал сапоги, бабушка стряпала и кормила дедушку.

В БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Такой порядок нарушался лишь в большие праздники. Накануне начиналась генеральная приборка. Дедушка собирал и прятал все инструменты, мазал волосы деревянным маслом. Бабушка мыла и скребла пол, окна, двери, расстилала чистые половики, такие чистые, что на них ступить было страшно, прыскала пихтовым маслом, вооружившись пёрышком, мазала им все углы и щели, залезала под столы, диван. Над оконными карнизами развешивала веточки пихты, запах пихты разносился по всему дому, казалось, пахло лесом.

В праздники обязательно стряпали пельмени. Приходили гости — родня, знакомые. Ели помногу и долго, похваливая стряпуху. Дедушка насытится и кричит:

— Оля! Не надо, не надо больше, я наелся!

Это была не шутка. Дедушка всерьёз считал: раз он сыт — и другие должны быть сыты. Зачем варить лишнее варево

пельменей. Лучше оставить для другого раза. А гости тут же сидят и слышат.

Многое у дедушки было не так, как у других. Меня, например, удивляло, что, сходя в баню, он после этого долго и основательно умывался холодной водой — вроде как смывал банный дух; летом, даже в сильную жару, ходил в валенках — больших, красных, с узорами, на подшитой толстой подошве и с загнутыми кверху носами; такие валенки продавали только на ярмарке. И теперь, когда я вижу такие валенки — а увидеть их сейчас можно лишь в музее, передо мной сразу встаёт мой дедушка...

НА ВСЕ ФАСОНЫ

Говорят, человек узнаётся по его отношению к слабейшему. Если эта примета верна, то дедушка мой был лучший человек на свете. Представляете? Восемь живых тварей кормили его мозолистые руки. Четыре собаки и четыре кошки.

Роска

Пятка

Наверное, дедушка из-за своего недостатка — глухоты — предпочитал общество животных: с людьми надо разговаривать, а с собакой, кошкой можно и помолчать. Не обидятся. И вообще: одному, конечно, тоскливо, хотя бы и занятому чем-то; а когда рядом есть живая душа — совсем другое дело.

Забавная компания! До обеда почти никого не видно, за исключением тех, кто торчит около дедушки; где, что, кто делает — неизвестно, а как прозвучит требовательное дедушкино «Оля! Оля!», так сразу сбегутся все, рассядутся вокруг стола с умильными мордочками и ждут: «Мы тоже пришли обедать».

Роска, Шарик, Пятка, Кульбик — собаки (Томка не в счёт), Билко, Буско, Рыжко — кошки, точнее, коты. Кличку Рыжко, или Рыжик, носили одновременно два кота, удивительно похожие. Как их различала бабушка и как они сами отличали друг друга, ведомо было только им...

Не подумайте, что это были красавцы какие-нибудь, хоть сейчас на выставку. Куда там! Невзрачнее существ было трудно вообразить. А старики не чаяли в них души.

Возглавляла всю эту компанию, конечно, Роска, хотя

Шарик

Кульбик

её слышно было, пожалуй, меньше других. Длинная, чёрная, приземистая, с вытянутым туловищем, острой мордочкой и кривыми, вывернутыми наружу коротенькими ножками, Роска сильно смахивала на таксу. Возможно, в родне у неё и была чистокровная такса. Все же остальные собаки были «дворянских кровей», как определял их происхождение мой отец, то есть попросту дворняги.

Роска передвигалась не спеша, вперевалку — «брюхом землю подметала», семенящей походкой и не глядя по сторонам. Но попробуй тронуть — ого! Если Роску не задевали, она относилась ко всему с исключительным равнодушием. Другой такой ленивой собаки я не видал! Роска редко показывалась на улице, совершенно не интересовалась охраной хозяйского дома. Мне кажется, она рассуждала так: зачем стараться, когда и без меня караульщики хоть пруд пруди? Большую часть времени Роска проводила во сне на своём любимом месте — голбце у русской печи. Вероятно, при рождении Роску нарекли Розой, а потом стали кликать — Роска да Роска, и стала Роска. И вообще она так же походила на розу, как колючий чертополох на нежный ландыш.

Пятку прозвали Пяткой потому, что она всех, больших и маленьких, хватала за пятки. Ух и сварливая была собаченция!

Обыкновенно она яростно бросалась на прохожих, не разбирая — свой это или чужой, знакомый или незнакомый. Несмотря на маленькие размеры, собачонки этой боялись все, как чумы. Короткая шерсть Пятки была окрашена в ярко-песочный цвет. В этом было спасение для ребят нашей улицы. Завидя издали быстро приближающееся жёлтое пятнышко, они бросались врассыпную, громко крича:

— Пятка! Пятка бежит!..

Вообще раньше животные чувствовали себя на улицах больше хозяевами, чем теперь. Теперь они жмутся пугливо: кругом машины. Да и люди стали другие...

Вероятно, дедушка избаловал собак. Чувствуя свою безнаказанность, они и творили, что хотели.

Добрейшим созданием был Шарик. Он, кажется, и лаять-то не умел толком, а чтоб оскалить зубы — о том не могло быть и речи.

Шарик обладал густой длинной шерстью довольно неопределённого цвета (поскольку всегда был страшно грязен) и пушистым хвостом, загнутым на спину, как у лайки. Физиономия смышлёная, с выражением постоянной готовности на любое озорство и желания служить людям. Если б его ещё помыть хорошенько, наверняка получился бы красивый пёс.

За свою доброту Шарикуну пришлось претерпеть немало неприятностей. Маленькие соседские ребяташки таскали его за хвост, щипали, дёргали за уши, делали с ним что угодно — Шарик переносил всё безропотно, неотступно сопровождая своих мучителей во всех их забавах и играх. Ему случалось выполнять роль тигра, волка, собаки-сыщика, личной охраны у страшного кровожадного разбойника... Без ребячьего общества Шарик, казалось, не мог бы прожить и дня. Готов на всё! Только позовите.

Справедливость всё же существует на свете, и долготерпение Шарика частенько вознаграждалось куском пирога,

шаньги, либо какой другой вкусной домашней снедью. Добряк и плут, он, наверное, учитывал это!

Четвёртый, Кульбик, был, как говорится, себе на уме. Дедушкин баловень, он не признавал никого, кроме своего покровителя и друга. Почему-то дедушка питал слабость к этому псу, хотя Кульбик, на мой взгляд, совсем не заслуживал того. Кульбик... Человеку не с нашей улицы, возможно, кличка не говорила ничего. Но для нас, ребят, это было олицетворение вероломства и ненадёжности характера.

Вообразите небольшую, даже маленькую, гладенькую собачку, белую, с чёрными пятнами на спине и боках, с чёрными стоячими ушами и тоненьким остроконечным хвостиком, обычно изогнутым в полукольцо. Очень живая, милостивая и даже изящная собачка, глядя на неё, многим приходило желание её погладить.

Собачка не возражала против этого. Виляя хвостиком, она подходила к вам. Вы гладите, скребёте ласково у неё за ушами, даёте кусочек лакомства — задабриваете. Собачка неторопливо съедает и вдруг, отпрыгнув, раздражается визгливым лаем, как будто вы угостили её отравой, ловко вцепляется в какое-либо уязвимое место и поспешно удирает.

Любимым занятием Кульбика было подсидеть в подворотне прохожего, выскочить внезапно, куснуть за что придётся и скрыться. Изловить и наказать зловредную собачонку было совершенно невозможно: Кульбик отличался осторожностью и увёртливостью. Это его спасало и от больших собак, которых он тоже любил изводить, как надоедливая муха. Драчун и забияка, Кульбик не щадил никого.

Однако, чтоб быть справедливым, надо отдать Кульбику должное: из четверых он, единственный, исправно нес службу — караулил... нет, не дом и двор (там был более надёжный караульщик — Томка, крупный чёрный пёс), а дедушкину квартиру, именно её и ничего более. Возможно, за это дедушка и благоволил к Кульбику. Спал Кульбик у дедушки в ногах на кровати и терпеливо сносил порку, которую хозяин время от времени устраивал ему за разные прегрешения.

Животные скрашивали однообразное дедушкино-бабушкино житьё-бытьё. Бесчисленное множество раз в течение дня бабушка выпускала своих жильцов во двор. Едва услышав за дверями тихое повизгиванье или царапанье когтей, сейчас же спешила впустить обратно. Прибежав с холода, зимой, собачонка начинала скулить, подняв нос и показывая на печку. Бабушка, бросив все дела, сажала её к себе на колени или подсаживала наверх. Целыми днями она терпеливо занималась тем, что то поднимала всю свору (кошки запрыгивали сами) на печь, то ссаживала обратно на пол.

А дедушка? Дедушка продолжал шить сапоги.

В ОБИДУ НЕ ДАМ!

— Сказывают: давно-давно, шибко давно, в одном царстве-государстве жили-были Кот и Собака. Вот раз подоила хозяйка корову, дай, думает, угощу Кота. Налила в плошку молока, а Пёс подошёл и вылакал всё, Коту не оставил ни капли. Кот рассердился и оцарапал Собаке нос. С тех пор они и враждуют между собой. Где бы собака ни увидела кошку, обязательно кинется на неё. Приходится кошке спасаться на заборе. Хорошо, что у неё когти вострые и лазать мастерица...

Голос у бабушки всё тише, слова произносятся всё медленнее, тягуче...

Бабушка большая охотница ¹сказывать сказки.

Керосин выгорит — лампа тухнет, пора спать.

Время за полночь, тихо в доме, спят кошки, спят собаки, только мы двое сидим. Глаза у бабушки слипаются, голова всё сильнее клонится вниз. Чтобы не уснуть и не свалиться со стула, она начинает всё сначала:

— Давно, значит, это было, шибко давно... С той поры, стало быть, их никто и не может помирить...

Собака и кошка — заклятые враги? Врёт сказка. В дедушкином ковчеге все жили тихо-мирно, грелись рядышком на одной печи, лакали поочерёдно молоко из одной посуды.

Только Роска иногда заворчит... ну, на то она и Роска. «Барыня»!

Летом, в тёплые тихие вечера, все выходили за ворота посидеть на лавочке. У каждого дома стояла лавочка. Балакают, семечки луцат. Пройдёт знакомый — с ним перекинутся словцом. В общем, отдыхали от трудов праведных. Постукай-ка целый день молотком, поймёшь, как приятно посидеть вот так, без всяких дум, наслаждаясь покоем, который спустился на город...

Город наш нельзя было назвать маленьким, но, как многие города того времени, соединял он в себе город и деревню. В канавах нередко прогуливались свиньи, многие жители держали коров. По утрам, на зорьке, улицы обходил пастух, и по сигналу его рожка хозяйки выгоняли из дворов коз и коров; скотину гнали на пастбище. Вечером стадо долго тянулось по городу, поднимая страшную пылицу, слышалось хлопанье бича, то одна, то другая пеструха или бурёнка отделялась от стада и, уткнувшись рогами в ворота, мычала:

«Открывайте, я пришла». Потом все расходились, пустели лавочки, постепенно стихало, улегалась пыль на дороге. Потом выходили сторожа с колотушками и до рассвета бродили по своему околотку. Ночью пробудисься и слышишь, доносятся издали: тук-тук-тук да тук-тук-тук... вроде как дедушкин молоток. В тиши слышно далеко.

Дедушка с бабушкой на лавочке сидят, а у ног на земле — Роска и Шарик. Рядом с дедушкой — Кульбик. Ему всегда такое предпочтение, он тоже на лавочке. Только Пятку обычно из-за её сварливости запирали во дворе.

Раз — глядь, а Бусый тоже сидит на заборе над лавочкой и глаза вниз на улицу таращит. Тоже «отдыхает»?!

Насиделись, пошли на боковую, и он тоже...

А раз как-то Шарик задержался на улице — и Бусый остался на заборе. На Шарика закричали, а Бусый подлетел и зашипел: «Не смейте, не позволю!» Защищает, смотри-ка!

Шарик был компанейский парень, как говорится, душа нараспашку, наверное, тем он понравился и Бусому. Если Роски я побаивался, то с Шариком играл. С Шариком играли все. Шарик умел «служить», сидеть столбиком, танцевать на задних лапах. Всему этому он обучился самоуком, ну да ещё, быть может, помогли ребята, поощряя лакомством. За крошку хлеба Шарик готов был в лепёшку расшибиться и начинал выделывать разные трюки (не подумайте, что был голоден, нет, но, говорят, заработанное всегда слаще). Только на голове не умел ходить.

Так вот Шарик выделывает все свои курбеты, а Бусый тут же, обязательно смотрит. Нравится, что ли? Или, может, на всякий случай: вдруг кто-нибудь вздумает обидеть симпатягу Шарика!

Неразлучники: куда один, туда другой.

Шарик во дворе — и Бусый во дворе.

Собака домой — и кот домой. Как привязанные!

Шарик кость гложет, а Буско сидит и смотрит. Если кто-то подойдёт — зашипит, взъерошится, гонит прочь: не мешай приятелю! Мышь поймает — несёт другу, положит и ждёт,

когда Шарик похвалит: молодец, мол, действуй так же дальше.

Раз во двор забежала большая чужая собака. Худая, голодная. Ворота забыли запереть, она и забежала.

Шарик в ту пору сидел на крыльце и, жмурясь, грелся на солнышке, рядом лежала недоеденная косточка. Незваная гостья сразу нацелилась на неё. А Шарик возьми да рывкни: не дам, мол!

Ох и худо пришлось бы Шарикуну! Чужая собака была вдвое больше его. И вдруг, откуда ни возьмись, Бусый.

Как будто с неба свалился.

Он сидел на карнизе первого этажа и всё видел. Когда чужая собака набросилась на Шарика и принялась трепать его, Бусый прыгнул ей на спину, когтями впился в морду. Нападение его было неожиданным и произвело такое впечатление, что собака сразу пустилась наутёк.

Так кот и выехал верхом на чужой собаке — как в цирке! — со двора на улицу. И только на углу отпустил свою жертву — спрыгнул с посрамлённого противника наземь и неторопливо, оглядываясь с угрожающим видом, всё ещё взъерошенный, потрусил назад, к своим воротам. Знай-де наших, своих в обиду не даём! А несчастная псина ещё долго улепётывала что было сил с поджатым хвостом. Больше мы её не видели.

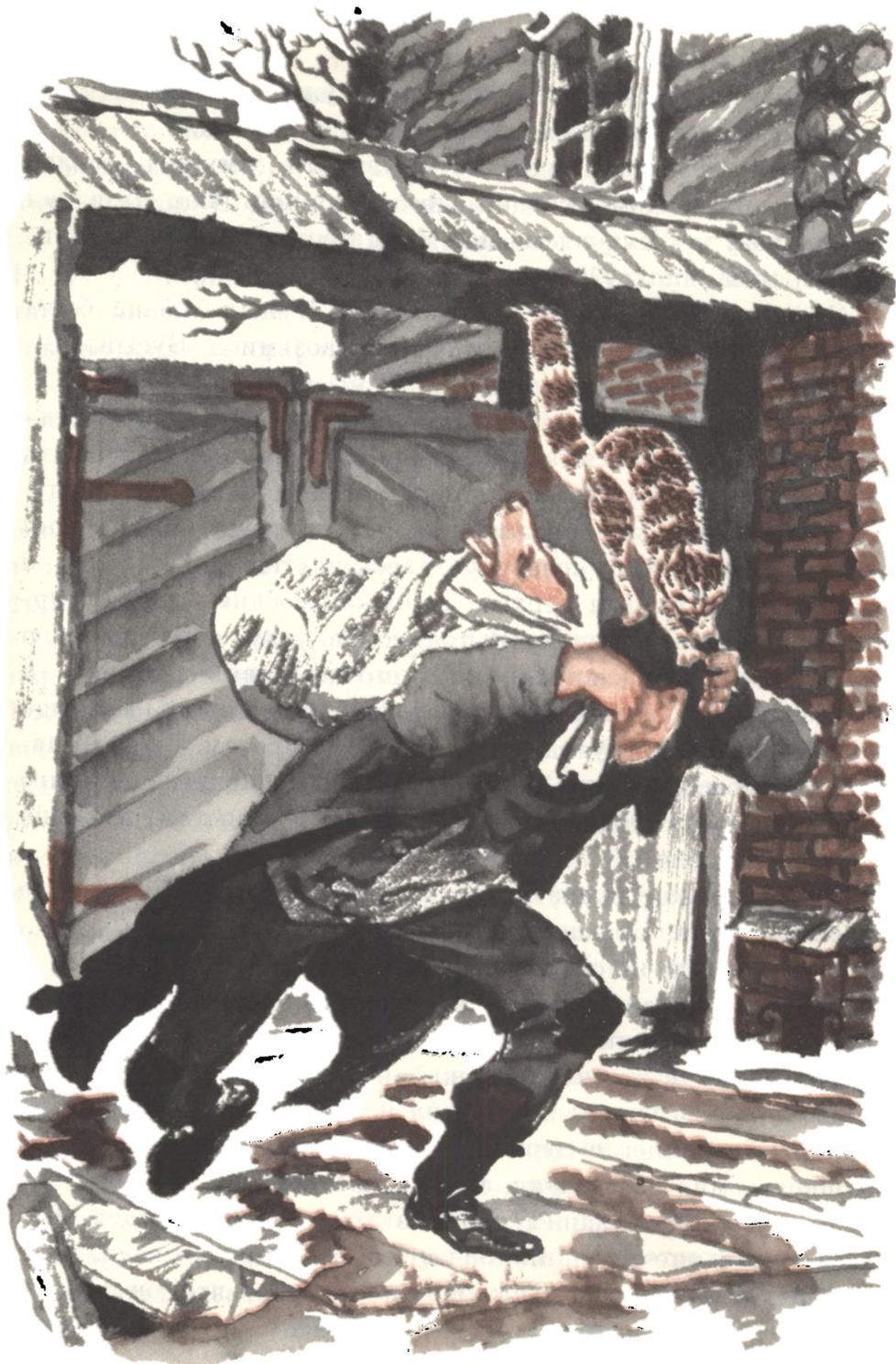
Что собаки не пускают во двор посторонних, я знал. Это их обязанность. Но кошки?!

А вскоре случилось ещё и не то.

В городе появились какие-то странные люди, похожие на бродяг. Они ходили по дворам, просили милостыню и высматривали, где что плохо лежит.

По дороге в школу я встретил на нашей улице несколько чёрных оборванцев с мешками за спиной. А когда вернулся из школы, мне рассказали, что произошло.

Во двор к нам зашёл один из этих людей. Увидел Шарика — потихонечку поманил к себе. Шарик — глупый! — подошёл и стал ласкаться. Я уж говорил, что он никого не кусал, привык играть с ребятами. Всё так же потихоньку

неизвестный выманил его со двора, а когда выманил, схватил, пасть зажал и — в мешок. Шарик жалобно завизжал: «Погибаю...»

Пропал Шарик! Томка был на привязи и не мог вступить, я в школе, папа на работе, дедушка, как всегда, сидит и стучит молотком, что делается на дворе, не видит. Окна дедушкиной кухни выходили на улицу, не во двор. Конец простофиле Шарику...

Спас его Бусый. И на этот раз — от верной смерти. Вы думаете, зачем бродяги воровали собак? Чтоб держать-кормить? Как бы не так. Поймает, обдерёт, из шкуры сошьёт рукавицы и продаст на базаре. Собачий мех тёплый. «Почём рукавицы?» — «Покупай, дешево отдам!» Ещё бы дорожить-ся: мех-то даровой!

Быть бы Шарику рукавицами, если бы не Бусый. Опять его как будто кто-то сбросил сверху, с крыши на воротах, и прямо на голову собачьему вору. Кот вмиг разодрал вору лицо в кровь. Тот бросил мешок и собаку и схватил кота, но Бусый сумел вывернуться, расцарапав ему обе руки, отпрыгнув, изогнулся весь, как знак вопроса, шипит яростно: «Уходи, не то хуже будет!» Вор подобрал мешок да и был таков.

Когда на шум прибежали мама и бабушка, оборванца уже и след простыл.

Бусый долго не мог успокоиться. Бабушка хотела взять его на руки, так он и в неё чуть не вцепился когтями. Развоевался!

Друга не дают в обиду. Сам погибай, а товарища выручай. Много позднее, уже став взрослым, я услышал эту поговорку. Думаете, это относится только к людям? Такой же закон существует и у животных.

ПРИШЛА ПОМИРАТЬ

Однажды в нашем дворе объявилась незнакомая собака, и, странное дело, ни один из наших псов не пытался её прогнать. Она пришла и легла на землю под навесом, а они расселись вокруг неё и смотрят. Ни одна не залаяла.

Даже кошки сбежались посмотреть, что происходит. И тоже никакой враждебности, хоть обычно кошки шипят на незнакомых собак.

Вероятно, животные понимают, когда случается беда.

Собака была больна, точнее сказать — ранена. За собой она оставила дорожку из красных капель, а там, где легла, вскоре появилось сырое тёмное пятно. Она встала, с трудом перешла на другое место. Мы глянули и ужаснулись. Брюхо у неё было распорото чем-то острым. Это было страшно.

Ещё живая, но уже убитая собака...

Она не походила на беспризорную — большая, чистая, сытая. Тех, у которых нет хозяев, сразу узнаешь. Шерсть грязная, рёбра наружу. И поведение другое — всего боится.

Что с нею могло случиться? Пытались ли её поймать ловцы бродячих собак, зацепили крюком, а она вырвалась и убежала? Или придавило колесом тяжёлой телеги?

А может, кто-нибудь поддел на вилы? Есть ведь и такие... Обозлился, схватил рогатину... Такой и человека не пожалеет!

До своего дома она уже не могла пройти, кончались силы, и пришла к нам, словно кто-то шепнул ей, что тут её не тронут.

Говорят, животные чувствуют приближение своего конца и перед смертью уходят куда-нибудь, забиваются в укромный уголок, где их никто не найдёт. Эта, наоборот, пришла к людям.

Может быть, она надеялась, что мы её спасём, вылечим?

— Оставьте её, — сказал отец. — Ей уж ничем не помочь...

— Пришла помирать, — покачал головой дедушка и пошёл к себе, на свою седуху.

Бабушка запричитала, заохала.

Вероятно, порванные внутренности жгло, как огнём, а прохлада земли немножко облегчала страдания, потому что раненая ещё раз переменяла место. Всё-таки мы с мамой осторожно перевязали брюхо мягким чистым полотенцем.

Собака благодарно несколько раз лизнула нас языком.

Мы с бабушкой дежурили около неё до позднего вечера. Давали пить — молоко и воду; собака лакала с жадностью, но раз от раза всё медленнее, с передышками, отворачиваясь и словно прислушиваясь к тому, что происходит внутри. В глазах были боль и тоска, а потом появилось какое-то новое выражение, которое я не могу передать словами.

...Рано утром нас разбудил протяжный, щемящий душу звук. Выскочили из дома. Собака лежала на том же месте, уже мёртвая. Около неё сидел Томка и выл.

Наверняка животные чуют горе да беду. Долго после этого наши собаки ходили по двору, словно задумавшись, как будто понимая, что несчастье может случиться с каждым.

Чья она была, откуда пришла, что с ней приключилось, мы так и не узнали. Но мне и поныне жалко её.

Что случилось с курами? Почему они кудахчут как оглашенные? А петух, а петух?! Он же на ногах не стоит!!! Побежал — споткнулся и упал, вскочил, снова побежал — и опять упал... Налетел на одну из куриц, принялся клеваться, да так, что бедная пустилась от него бегом, а он накинудся на другую...

— Ну чисто пьяный мужик куражится, — заметила бабушка.

— В кутузку его, в кутузку!

И петуха действительно заперли одного в курятнике, как нашкодившего пьяницу.

...У нас поочерёдно жили куры, кролики, козы и прочая домашняя живность. Кур было около десятка. Двух или трёх держала бабушка, остальные находились на попечении мамы. Летом куры жили во дворе под навесом, а зимой в кухне под лавкой, где отец устроил для них сезонное жилище — длинную узкую клетку. Конечно, курам было тесновато под лавкой, но они терпеливо отбывали своё заключение и даже несли понемногу яйца.

Вся штукатурка на стене около лавки-клетки была обклёвана. Как объяснила мама, в пище, видимо, не хватало вещества для образования скорлупы, и куры старались сами помочь себе, расклёвывая и глотая штукатурку.

Действительно, зимой скорлупа на яйцах была очень тонкая, а раз одна пеструшка снесла яйцо совсем без скорлупы, в одной тонкой, полупрозрачной плёнке, как в мешочке.

Тогда не было ослепительно белых леггорнов, огненно-красных родайлендов, но обыкновенные крестьянские пеструшки мне казались даже красивее. Или в детстве всё кажется красивым?

Раз осенью пеструшек запоздали пересадить со двора в кухню. Ночью ударил морозец, и петух сильно поморозил лапы. Потом, уже сидя в кухне, он долго болел, не принимал пищу, даже иногда негромко, по-птичь, стонал от боли. Два пальца на лапах почернели и отвалились, на других облезла

кожа. Петух всё же выздоровел. Но он теперь плохо держался на седале (у нас говорили не «насест», а «седало») и летом, на прогулках, выбирал себе местечко где-нибудь пониже, на куче старого мусора или на досках, а в клетке под лавкой сидел прямо на полу.

Несмотря на увечье, петух держался молодцом. Следил за порядком в курином стаде, не подпускал никого из посторонних. Найдёт червяка — зовёт подружек, сам не клюёт, им отдаст, а потом, покеркивая, с важным видом прогуливается около. Смотрите, мол, вон я какой! Настоящий хозяин и мужчина!

Это был красивый петух: крупный, с большим красным гребнем и серьгами и длинными изогнутыми перьями на хвосте. Где-то я вычитал, что в Японии выращивают, специально для украшения императорского дворца, петушков с хвостами в несколько десятков метров длиной. Мне мой петух казался самым великолепным на всём белом свете. Самое главное, это был храбрый петух! Ни одна кошка не смела подкрасться к наседкам, когда он находился поблизости. Да что кошка — даже я боялся нашего петуха! Стоило подойти поближе, переступить какую-то невидимую черту, которую определял сам петух, он немедленно бросался в атаку. Клеваться умел больно-пребольно.

За это мать и бабушка уважали петуха. С таким петухом можно было не беспокоиться за судьбу кур и цыплят.

И вот случилось что-то непонятное.

С утра был петух как петух, а после полудня свихнулся. Будто подменили. Всегда оберегал кур, а тут вдруг ни за что ни про что принялся их бить. Дико закукарекал, забегал шатаясь по двору, разогнал испуганных несушек, взлетел, ударился оземь, с трудом поднялся, проковылял с усилием несколько шагов и свалился окончательно. Затих. Лёжа на боку, вытянул лапы и закрыл глаза — все уже решили, что петуха хватил удар. Но нет: очнулся, задёргал лапами, затрепыхал крыльями, попробовал подняться, упал на грудку и бессильно распустил крылья по земле. Полежав с минуту, одурело ворочая по сторонам головой, неожиданно

опрокинулся на спину и, задрав лапы кверху, принялся отчаянно горланить. Набезобразничав, опять умолк. Вот тут-то его и взяли и кинули в «кутузку», как выражалась моя бабушка, то есть в летнюю куриную «резиденцию» — за загородку под навесом.

Мама и бабушка терялись в догадках: что с петухом? Не то сошёл с ума, не то разбил паралич!..

Набуянившись вволю, петух уснул. Уснул мертвецки, камнем пролежав посреди своего загончика часа полтора-два. Потом вдруг вскочил, захлопав крыльями, взлетел на загородку, звонко-заливисто проорал «кукареку» и как ни в чём не бывало отправился к курам. Что, прошла дурь?!

У петуха прошла, зато началась у кур. Петух нипочём не мог совладать с ними — тихие смиренушки отказывались повиноваться. То разбегутся в разные стороны, шатают их туда-сюда, то соберутся вместе и затеют потасовку... Потеха! Чтоб унять разбуянившихся хохлаток, мама стала ловить их и рассаживать по разным местам. И тут наконец обнаружилась причина их шумного поведения.

Дело было перед праздником, бабушка готовила вишнёвую настойку. Когда настойка настоялась, ягоды — вишню — выбросила, а куры их нашли и наклевались. Ягоды-то были пьяные, проспиртованные.

А много ли птице надо? Куры и «окосели»!

Первым пострадал петух. Вероятно, наткнувшись на вишню, он решил, что эта еда не для кур, и принялся клевать сам. Потом вишни отведали хохлатки. И тоже стали дурными и глупыми. Вот какая история!

Даже птицы делаются дурными и глупыми, когда пьянеют.

В то лето у нас появилась ещё одна собака — сеттер Бобка, по паспорту Боб. Купили его у знакомого охотника («охотник» этот, кажется, не имел даже ружья) после долгих моих упрасиваний. Мальчишке, видите ли, загорелось иметь «настоящую» породистую собаку! А Бобка был чистокровный «ирландец» — рыжий, с длинной волнистой шерстью, мягкими ушами и саблевидным хвостом, который у сеттеров по-охотничьи зовётся «перо».

Покупать Бобку ходил я. Хозяин просил за него десять рублей. Я, как меня учили, давал три. Сошлись на пятёрке. Рыжий красавец сперва усиленно упирался, и я тащил его чуть не волоком; с полпути он неожиданно пустился вскачь — я едва поспевал за ним. Мне кажется, уже тогда проявился вздорный характер Бобки. Подозреваю, из-за этого его и продал хозяин.

Впоследствии выяснилось: такая быстрая смена настроений — характерная черта Бобки. Кроме того, он оказался невероятно упрям, а непослушание его могло вывести из себя кого угодно. Первый владелец, у которого пёс прожил полтора года, безбожно надул нас — Бобка не был дрессирован. Родители брали собаку для меня и предоставили её полностью моим попечениям, я же был ещё слишком неопытен, чтобы образумить рыжего упрянца.

Очень скоро все в нашем доме решили, что Бобка просто дурак: хозяина не слушает, делает что хочет. Хоть с паспортом, а что толку? (Паспорт — родословное свидетельство — вручил мне прежний хозяин при покупке.) Бывают ведь и люди такие: дипломов куча, а ума ни на грош. У Бобки, казалось нам, тоже ни на грош. Мы не знали, и прежде всего не знал я (никто не сказал), что в каждой породистой собаке много своевольства и если её не обучить своевременно, то она и впрямь покажется «глупой». Пожалуй, этим она и отличается от дворняжки. Бедный Бобка, рыжий ирландский пёс, мне остаётся лишь пожалеть, что я узнал об этом слишком поздно...

Бобка распугал всех дедушкиных кошек, он гонялся за курами, перебил немало посуды, несколько раз уронил меня и бабушку и кончил тем, что был передан в новые руки.

На сей раз его отдали даром — безвозмездно, как сказал мой отец, даже не назначили никакой цены, как будто он и вправду не стоил ни копейки.

— Не ко двору, — сказала бабушка, когда уводили Бобку.

А может, и вправду не ко двору: зачем брать охотничью собаку, если не ходишь на охоту?

Так печально окончился мой первый самостоятельный опыт собаководства. Наверное, всё-таки это я не сумел поладить с Бобкой. Из-за меня он пошёл по рукам. Плохо.

Плохо, когда собака меняет хозяев. Прокру не будет.

Пожалуй, меньше других пользовался вниманием Томка — дворовый пёс. Его не баловали. Сыт, накормлен, и ладно. Но именно Томка открыл мне, какой надёжный друг — собака.

В гости к нам приехал родственник, папин племянник Михаил, чуть старше меня. Мы строили во дворе катушку — ледяную гору. Томка бродил тут же, присматриваясь к тому, что мы делаем.

Михаил решил побороться со мной. Схватил и повалил в снег. И вдруг Томка ка-ак зарычит да кинется на Михаила! Тот едва успел увернуться от грозных собачьих клыков.

Томка бросился защищать меня. Ай да Томка! Откуда ему было знать, что Михаил шутит и хозяину ничего не грозит!..

Томка был крупный, сильный — мог испугать кого угодно. Отец считал, что Томка не простая дворняга; пожалуй, внешний вид пса подтверждал это. Возможно, среди предков его были английские сеттеры, от них он унаследовал рост, чёрную шелковистую шерсть, форму головы и мягкие висячие уши. От дворняжек достался загнутый хвост и добрый, покладистый нрав.

Это не значит, что Томка плохо сторожил. Напротив! Когда надо, он проявлял злость. И чуткости ему не занимать. Не случайно мама говорила, что, когда Томка во дворе, она спокойна.

Папа часто уезжает в командировки, дедушка не слышит. Естественно, мама беспокоилась. Томка ел свой хлеб не зря.

Днём Томка отсыпался в конуре, а вечером его спускали с цепи (закрыв предварительно ворота на засов), и до утра он бродил по двору, поднимался на сеновал, заглядывал во все закоулки, тёмные углы и время от времени басисто брехал.

Зимой, в сильные морозы, мама пускала его на кухню, и пёс отогревался там, пока не наступал урочный час. Вместе с морозным воздухом Томка приносил крепкий запах псины;

но мне нравился этот запах, я любил прижиматься к Томке, запускал руки в его густую мягкую шерсть, а он замирал от счастья. Пёс не был избалован лаской. Всё на цепи да на цепи. Но вот кончалось счастье. Скажут: «Пора на службу» — и он сразу идёт к дверям.

Честности он был безупречной и ни разу не позволил себе стянуть что-либо съестное, даже будучи голодным, хотя вокруг витали аппетитнейшие запахи.

И вообще с тех пор я считаю, что самые лучшие собаки — дворовые. Ласки им перепадает меньше, зато они и ценят её больше. А уж служат не за страх, а за совесть.

Однажды ночью в огороде ветром повалило забор. Басистый голос Томки слышался всю ночь; но к утру пёс исчез. Не пришёл он и к вечеру. Не возвратился на следующий день. Наутро третьего дня стало ясно, что Томку поймали собачники.

Родные откомандировали меня на поиски. На случай, если пёс действительно захвачен ловцами и придётся выкупать, мать вручила мне три рубля.

Зажав в кулаке трёхрублёвку, я мчался бегом через весь город на бойню, где оканчивалась жизнь бродячих собак.

Пойманных в ожидании выкупа выдерживали три дня. Шёл третий день, я отчаянно боялся опоздать.

Бойню слышно было за квартал. Лай, визг, жалобный вой... Несчастные псы вопили на разные голоса, кто как умел. Они сидели в больших деревянных ящиках, почти в полной темноте.

— Кажись, тут... — лениво ответил мне человек, одетый, несмотря на тёплую погоду, в валенки и толстую куртку, когда я описал ему Томкины приметы. На заросшей физиономии не отражалось никаких чувств.

Больше человек этот не сказал ни слова. Наверное, он не умел ни радоваться, ни печалиться. Прямоком он направился к одному из ящиков и, откинув крышку, быстро выудил проволочной петлей Томку.

Как изменился пёс за короткий срок! Прямо-таки неузнаваем... Одичал, похудел, шерсть всклокочена, глаза нали-

лись кровью. Не наш Томка! Я никогда не видел его таким пришибленным, несчастным.

И это — за два дня пребывания в «ящике»...

Он даже не порадовался моему приходу — вероятно полагая, что конец неотвратим, ничто уже не поможет.

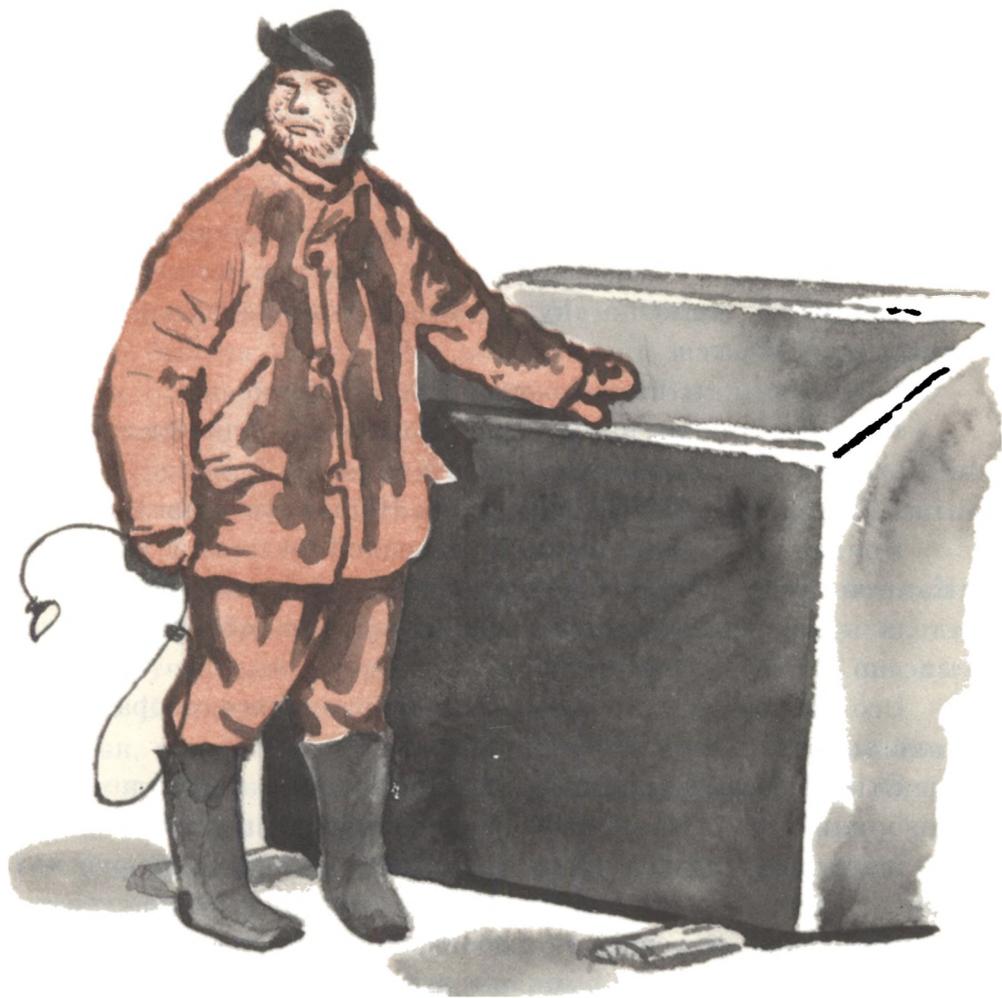
Я смотрел на мужчину в валенках и куртке, и в душе у меня поднималось нехорошее чувство. Я смотрел на него, и самые чёрные мысли обуревали меня. Я смотрел и думал, что он делает самое презренное и жестокое дело из всех, о каких я только знал и какие мог предположить. Что дело это особенно жестоко потому, что собаки не могут сопротивляться, как люди, а Томка небось и вовсе не умел, на то он наш добряк Томка, и что за это жестокое дело этому жестокому человеку в его носатых валенках и грязной тёплой куртке, наверное, ещё платят деньги.

И я сейчас заплачú.

А где же справедливость? Сейчас мне было жалко моих несчастных трёх рублей, как бабушке, хотя, чтоб выручить Томку, я не пожалел бы ничего. Снял бы с себя последнее. Честное слово.

С того далёкого дня у меня навсегда осталась жгучая неприязнь к людям, которые ловят наших друзей — собак.

Ещё одна грустная история о собаке.
 ...Мы сидели ужинали внизу на кухне, когда в окне мелькнула чья-то неясная тень и донёсся слабый звук, как будто царапнули по стеклу. Я подбежал к окну.

На меня смотрели печальные глаза. Большая остромордая собака с поднятыми ушами-стрелками стояла на задних лапах, одной передней опираясь о выступ стены, а другой осторожно касаясь стекла. Тронет и подождёт: может, слышали?

Да это же Полкан?!

— Полкан! Полкаша... ты что?

— Пойди пусти.

Я сбегал, впустил. Собака бестрепетно проследовала за мной на кухню, увидела мою мать — обрадовалась, бросилась к ней. Мама стала разговаривать с Полканом, гладит, а пёс распластался на полу у ног, хвостом мотает, глядит в глаза и так жалобно скулит, будто что-то сказать хочет — душа разрывается.

— Ты что, ты что, Полкан? Что с тобой?

Наконец Полкан немного успокоился. Ему дали поесть, но он от еды отказался, лёг у дверей и затих.

У Полкана недавно умер хозяин. Но что его привело к нам?

Полкан был единственной немецкой овчаркой в городе. Как он красиво скакал, широкими, плавными прыжками стелясь над землёй, когда хозяин — окружной военный комиссар — ехал на дрожках.

Все прохожие, стар и млад, останавливались, оборачивали головы и смотрели вслед. Ну как есть волк!

Откуда привёз Полкана военком, точно никто не знал. Говорили, что с германской, будто бы взял щенка в каком-то немецком городе, жители которого сбежали от русских войск; насколько это соответствовало истине, трудно сказать.

Но хорош был пёс, ох хорош! Громадный, сильный, зубищи — во! Насколько помню я, эти зубищи — своё оружие — Полкан никогда не пускал в ход без причины.

Рассказывали, что Полкан однажды спас военкома. После окончания гражданской войны прошло немного времени, в лесах прятались одиночки-бандиты, бывшие белогвардейцы, закоренелые враги молодой Советской власти. Военком возвращался поздно вечером домой верхом на лошади. Неожиданно из темноты на дорогу выступили двое: «Стой! Слезай с лошади!» Военком не растерялся, выхватил пистолет и одного бандита ранил. Но другой наверняка убил бы военкома, если б не Полкан. Как всегда, Полкан сопровождал хозяина. Бандит вмиг очутился на спине, пригвождённый к земле страшными Полкановыми клыками.

После этих двоих судили. Полкан тоже присутствовал на суде, все смотрели на него...

И вот военком умер. Вдова с детьми переехала к родственникам в другой город, а Полкана оставила знакомым.

Бедняга Полкан! Но почему он бегаёт вечером один по улице? Что, ему плохо у новых хозяев? Почему прибежал к нам?

Военком жил по соседству. Мама была знакома с его женой, бывала у них. Раз или два они с собакой заходили к нам. Наверное, Полкан запомнил. Запомнил, и вот — прибежал.

— Полкан... Полкаша... Всё горюешь, да? — говорил я ему, но подойти и погладить боялся. Уж очень серьёзный пёс.

Полкан постучал хвостом о пол и опять затих, положив тяжёлую умную голову на передние вытянутые лапы и вперив безучастный взор куда-то перед собой. Кого он там видел? Военкома?

Так, неподвижный и безучастный ко всему, пёс пролежал почти весь вечер, а поздно вечером в окошко застучали опять: пришли хозяева Полкана.

Они думали, он привык к новому месту, спустили его с привязи, а он взял и убежал.

— Обьест он нас, — озабоченно сдвинув брови на круглом румянном лице, говорила новая хозяйка Полкана. — Сильно большой...

«Объест»! Вот что беспокоило их больше всего. Зачем комиссарова вдова отдала им Полкана? Эх...

Полкан уходил от нас печальный, повесив голову и опустив хвост. Приходи, Полкан, ещё, мы тебе рады!

Но больше мы Полкана не видели.

После говорили, что он опять убежал, и вскоре на линии железной дороги нашли большую собаку, перерезанную поездом. Был ли это действительно Полкан или какой-нибудь другой такой же несчастный пёс, я не знаю.

ДЕДУШКА И КУЛЬБИК

Оглядываясь назад, я вижу, как быстро пролетели детство и юность. Понятней становятся и дедушкины чудачества.

Постепенно население нашего собачье-кошачьего лающего мяукающего царства стало уменьшаться. Куда они девались, все эти Роски, Билки, Шарики, Буски? Откуда пришли, туда ушли. Так обычно говорила бабушка.

Шарик ушёл однажды на улицу и больше не вернулся.

Пришёл день — не стало и нашего верного стража Томки.

И остался один Кульбик.

Кульбик теперь буквально не сходил с дедушкиных рук.

Дедушка трясся над ним, как мать над единственным ребёнком. Может быть, поэтому Кульбик стал ещё несноснее, ещё сварливее.

Только когда он сидел рядом с дедушкой на скамейке, он делался степенным. Наверное, подражал дедушке. А когда бежит мимо большая собака, мгновенно — шмыг под лавку и спрячется за дедушкиными ногами. Понимал, что многим хотелось проучить его. Уж очень многим он насолил. И всё-таки не уберётся.

С годами дедушка сильно сдал. Слышал всё хуже, приходилось кричать, и поэтому стал ещё более нелюдимым. Сам редко показывался на людях и к себе не звал. Только в гости к родне по-прежнему ходил аккуратно каждый праздник. Родня жила на реке Шакве.

Время приближалось к вечеру, когда с улицы через закрытые окна донёлся сильный шум — отчаянный собачий лай, жалобный визг, крики. Дедушка хватился — Кульбика нет. Не помня себя кинулся на улицу.

На перекрёстке перед домом собралась толпа народа. Чья-то собака в луже грязи трепала Кульбика. Потерял ли Кульбик под старость свою обычную бдительность или сам наскочил на чужого, забежавшего на нашу улицу, случайного пса — неизвестно, но дело на этот раз оборачивалось плохо. Незнакомая собака так принялась рвать Кульбика, что клочья полетели.

Тщетно дедушка суетился вокруг сцепившихся псов, что-то кричал, стараясь помочь своему любимцу. Руки у него тряслись, трясся он весь, с губ срывались одни и те же слова: — Кульбик... Кульбик... Господи боже мой!..

Кульбик защищался всеми силами. Но что мог поделывать маленький, пусть и храбрый, пёсик против большой свирепой собаки? Скоро Кульбик уже перестал визжать. Слышалось только злобное рычание чужой собаки да слабый, приглушённый хрип...

Драка двух собак — жестокое зрелище, оно врезалось мне в память на всю жизнь. Не давайте драться собакам!

Наконец кто-то из мужчин, вооружившись длинной палкой, отогнал собаку.

Кульбик плавал в луже грязи и собственной крови. Из бело-пегого он превратился в чёрно-бело-красного, его маленькое изодранное тельце билось мелкой зыбкой дрожью. Ещё жив...

Дедушка осторожно поднял его и прижал к своей груди. Из глаз старика катились слёзы. Впервые я видел, чтоб дедушка плакал. Да, дедушка плакал и даже не замечал своих слёз. Это могло разжалобить кого угодно — высокий седой старик, нежно прижимающий к себе полумёртвую небольшую собачку... Если раньше все ругали Кульбика, желали ему всяческой напасти, то теперь жалели.

Дедушка устроил Кульбику мягкое покойное ложе под лестницей. Трогать собаку запретил даже бабушке, сам же вставал ночами и с керосиновой лампой-мигалкой шёл проведать больного друга.

Проболел Кульбик очень долго, несколько месяцев. Все были уверены, что он уже не встанет. Но Кульбик встал. Однако, когда он наконец покинул своё скорбное ложе под лестницей, это был уже не прежний Кульбик, задира и забияка, способный досадить всем — людям и животным. Нет, это был другой Кульбик. У него неправильно срослась сломанная лапа, и он почти не приступал на неё. Повисло одно ухо. И самое главное, повреждённым оказался позвоночник, и Кульбика скривило набок. Двигался он теперь вприскок

и как-то бочком-бочком. Но лаял с прежним задором и ещё немало доставил радости старикам своим существованием.

А потом несчастье случилось с дедушкой. В весеннюю гололедицу он упал и сломал бедро. И — всё. Остаток жизни он провёл в постели. «Старческие кости не срастаются», — объяснил доктор.

Кое-как, опираясь, на костыль, на одной ноге дедушка допрыгивал от кровати до стола и обратно от стола до кровати. Он был терпелив. Жалел только, что больше не может шить сапоги.

С некоторого времени дедушка и сам стал чем-то напоминать Кульбика — вероятно, тем, что вынужден был передвигаться тоже боком и вприскок. Таким — прыгающим на одной ноге — и запомнился мне...

Несмотря на своё увечье, Кульбик, в общем, дожил до весьма преклонного для собаки возраста. Однажды он ушёл под амбар и там окошел. Дедушка плакал горячими слезами. А может, он плакал и над своей молодостью, которая ушла и не вернётся?

Кульбика не стало — недолго пережил его и дедушка.

А бабушка прожила ещё много лет. Она была моложе дедушки.

— Кто животных не любит, тому счастья нет, — бывало, говаривала бабушка.

— Блажен тот, кто и скота милует, — вторил дедушка. Дедушка и бабушка научили меня любить животных.

И вот пишу, оглядываюсь на прошлое — сам думаю: «Конечно, жизнь изменилась. В большом городе держать собаку или кошку труднее, чем в маленьком. А уж сразу о нескольких и думать не приходится. Не те времена. Козу или корову и вовсе не заведёшь (да, наверное, и не надо). И всё-таки без животных человеку нельзя, никак нельзя».

АТАМАН,
КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ
ПЛАВАТЬ

Моя мать не раз говаривала, что все в их роду любили лошадей. Она ими восхищалась. Увидит — и замрёт: ах, хороши!

У мамы имелась и своя, особая причина любить лошадей. Она не забыла, как папа умчал её на тройке зимой, в метель, за тридцать вёрст от Кунгура, и там, в селе, они, вопреки родительской воле, сыграли свадьбу.

А я лошадей боялся. Ещё лягнёт — и поминай как звали. Мне они казались сердитыми. Почему? Не знаю.

И может быть, я никогда не полюбил бы их, если бы не... гражданская война, в которой участвовал мой отец.

Шёл 1918 год.

Когда в Кунгур пришли белые, папы не было дома. Он ушёл с Красной Армией добровольцем, даже не сказав нам с мамой.

Да он и не мог этого сделать. Он возвращался с работы, из района, когда его остановил на дороге патруль красных и сообщил, что в городе белые. Это было в семи верстах от города.

Отец постоял-постоял, подумал и сказал:

— Ну, значит, судьба опять воевать.

Он и в германскую войну воевал, был на фронте под Лугой и ещё где-то. Только вернулся, и вот — пожалуйте опять.

Красная Армия отступала, вынуждена была отдавать город за городом. По дороге тянулись обозы. Но мы с мамой ничего этого не видели, не знали, что папа записался в Красную Армию и уже отступил с нею от родного Кунгура, и продолжали ждать его.

Накануне прихода белых город как вымер. Даже собака не пробежит. Перед тем Кунгур несколько раз переходил из рук в руки, говорили, что в окрестностях шли тяжёлые бои, но мы с мамой этого тоже не видели — сидели дома. Все

жители, которые не успели уйти с красными, попрятались по домам.

И вот стало тихо-тихо. И так продолжалось целый день. В тишине над городом прошелестели снаряды. Это переговаривались белые с красными. Белые были на Спасской горе, за рекой Сылвой, а красные — за Иренью, по другую сторону. И они стреляли из пушек друг в друга. Попали или не попали, я не знаю. Один снаряд, сделав недолёт, упал на нашей Успенской улице недалеко от Успенской церкви, разорвался и выбил громадную ямину. Потом мы с ребятами бегали смотреть на эту ямину, пока её не зарыли.

Кончался день, а мы всё сидели и ждали. И тревожились. Очень тревожились — о папе. И о городе. Неужели белые возьмут Кунгур? И что тогда будет?

И тогда наша бабушка решила сходить в разведку. Отчаянная бабушка! Никого не послушала.

«Что мне сделается?» Наложила две корзинки только что выстиранного белья, прицепила их на коромысло и пошла на Ирень — полоскать. А по дороге посмотреть и выведать, где что делается.

И что вы думаете? Сходила. Бельё выполоскала и целаневредима вернулась обратно. Она первая увидела и воронку на Успенской улице. Бесстрашная бабушка! А вскоре город заняли белые.

И вот белые пришли в наш дом.

Они заняли под постройкой весь дом. Внизу жили солдаты, наверху офицеры. Дом наполнился грохотом сапог, грубыми мужскими голосами. Во дворе стояли зелёные военные двуколки, ржали лошади.

Белые были совсем не белые: на них были чёрные мундиры, на рукаве — череп и скрещённые кости. Назывались они — карателями. Кто-то им донёс, что наш папа — красный, и они называли маму не иначе, как «комиссарша».

Они требовали, чтобы она сказала, где папа. А мама и сама не знала, где папа. А если бы и знала, всё равно не сказала бы.

Она даже думать боялась — а вдруг папа попадёт в плен?

Маме было просто страшно, одной с ребёнком, среди солдатни с черепами на рукавах. И тогда мы потихоньку уехали в Красноуфимск, где жили мамины родственники, а те отправили нас в деревню Межевую. Там было спокойнее.

Долго-долго от папы не приходило никаких вестей. Мама извелась вся. А что она могла сделать? Война. Оставалось только ждать. Ждать и надеяться.

Потом стали доходить слухи: белых погнали. Красная Армия задержалась на Волге, дала там решительный бой и сама перешла в наступление — погнала противника назад.

То белые наступали, красные отступали; теперь красные наступали, а белые отступали, мазали пятки. Но это были ещё только слухи, и пока ещё белые продолжали оставаться на Урале.

Так прошёл восемнадцатый год, начался девятнадцатый.

Уже и зима шла к концу...

Однажды прибежала соседка и шепнула: «Красные близко». У соседки этой сын был в Красной Армии, она ждала сына. Близко! Ура! Но мы ещё боялись поверить в такое счастье.

Затем кто-то принёс сообщение: красные взяли Красноуфимск. Белые, отступая, хотели уничтожить мост через реку Уфу, набросали соломы, а поджечь не успели. Быстро идут красные, прямо на пятки наступают врагу, только держись!

Поздним вечером — уже стемнело — тихая Межевая наполнилась грубыми, сорванными в крике голосами, фырканием лошадей, скрипом телег, лязгом оружия. Межевая стояла на тракте — большой проезжей дороге, по тракту двигались разбитые белогвардейские войска. Ой что было!

В деревне не светилось ни одного огонька, перестали лаять собаки. Никто не спал. Не спали мы с мамой, огня не зажигали, к окнам не подходили — опасались; только слушали. Было любопытно и жутко. Тревожно билось сердце. Я, кажется, своим телом ощущал, как волнуется мама. Неужели уходят, неужели!!!

Улицу размесили, телеги вязли, в грязи застревали даже кавалеристы, люди и лошади выбивались из сил. Хлесь!

Хлесь! — доносились удары по спинам лошадей. Бедные животные, им-то доставалось за что?

Всю ночь за окнами слышалась дикая брань, фыркали кони, скрипели и стонали телеги, гроыхали пушки, всю ночь тянулся бесконечный обоз, ползла, шевелилась, порой замирала, останавливалась и снова ползла гигантская змея...

К рассвету стихло.

Настало утро. Взошло солнце.

Казалось, всё ночное нам привиделось во сне...

У меня было любимое место — зелёная лужайка за деревенской околицей. Лужайку пересекала дорога; дорога вползала на мост; внизу, под мостом, плескалась и звенела река. Я выбежал на лужайку, глянул и замер. Около кустов перед мостом стоял человек с винтовкой, в зелёном островерхом шлеме с красной звездой.

Красноармеец! Красный! Вероятно, его поставили тут, чтоб ни один белогвардеец не мог проехать по мосту.

После того как остолбенение моё прошло, я во всю прыть

помчался назад, в деревню, чтоб сообщить радостную новость маме. Ещё издали заметил — около наших ворот привязана лошадь. Серая, в яблоках, высокая, красивая, с седлом на спине. Кавалерийский конь. Сердце у меня чуть не выпрыгнуло из груди: папа, папа вернулся! Я понял это сразу.

Мама плакала и смеялась. Отец улыбался. Право, повстречай я его где-нибудь в другом месте, пожалуй, не узнал бы. На отце был такой же шлем с красной звездой, как на часовом у моста, у пояса — кобура с пистолетом... И почему-то даже отец мне показался выше. Загорелый, стройный, весёлый... Папа, милый папа! Ты всё-таки вернулся к нам! Как хорошо, что ты вернулся! Он подбрасывал меня на руках, вертел и тискал так, что у меня рёбра трещали. Но это было тоже хорошо. Приятно, когда папа сильный.

Оказалось, красные уже побывали в Красноуфимске. На рассвете их дивизия вошла в Красноуфимск. Родственники сообщили отцу, что мы с мамой в Межевой, и он сразу поскакал сюда.

— Атамана накормить надо, — сказал отец, когда первый приступ радости прошёл и все немножко успокоились.

Он сказал это таким тоном, каким говорят о близком товарище, друге. Все втроем — папа, мама и я — мы пошли к воротам, где был привязан серый статный конь.

— Хочешь прокатиться? — предложил отец, и в тот же миг я очутился в седле. Отец так ловко подбросил меня туда, что я и слова сказать не успел.

Атаман тихонько-вопросительно заржал и потянулся мордой ко мне. Я ощутил его тёплое дыхание.

— Да ты не бойся. Он не тронет. Держись крепче...

Седло подо мной запokaчивалось. Запкачивался и я, уцепившись за седло. Отец одной рукой поддерживал меня, другой вёл под уздцы Атамана. Атаман неторопливо переставлял длинные ноги — понимал, наверное, что быстро нельзя, седок ненадёжный.

Ой, какой же он и вправду высокий, прямо высоченный, земля внизу далеко. Как не боится на нём ездить отец?!

Жёсткое кожаное седло поскрипывало. Я был ни жив ни мёртв. Даже гордиться забыл. Попробуйте-ка впервые в жизни очутиться верхом на боевом коне, узнаете, что это такое!

Отец завёл Атамана во двор, меня снял и поставил наземь, а коню задал добрую порцию овса. Я смотрел, как Атаман ест, как ловко действуют его мягкие, с длинными торчащими волосиками, розовые губы, подбирая овсинку за овсинкой, мерно двигаются челюсти, перетирая еду, хруп-хруп, хруп-хруп, а сам всё ещё видел себя верхом, ощущал тёплые крутые бока и мерное колыханье большого сильного тела.

Удивительное дело: ещё совсем недавно я даже не подозревал о существовании Атамана, а сейчас не мог представить себе, как это вдруг отец вернулся бы без него. Настолько дорог мне стал этот серый, в яблоках, конь, всю войну носивший на себе моего героя-отца! А Атаман, продолжая безостановочно хрустеть овсом, косил на меня большим умным глазом, как бы говоря: «Глядишь? Гляди. Наше дело такое: есть еда — ешь, нету — терпи. Мы народ служивый...»

Поест он был горазд! Ого, только подавай! Выносливость как у настоящего боевого коня и, как настоящий боевой конь, в походах и лишениях он мог довольствоваться малым.

Отец рассказывал: что ни дай, всё съест. Уминал солому, нет соломы — жевал прошлогоднюю мякину; нет мякины — принимался за изгородь. Да, за палки, жерди. Изгложет всё. На войне всякое случается, бывает — люди голодают, а для лошадей и вовсе закусовых не приготовили. Крепкие жёлтые зубы Атамана могли истереть что угодно, хоть кирпичи. Только гвозди не ел.

Другой давно бы сдох от такой жизни. А этот...

Ест — и всё прислушивается, всё поводит глазами, косится, прядает ушами: что происходит вокруг, нет ли поблизости опасности? Военная косточка, как отзывался о нём отец.

— Я всю кампанию на нём проделал! — сказал отец. — Сколько раз он меня выручал...

Оказывается, война — это «кампания». И как отходила с боями Красная Армия с Урала до Волги, до города Царицына, а потом возвращалась, тоже с кровавыми боями,

к нам на Урал,— это была «кампания». И как отец проделал этот длинный путь, туда и обратно, верхом на Атамане, тоже «кампания». Всё, что поместилось между тем памятным днём восемнадцатого года, когда отца на дороге остановил красный патруль и он вместо дома попал на фронт, в гущу сражений, и этим солнечным днём девятнадцатого года в Межевой, когда вернулся отец,— всё это была «кампания».

Фронт долго стоял под Царицыном. Красные сражались что надо, но у них не хватало оружия, боеприпасов, одежды, провианта. У белых же было всё.

Штаб дивизии, в которой служил отец, находился в станице недалеко от Царицына. Раз пришёл обоз — украинские волы притащили большие телеги с провиантом. Только втянулись в станицу — налетели вражеские самолёты и давай кидать бомбы. Потом, вторым заходом, обстреляли из пулемётов. Люди попрятались. А куда деваться волам? Белые лётчики поливают их из пулемётов, а волы стоят... Вот у одного по спине побежали красные ручейки, ноги подогнулись, вол медленно повалился наземь; за ним — второй...

— А моего мерина и пули не брали,— говорил отец.

О том, какие опасности грозили ему самому, он не упоминал.

Наконец красные одолели, и белые побежали. Началось контрнаступление. Да какое! Отступали быстро, а наступали ещё быстрее, без передышки. И ели, и спали в седле. День и ночь марш-марш. Только, случалось, расположатся, привал, опять — подъём и вперёд!

Отец был при штабе дивизии. Начальник топографического отряда. Его дело — обеспечивать картами. Без коня — никуда. Разведка и съёмка — всё на Атамане. У других короткий отдых, а им с другом Атаманом опять заниматься глазомерной съёмкой, готовить карты для дальнейшего движения вперёд.

Вот тут-то Атаман и показал, чего он стоит.

— У других кони посбивали копыта, а моему Атаману всё нипочём. Только в воду я его ни разу не мог заставить войти. То ли он её не любит, то ли плавать не умеет.

...Однажды — это уже когда приближались к Уралу — отец получил срочный приказ начдива немедленно выехать в город Сарапул и раздобыть карты. Наши передовые части уже вступили в Сарапул. А без карт местности могло задержаться дальнейшее продвижение. Артиллеристы не могли метко стрелять по врагу.

Отец оседлал Атамана и поскакал.

Дорогу ему преградила Кама.

Отец метнулся туда, сюда. Моста нет, паромы сняты — весна, вода поднялась, вот-вот тронется лёд с верховьев.

Как быть? Кама — река широкая, большая, не перепрыгнешь. И приказ нарушить нельзя. Военный приказ.

Пока искал переправу, начался ледоход. Громадные почерневшие льдины медленно потянулись по широкой тёмной глади, шурша и обламываясь друг о друга. От реки дохнуло зимой. Худо дело.

Всё-таки отцу удалось уговорить одного рыбака переправить его в лодке на другой берег. А как быть с конём? Тоже в лодку. Не бросать же. Сам он не поплывёт: и прежде ни за что не шёл в воду, сейчас и вовсе не заставишь. Да если б даже поплыл, льдина тукнет в голову — и поминай как звали...

Старый рыбак в ужас пришёл, узнав, что этот отчаянный красный конник хочет переправляться в челноке вместе с лошадью. С ума сошёл! Пусть оставляет лошадь здесь, после вернётся и заберёт.

Но отец не мог оставить Атамана.

— Нет уж. Целый год воевали вместе. И сейчас вместе. Он умный, вот увидишь, — доказывал отец рыбаку.

— Да он лодку перевернёт!

— Не перевернёт...

Видать, рыбак тоже был забубённая головушка, коль согласился. И красным сочувствовал, это уж точно.

Медленно-медленно отец завёл Атамана в лодку. Атаман сперва упирался, храпел. Отец боялся дышать. Шажок... другой... а ну, ещё, ещё... давай, друг! Осторожно, осторожно... Лодка качнулась, едва не черпнув воды. Отец замер. Замер, оцепенел на месте и Атаман, с вытянутой шеей и

выкаченными от страха глазами. Ноги расставлены, под кожей ходят упругие желваки — мускулы. Ох, до чего же понятлив!

Осторожно оттолкнулись от берега, поплыли. Рыбак на корме грёб, отец сидел на носу и держал за уздечку Атамана.

Навряд ли он смог бы помешать, если бы Атаману вдруг вздумалось прыгнуть в воду. К счастью, Атаман не любил плавать...

Теперь уже — к счастью.

Да! Я чуть не забыл сказать: отец мой тоже не умел плавать.

Медленно-медленно приближался противоположный берег. Льдины задевали борта лодки, раз даже чуть не повер-

нули её поперёк течения. Атаман как окаменел. Только глазами туда-сюда.

Издали донёсся тяжкий гул. Гром с неба? Нет, это продолжалась военная гроза. Атаман запрядал ушами.

Вот и берег... Уфф, неужели доплыли? Атаман прыжком подал своё тело вперёд, следом выскочил отец и, черпая воду голенищами сапог, побрёл к берегу. Тут уже было мелко. Облегчённое судёнышко сразу всплыло, завертелось на месте и тотчас оказалось на берегу — льдины вынесли его на сушу.

Простившись с рыбаком, отец, пришпоривая Атамана, поскакал в ту сторону, где гремели пушки...

Через несколько дней мы уезжали из Красноуфимска в Кунгур. Вместе с нами ехал и отец. Его демобилизовали. Он был специалист сельского хозяйства, и вышел особый приказ насчёт специалистов сельского хозяйства: уволить их из действующей армии досрочно, не дожидаясь конца войны.

Было мокро, скользко, прошли сильные дожди. Нас, беженцев, везли на попутных грузовиках. Вместе с нами везли армейское имущество, какие-то огромные тюки, связки, а мы сверху, на них. Дорога была избитая, в нырках, грузовики встряхивало, мы, наверху, качались и подпрыгивали, как куклы. Мама держала меня: боялась — подбросит, а я и вылечу за борт.

В грязи грузовики буксовали, под колёса подбрасывали ветки, жерди. Моторы рычали-надрывались, из-под колёс летели фонтаны жидкой грязи. Вокруг суетились люди.

Помню парня с забинтованной рукой. Колесом ему раздавило палец. На подъёме он подкладывал под колёса камни, чтоб машина не скатилась вниз. А грузовик неожиданно пополз назад и придавил палец. С пальца капала кровь, но парень беззаботно смеялся и всё продолжал соваться под грузовик — помогал.

Всё было хорошо. Миновали грозы и ненастье. Все чувствовали себя счастливыми оттого, что возвращаются домой. И только Атамана, милого Атамана не было с нами. Ему предстояло воевать дальше, до полной победы.

Как простился отец с Атаманом, не знаю, не видел, а спросить не решался — наверное, он всё равно не сказал бы.

Пожалуй, теперь у моей матери появилось ещё больше оснований любить лошадей. Ведь если б не Атаман, вернулся ли бы отец? Сколько нам пришлось бы ещё ждать?

Богатырский, сказочный, красноармейский конь Атаман! Как отблагодарить тебя, добрый-добрый выносливый друг?

ЯШКА

Отец мой был землемер. Каждую весну, едва наступали тёплые дни, он забирал нас с мамой, и мы уезжали на всё лето в деревню. Рано утром, с первыми петухами, за отцом заезжала подвода, на телегу клали инструменты — теодолит, колышки-шпильки, стальную, свёрнутую в тугой круг измерительную ленту, и вместе с группой рабочих — крестьян-землепользователей и уполномоченными общества — отец отправлялся в поле на работу — мерить землю. Возвращался обыкновенно уже затемно, а потом ещё долго сидел и при свете керосиновой лампы-«молнии» приводил в порядок дневные записи, переносил на толстые белые листы ватмана сделанные наспех наброски-чертежи, «камеральничал», как он говорил.

Однажды он вернулся не один — привёз с собой купленного в соседней деревне двухнедельного поросёнка-сосунка.

— Зимой своё мясо будет, — сказал отец, передавая покупку матери.

Время было голодное: недавно кончилась гражданская война. А перед тем была первая мировая война, или, как её называли тогда, германская. Сколько лет воевали! Страна не успела оправиться от разрухи. Коробок спичек стоил миллион рублей. Достать соль — целое событие. А уж про еду и говорить нечего — ни масла, ни яиц. О сахаре думать забыли. Хлеба ели не досыта! Вместо хлеба давали жмых, отходы, которые получаются при выжимании масла из семян подсолнечника. Твёрдая такая спрессованная масса, зубы

сломаешь. Обычно жмых идёт в корм скоту, а тогда ели люди. И жмыху были рады! И того не было! А есть-то хочется каждый день, и многие горожане в те годы, как заправские крестьяне, обзаводились собственной живностью, копались в огородах.

Вот отец и решил разжиться поросёнком.

Поросёнок тоненько похрюкивал, тыкался по сторонам круглым розовым пяточком да беспомощно моргал белёсыми ресничками. Сквозь сивую щетинку просвечивало нежное розовое тельце. Не в пример другим визгливым представителям своего свинячьего племени, он был на удивление чист, скромн и тих, не вырывался из рук, не верещал, как под ножом, и тем самым сразу же понравился всем нам.

Куда его? В хлев запереть пожалели — уж больно мал. Посовещавшись, решили оставить до утра дома. Папа отгородил фанерной доской угол на кухне; мама поставила туда глиняную чашку, налила молока, ополосков. Почавкав, поросёнок сиротливо приткнулся к стенке и затих.

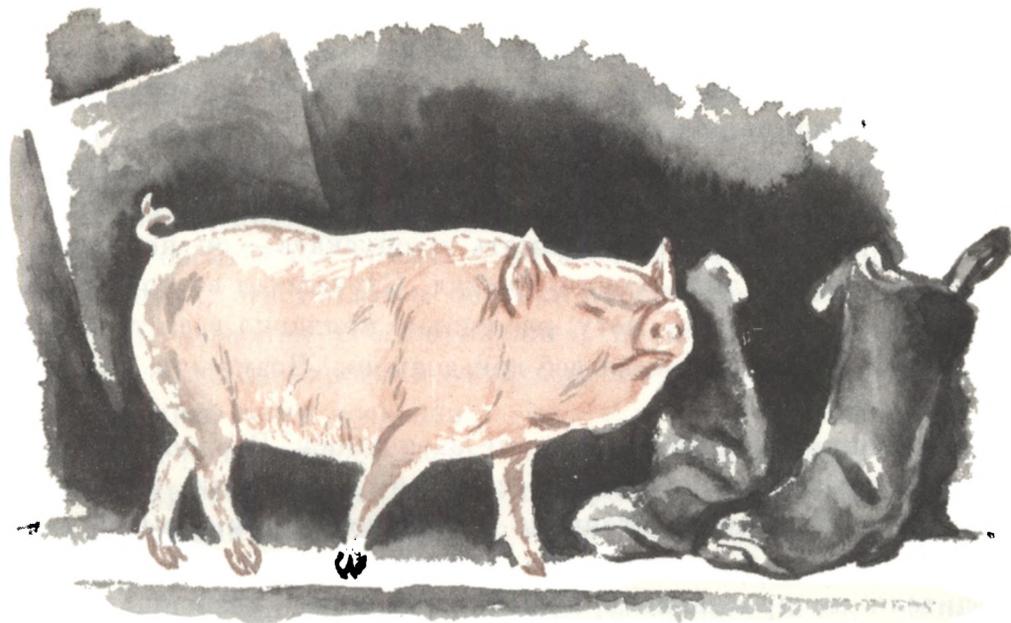
Я спал в комнате на полу за большим чертёжным столом, где по воскресеньям и вечерам в будние дни работал отец.

Среди ночи я внезапно проснулся. Кто-то осторожно подталкивал меня в бок. Поросёнок! Ему было скучно одному. Его же взяли от матери, от братишек. Он толкнул дощечку, повалил загородку и отправился бродить по дому... и нашёл меня.

Малыш очень обрадовался нашей встрече. Радостно накручивая коротеньким крючочком-хвостиком, он обошёл вокруг моей постели, потыкался там, тут, затем подковырнул носом край одеяла и подлез ко мне. Он был такой тёпленький, ласковый, трогательный, так доверчиво привалился ко мне, что это сразу подкупило меня. Я не стал гнать его, и он скоро угомонился.

Он согревал меня, а ему было тепло от моей близости. Засыпая, он ещё долго едва слышно похрюкивал, словно хотел сказать: «Ах, как хорошо, уютно... а мне было так одиноко и грустно...»

Так, прижавшись друг к другу, мы и уснули.

Утром сквозь сон я услышал разговор родителей.

— Куда он девался? — растерянно-сердито говорила мать. — Не сквозь пол же провалился?!

— Ничего не понимаю, — ворчал отец. — Ты, наверное, во двор ходила, дверь не заперла плотно, он и убежал...

— Никуда я не ходила...

— Тсс, смотри! — прервал отец, показывая в мою сторону.

Я пошевелился, одеяло сползло с меня, и... представляете такую картину? Лежит сынок, голова на подушке, а рядом, нос к носу, на подушке же, свинячье рыло. Розовый «пятак» почти упирался в мою щёку... Да, поросёнок хорошо устроился и, успокоенный, сладко всхрапывал во сне.

— Ну и ну, — только и смогла произнести мама, удивлённо покачав головой. — Вот и попробуй найди его. Видали приятелей?

Да уж, приятели что надо.

Поросёнка стали кликать Яшкой. Через неделю он уже

хорошо знал своё имя и тотчас прибежал, услышав его. День он бродил по дому или подрёмывал за своей фанерной загородкой, а на ночь обязательно являлся ко мне, и мы дружно засыпали вместе.

Спал Яшка удивительно крепко, как настоящий младенец. Спящего поросёнка можно было перекидывать с одного места на другое, приподнимать и опускать — он не просыпался, иногда лишь сонно хрюкал. Случалось, во время сна я клал на него руку, ногу, раз сильно придавил всем телом — ничего! Яшка принимал всё как должное. Возможно, ему это даже нравилось.

Яшкино пребывание в доме затянулось. Во двор, к другому домашнему скоту, поросёнка не выпускали; он гулял лишь в небольшом загончике в саду под окнами, рылся там в земле, но был настолько опрятен и чист, что мои родители не противились нашему общению — разрешили нам дружить.

Осенью мы переехали в город. К этому времени Яшка заметно подрос, теперь его определили во двор. Под сараем устроили небольшое стойло, настелили соломы, поставили деревянную кормушку-корыто. Но поросёнок скучал в одиночестве. Верещал, бился о доски, пробовал их грызть. Его часто выпускали. Он быстро освоился на новом месте и сообразил, куда ведут двери дома. Сунулся в одну из них — попал на кухню. Оттуда его изгнали сразу же. Тогда Яшка направился в другую дверь. Тут остановила лестница, которая вела на второй этаж.

Яшка долго нерешительно топтался на крыльце. Потом взобрался на одну ступеньку. Постоял, размышляя, что делать дальше. Влез ещё на одну. На третьей ступеньке нога у него подвернулась, он не удержался и с отчаянным визгом скатился вниз.

Однако поросёнок оказался на редкость настойчивым и упрямым. Он повторил попытку. На сей раз ему удалось подняться на ступеньку выше. И — опять скатился вниз, пересчитав боками все ступеньки. Но это ничуть не обескуражило его...

Не знаю точно, сколько раз Яшке пришлось штурмовать лестницу. Знаю лишь, что с каждым разом он прибавлял по ступеньке, по две. И в конце концов добился своего — достиг верха и, похрюкивая, с довольным видом явился в комнату.

С этого дня Яшка стал часто наведываться в квартиру. Явится, обойдёт все комнаты, потычетя пяточком к одному, к другому... Чистоплотен он был просто на удивление, ни разу не позволил себе напачкать, поэтому его не гнали, а лишь вежливо просили убраться, когда приходило время выпроводить гостя восвояси.

Если почему-либо дверь оказывалась запертой, Яшка громко хрюкал, требуя, чтоб его впустили, пытался открыть её сам, толкая своим пяточком; когда же ничего не помогало, ложился у порога и терпеливо ждал.

Однажды по дому разнеслась тревожная весть: Яшка заболел, забился под завозню и не выходит. Завозней у нас назывался дедушкин амбар с разным старьём ещё дореволюционных времён. Под полом амбара имелось большое низкое пространство, куда легко было проникнуть со двора через дыру между брёвнами и землёй.

Яшка лежал под завозней, тяжело дышал и время от времени, совсем как человек, жалобно постанывал. Попробовали выманить едой — не действует. Позвали знакомого фельдшера-ветеринара.

Фельдшер слазал под завозню, насобирав там на себя массу тенёт. У Яшки оказалась высокая температура.

— Может погибнуть, — сказал ветеринар. — Жар большой, да ещё сало кругом, сердцу трудно. Лучше прирезать, пока не поздно...

Прирезать! Дело не хитрое. А вылечить?

Не знаю, жалость ли к заболевшему поросёнку или упорное желание иметь к зиме «своё мясо», заставили мать поступить по-своему. Верней всего, из-за прирождённой любви к животным, которая сочеталась с хозяйственной жилкой, мама не послушалась ветеринара, а приняла все меры, чтоб выходить Яшку.

Развела полкринки уксуса. Собрала старые чистые тряпки. Затем забралась в логово больного и, намочив тряпки в уксусе, замотала ими Яшку. Когда тряпки высохли, вновь намочила уксусом. Так она делала несколько раз. Уксус — жаропонижающее средство: испаряясь, он охлаждал Яшкино тело. И Яшке стало легче. Больной перестал стонать, задвигал ушами, дыхание сделалось более спокойным, без шумных вздохов и хрипов.

В течение дня мама сменила не менее десятка компрессов. Только вылезет из-под завозни — и опять туда. Яшкин жар медленно спадал. Но к ночи поросёнок начал бить озноб. Яшка трясся всем своим жирным телом, закатил глаза, ноги дёргались, копытца скребли по земле... Неужели умрёт, напрасны все старания?

Мама позвала на помощь меня. Настелив под завозней соломы, вдвоём мы сдвинули Яшку с голой земли и уложили на подстилку. Потом мама укрыла больного старым полушубком.

Так продолжалось трое суток. Днём Яшка метался в жару, а ночью отогревался под полушубком. Моя заботливая мать навещала болящего даже ночами.

На четвёртые сутки, утром, Яшку обнаружили на середине двора. Он лежал в растяжку на боку и, лениво помахивая ушами, отгоняя назойливых мух, грелся на солнце. Поросёнок выздоровел — помогли наши хлопоты да заботы! Он немного отощал, но это было не страшно — нагулять жирок Яшке не стоило особого труда.

К зиме Яшка превратился в большую свинью белой английской породы. Он действительно был всегда чистым, белым. Не помню, чтоб он когда-нибудь выпачкался в грязи. Свиньи вовсе не такие грязелюбивые животные, какими их принято считать. Просто порой свинье бывает слишком жарко, жир греет, душит её, и тогда она готова залезть в какую угодно грязь, лишь бы найти некоторое облегчение.

Зимой Яшкины прогулки в комнаты прекратились. К этому времени он сильно повзрослел, потолстел и, наверное, уже забыл, как спал со мной в одной постели.

Когда выпал снег, мы, ребята, принялись возводить на дворе ледяную гору-катушку. Яшка, конечно, был тут же. С глубокомысленным видом он бродил вокруг катушки, похрюкивал, как бы высказывая свои замечания насчёт качества нашей работы, поддавал пятаком снег. А потом, когда гора была готова, улита водой и заледенела и мы стали кататься с неё на санках и на чём придётся, а то и просто на собственных шубейках, Яшка неоднократно пробовал подняться по блестящему ледяному скату, скользил, падал, наконец, смекнув, в чём дело, поднялся по ступенькам за мной. Смеясь, мы дружно столкнули его с катушки, и Яшка скатился вниз на боку. Он испуганно верещал, забавно дрыгал в воздухе ногами. А придя в себя, снова полез за нами на катушку.

Вот так вышло, что среди моих друзей оказался поросёнок.

Многие думают: свинья — она и есть свинья, глупая, неповоротливая, ленивая. Яшка доказал, что всё это неправда.

ИДЁТ-БОДЁТ КОЗА-ДЕРЕЗА

Обычно нараспев начинала бабушка, а я прыскал со смеху.

Бабушка произносила эти слова очень смешно, вытянув губы дудочкой, протяжно и так, что получалось похоже на козлиное бляение.

Как коза «бодёт», я уже знал хорошо. Пальцы одной руки бабушка складывала таким образом, что получалась рогулька. Выставив её торчком перед собой и поворачивая подобно тому, как крутит головой коза, собираясь бодаться, бабушка грозила мне. Но мне было нисколько не страшно. Я знал, что бабушка шутит и никогда не позволит себе обидеть внука.

Бабушка — маленькая, сморщенная, сгорбленная — и сама чем-то напоминала козу. Возможно, тем, что была очень суетлива и старалась везде поспеть.

ИДЕТ-БОДЕТ КОЗА-ДЕРЕЗА

Мне было лет восемь или девять, когда произошла первая моя встреча с настоящей живой козой, вернее, с козлом. Он жил в пожарке, с лошадьми. Слухом об его свирепости полнился весь город. Рассказывали, что раз он чуть не забодал насмерть одного пожарника. Козла боялись все ребята.

Козлов часто поселяют в конюшнях вместе с лошадьми. Говорят, своим противным запахом они отпугивают разных вредных насекомых и зверьков. Кроме того, козёл хороший вожак и всегда шествует впереди стада или табуна. Но душной он, как говорила наша бабушка, не продохнуть...

Вот козлиная-то вонь прежде всего и донеслась до меня. А когда я сообразил, что козёл близко, было уже поздно.

Я ужасно испугался. Теперь мне было совсем не до смеха. Я заорал во всю мощь лёгких и здоровой мальчишеской

глотки и бросился бежать, споткнулся и растянулся в пыли, а когда поднял голову, козёл уже был надо мной. Он был большой, чёрный, косматый, страшный. Он угрожающе смотрел на меня. Борода тряслась, кривые острые рога выставлены вперёд, как грозила мне пальцами-рогулькой бабушка, и почти касались моей спины. Вот-вот подцепят. И уж тогда несдобровать!

Спасла меня бабушка. В эту пору она как раз возвращалась с водой, сгибаясь под тяжестью «дружка» — пары ведёр, через края которых плескалась прозрачная чистая вода. Воду брали из водоразборной будки, стоявшей на перекрёстке.

Увидев, какая беда грозит её внуку, бабушка мигом опустила вёдра наземь, сняла с плеч коромысло и, размахивая им, с воинственным видом бесстрашно устремилась на бородатое страшилище.

Трах! Коромысло опустилось на спину свирепой животины. Трах...

Козёл помедлил мгновение, затем, убедившись в серьёзности бабушкиных намерений, тряхнул бородой, помекал и позорно пустился наутёк. Вот тебе и гроза всех ребятишек! Бабушка на моих глазах из маленькой слабенькой превратилась в героиню.

Не испугалась козла. Шутка ли!

А вскоре мы обзавелись собственной козой.

МАНЬКА САМА ПО СЕБЕ

К нам ходила одна женщина — продавала молоко. Мама покупала молоко для меня. Молоко было не коровье, а козье (коровьего тогда вообще нельзя было достать в городе ни за какие деньги), за него тоже приходилось дорого платить. И тогда мои родители решили: а не лучше ли завести козу? Коз в то время держали многие. Козу держать проще, чем корову. Ест она меньше. Неприхотлива. И заботы меньше. Всё было правильно, кроме последнего:

как раз хлопот да беспокойства с козой — не оберёшься.

Мама сходила на другой конец города, стоворилась насчёт покупки, а вскоре нам принесли живого маленького козлёнка.

Козлёнок был прехорошенький и необыкновенно игривый, шалун, каких свет не видел. Сколько раз он поддевал меня рожками. Только рожки у него были как шишечки (пока не выросли), и получалось совсем не больно. День-деньской разносился по двору стукоток бойких маленьких копытцев. Только что козлёнок был на крыльце — глядь, уже шастает по верху сарая. Прыг да скок. Подзови — сейчас же прибежит и начнёт тыкаться тёплой мордочкой в ладонь, выпрашивать угощение. Весь серый, только на лбу белая звёздочка и концы ножек беленькие. Такой славный... Так и хочется поцеловать в эту звёздочку или в ласковую мягкую морду.

На козлёнка возлагались большие надежды. Он должен был стать серьёзным подспорьем в хозяйстве.

Всё станет понятно, если вспомнить, что лишь недавно закончилась гражданская война. Я уж говорил: всего не хватало — спичек, керосина... На базаре хоть шаром покати, торговали только вениками. Сидели на пайке. Коза была целое богатство.

Козлёнок превратился в грациозную серую козочку, которой, бывало, ничего не стоило, играя, запрыгнуть кому-нибудь на колени, будто она котёнок или кошка. Козочка росла, росла да быстрёхонько превратилась в молодую озорную козу Маньку. Даже не заметили, как она выросла. Всё была маленькая-маленькая, унесёшь в охапке, и вдруг — коза! Потом у Маньки у самой появились козлята, и мы их продали, как продали нам Маньку, а Манька после этого стала давать молоко. Молоко пил я.

— Пей, — говорила мама. — Козье молоко — полезное.

Многие ребята тогда неделями не видели молока. Ни коровьего, ни козьего, никакого.

А Манька исправно давала каждый день две кринки: одну утром, другую вечером.

Козье молоко более густое, чем коровье, жирнее и обладает своим особым вкусом, который многим не нравится,

а я так приохотился к нему, что когда потом пришлось пить молоко коровье, мне оно долго не нравилось, и я всё вспоминал Маньку. А о том, что козье молоко полезное, мама слышала от врачей.

Я рос бледным, малокровным, и мама подмешивала в молоко толокно — толчёную овсяную муку с сахаром; эту болтушку я и пил. И не знаю, от молока, или толокна, или от чего другого, но я действительно начал быстро поправляться, набирать сил, здороветь, стал драчлив, как Манька, и маме даже стали жаловаться на меня.

Манька стала моей кормилицей. Наверное, благодаря Маньке я и вырос такой большой, высокий, здоровый да сильный.

МАНЬКА И АФИШИ

Манька обладала удивительной способностью. Её можно было почти не кормить, но она всё равно давала молоко.

Ела Манька всё, что попадётся. Сено. Траву. Веточки молодых деревьев. Палки. Солому. Веники. Подстилки, о которые обтирают ноги. Но больше всего ей нравились афиши.

Вообще, мне кажется, козы равнодушны к бумаге. Увидят клочок бумаги, обрывок старой газеты — непременно подберут и сжуют. Есть трава — нет, сперва слопают бумагу.

Театральных афиш в нашем городе расклеивалось тогда не слишком много. Зато висела масса всяких объявлений, нужных и не очень нужных.

Объявления и афиши тогда клеили на специальные круглые афишные тумбы — заборы не пачкали; Манька подойдёт к тумбе, осмотрится, оглядит слева направо — ознакомится, важное распоряжение, необходимое; или не очень, ухватится за краешек губами, тррр — и половины нету, оборвёт и сжует. Обьест низ — примется за верх, стоя на задних ногах и упираясь передними в тумбу, и так обгложет всё дочиста, до старых потемневших и растрескавшихся досок. Иногда,

ухватив афишу за уголок, Манька сразу срывала её всю, изжевав, немедля бралась за следующую, и... тумба вмиг оставалась голенькая, как будто на ней никогда ничего и не было. Лишь кой-где болтались лоскутки. Но и они быстро исчезали в ненасытной Манькиной утробе.

Клеили афиши простым грубым клеем, замешанным на отрубях и на мякине, мазали толсто, не жалея, иногда один слой афиш накладывался на другой, образуя сплошную толстую корку, и, вероятно, всё это казалось Маньке очень вкусным.

Покончив с одной тумбой, Манька отправлялась к другой. И так за день она успевала обойти весь город.

Наевшись досыта разных циркуляров и распоряжений, она возвращалась к вечеру домой с полным тугим выменем. А с утра снова отправлялась на промысел. Appetit у неё всегда был отменный.

МАНЬКА И СОСЕДИ

Но, наверное, самой удивительной способностью Маньки было её умение появляться там, где её меньше всего хотят и ждут.

Весь город знал нашу Маньку.

Её видели даже в окрисполкомовском дворе... Там всегда стояло много подвод, приезжали разные уполномоченные из села, хрустели сеном кони — ну, и, конечно, Манька тоже не теряла времени даром: каждый оброненный клочок сенца на земле — её; нет на земле — заберётся в кошеву или телегу, не оплошает!

Манька проникала всюду. Для неё не существовало заборов, закрытых ворот, сторожей с ружьями и длинными хворостинами, сварливых домашних хозяек, бдительно следивших за тем, чтобы кто-нибудь чужой не забрался в их огород.

Манька всегда найдёт либо подкоп, либо щель в заборе. Её выгонят в одном месте — она лезет в другое. Караулят с этой стороны — зайдёт с противоположной, а своего добьётся. Всё равно заберётся и наестся, а после неторопливо, важно, как вполне добропорядочная особа, шествует домой. По виду и не определишь, чего она сегодня опять натворила. Явится, заглядывает в окно и просит: «Ме-е-е! Пускайте!» Да так требовательно, словно хочет сказать: «Что вы, не видите? Это я...»

Козы — озорные и вороватые существа, но Манька превосходила всех.

С нею без конца что-нибудь случалось. То она заберётся на сеновал, там её закроют, не заметят, потом ищут, с ног собьются, а она сидит тихонько: что ей беспокоиться —

еды много, не каплет! То проберётся на кухню (дверь летом обычно стояла открытой), стянёт там что-нибудь со стола из-под носа у бабушки, бабушка выходит из себя, теряется в догадках, куда что подевалось, а Манька уж опять выглядывает украдкой из-за косяка — нельзя ли поживиться ещё...

Однажды съела домовую книгу. Книга лежала на подоконнике, Манька подобралась, попробовала — годится, листок за листком, и сжевала всю. Пришёл участковый милиционер проверить, всё ли в порядке с пропиской, а от домовой книги один корешок остался. Чуть-чуть не заплатились штрафом!

Соседки постоянно жаловались на Маньку. Это вынудило маму надеть на шею козе что-то вроде треугольного хомута-рогатки с торчащими концами, которые должны были помешать Маньке проникнуть через какую-нибудь лазейку. Навешивали и длинную палку; коза идёт, палка болтается между ног, конец волочится по земле. Полезет — зацепится. Да, но это могло остановить кого угодно, только не нашу Маньку.

— Ох и пакостлива, — говорила бабушка. — Блудня.

Но если бы Манька была другой, что бы она ела? Нет, её, конечно, кормили, и всё-таки? И что пил бы я? И вообще, что можно требовать от козы?!

— К чёрту! Продам её! — бранился отец, но, конечно, не продавал. Как бы мы стали жить без Маньки?

Настоящая война разгорелась у Маньки с соседом Куркиным. Очень ворчливый был сосед. Наши дома стояли рядом, и Манька каждый день проходила у Куркина под окнами. Перед домом был палисадник, росли кипрей, другие дикие цветы. Манька идёт, морду просунет между досками, сколько успеет, рванёт — и дальше. Куркин всё грозился подкараулить её и вздуть. Но Манька была хитрее. Увидит его — сейчас же перебежит на другую сторону улицы, идёт да ещё мекает. Как дразнится.

Раз всё-таки ему удалось изловчиться, огреть её. Она вприпрыжку припустила прочь, он — за ней. Гнался с полквартала, потом отстал. Задохся.

— Иди, иди! Ещё оглядывается!

А она, и вправду, пробежит несколько шагов — оглянется, пробежит — оглянется. Он отвернулся, стоит. Вдруг кто-то как даст ему под коленки! Он руками взмахнул и опрокинулся через подворотню. Поднялся, кричит. Ушибся. А Манька уж далеко. Отплатила ему. Потому и оглядывалась. Он посмотрел в сторону, а она тотчас назад и — бац рогами!.. Не зевай!

Ох и зол он был на неё! А после восхищался:

— Ну и коза, ну и коза! Тоже самолюбие! Умна, умна...

— Пересилила его, — смеивалась бабушка.

Я, ШКОЛА И МАНЬКА

Осенью я пошёл в школу. Перед тем мама сходила в школу, познакомилась с учительницей. Учительница спросила:

— Какой он у вас? — Про меня, значит.

— Да он тихий, — ответила мама. — Будет вести себя хорошо.

В школу явился в новом костюмчике (мама сшила), чистый, тщательно помытый. Не ребёнок — картинка.

Кончился первый урок. Все вышли на перемену. И я вышел. Стою около дверей на школьном дворе. Вдруг кто-то налетел на меня сзади, дал подножку, я мигнуть не успел — оказался на земле. В новом-то костюме! Чистый, помытый!

А это Мишка Артемьев. Ему бы вечно бороться да возиться. Сел на меня верхом, сидит и тузит.

И, как нарочно, учительница:

— Ай да Боря Рябинин! А говорили, что он тихий...

Подвёл меня Мишка.

Потом мы с этим Мишкой Артемьевым, розовым толстяком-крепышом, подружались и даже на одной парте сидели. А тогда, в первый школьный день, уж и досадил он мне.

Началась вторая перемена, а Мишка опять на меня лезет. И опять я внизу, а он — на мне, сверху. Оседлал.

И вдруг будто ветром его сдуло. А надо мной козлиная морда. Манька пришла мне на выручку. Манька тоже пожаловала в школу. Увидела — хозяина бьют, ка-ак даст рогами! Мишка и улетел.

С этого времени Манька стала ежедневно навещать в школу. Можно было подумать, и у неё уроки...

У неё уже до этого появилась привычка — куда я, туда она. Я в классе сижу, а она около школы гуляет. Я домой — она домой. Как собачонка! Думаете, всё меня охраняла? Она за мной следила, за моей успеваемостью.

Вот пришёл я в школу. Учительница вызвала меня к доске, решать задачу, а я, как нарочно, не то что задачу решить — мела не могу найти. Внезапно кто-то толкнул меня сзади, я и растянулся у доски. Ребята как грянут... хохот такой, что на улице слышно; а учительница ничего понять

не может, водит недоумённо глазами... Оказывается, Манька за доской! В класс пробралась и за доску спряталась. Скучно ей, что ли, стало во дворе. Видит, я, как пень-колода, ничего не соображаю, даже мела не найду, решила вмешаться.

У нас урок, а Манька по школьному двору ходит, в окна засматривает. Окна высоко, выше, чем дома, так она на задние ноги поднимается. Отец выучил её служить на задних ногах... Поднимется да в окошки рогами стучит, бородёнкой трясёт: что, мол, долго занимаетесь, хватит... В классе опять смех!

МАНЬКА И ВЕЛОСИПЕД

Мне купили велосипед. Купить велосипед тогда считалось целым событием. Велосипедов было мало, сами мы их не делали. Мне приобрели велосипед по случаю — иностранной марки, подержанный, но в хорошей сохранности.

Не буду рассказывать, как я учился ездить на велосипеде: синяков да ссадин появилось достаточно. Только сядешь — и грох! Поедешь, колесо вильнёт — опять грох.

Ну, в общем, всё было как нужно, как должно быть.

К тому времени я уже перешёл в пятый класс, набрался ума-разума. И велосипед мне был вроде премии, за хорошее ученье. Стала старше и Манька. Но озорства не убавилось ни капельки.

Я уж говорил, что Манька ни на шаг не отставала от меня, а теперь, с велосипедом, и вовсе стала как привязанная. Я туда — она туда. Я поворачиваю в другую сторону — коза немедля поворачивает за мной. Я еду, она сзади топочет. Вероятно, ей нравилось следовать за быстро движущимся предметом.

Нам принесли телеграмму из Ленинграда: приезжает дядя с женой, тётей Саней. Я поехал их встречать. Приехал на вокзал, немного погодя, глядь: Манька тут же. Маленько отстала.

Поезд опаздывал, я сел на скамейку, жду. Потом сходил, справился: скоро ли? Велосипед оставил. Обратно иду, слышу — крик. Что такое? Оказалось, кто-то из ребят вздумал попользоваться велосипедом, а Манька как поддала: «Не твой, не трожь!»

Сторожит, как собака. Ну, Манька...

Встретил гостей, помог вынести чемоданы, усадил в пролётку, всё честь честью. Дядя Коля с тёткой Саней на извозчике едут, я тихонько рядом. Манька позади. Бежит и блеет: потише, мол, вы, не поспеваю. Дядя заметил:

— Смотри-ка, коза за нами увязалась.

— Да она не увязалась. Она наша.

— Интересно. Личная охрана, что ли? Коза!

А вскоре Манька и впрямь доказала, что она — «личная охрана».

Я любил гонять на велосипеде так, что ветер свистел в ушах. Педали крутишь, крутишь, дорога слилась в одну серую бегущую ленту, всё мелькает по сторонам — дома, деревья, люди... За городом особенно разовьёшь скорость — красота!

Машин было ещё мало, можно сказать, совсем не было; и людей меньше... никто не мешает. Крути в своё удовольствие!

Когда остановишься, сразу обольёт жаром: пока отдышишься, будто в кипятке выварился. И до того я научился ездить на велосипеде, настолько к нему привык, что даже ездил с закрытыми глазами, не держась за руль, как в цирке, право.

Я ехал берегом Сылвы, ну, и, конечно, вертел головой по сторонам. Не заметил, как руль чуть свернул и я на полной скорости по обрывистому берегу скатился — нет, слетел! — вниз. Как я шею не сломал, до сих пор удивляюсь. Свободно мог.

Трах-тарарах! Колесо наткнулось на камень, и я полетел в траву, носом вперёд, и сразу будто провалился куда-то в чёрную пустоту.

Очнулся, и первое, что увидел, — козлиную бороду, козлиные рога и козлиные блестящие глаза, внимательно уст-

ремлённые на меня. Манька? Да, она. Рядом стоит какой-то мужчина.

Потом он объяснил:

— Слышу, коза блеет где-то внизу, под откосом. Думаю, случилось что-то с нею. Спустился, а тут человек лежит, велосипед рядом. Если б не она, долго тебе пришлось бы лежать!

МАНЬКА И НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОХИТИТЕЛИ

Манька ушла и — пропала. Всегда возвращалась домой аккуратно, в один и тот же час. Придёт, ткнётся рогами в ворота; если заперто, не пускают, идёт и заглядывает в окна, в одно, в другое. Первый этаж — низко, её видно. А тут ушла, нет и нет. Восемь часов вечера, десять... Маньки всё нет. Мама уж и за ворота выбегала и меня послала посмотреть.

Потерялась Манька... беда!

Спать легли все невесёлые. А утром, часу, вероятно, в пятом, едва светать начало, мама вдруг слышит: кто-то будто бы постучал в ворота. Разбудила отца. Он натянул сапоги, накинул на себя что подвернулось под руку, выбежал во двор.

И вправду, кто-то стукнул опять.

— Сейчас открою, минуточку.

Только отодвинул засов, снял щеколду, ворота распахнулись — во двор влетела Манька. На шее верёвка болтается. Ворвалась как шальная. Сразу под сарай. Стоит, ни к кому не подходит, озирается. Напугалась. Стало быть, ловили её. Привязали. Да только Манька не таковская. Свой дом знает. Ушла. Отвязалась и ушла.

Вот вам и блудня!

— Ах ты моя хорошая, — хвалила её мама. — Умница! Умница ты у меня! Всё понимаешь! Дай-ка я тебе сенца подбавлю...

А Манька и впрямь будто понимала, что ей говорят. Утром мама выйдет во двор, чтоб подоить, — а Манька уж ждёт. Увидит, голову поднимет: «Ме-ме!» Здравствуй, дескать. Очень рада тебя видеть. Давно жду.

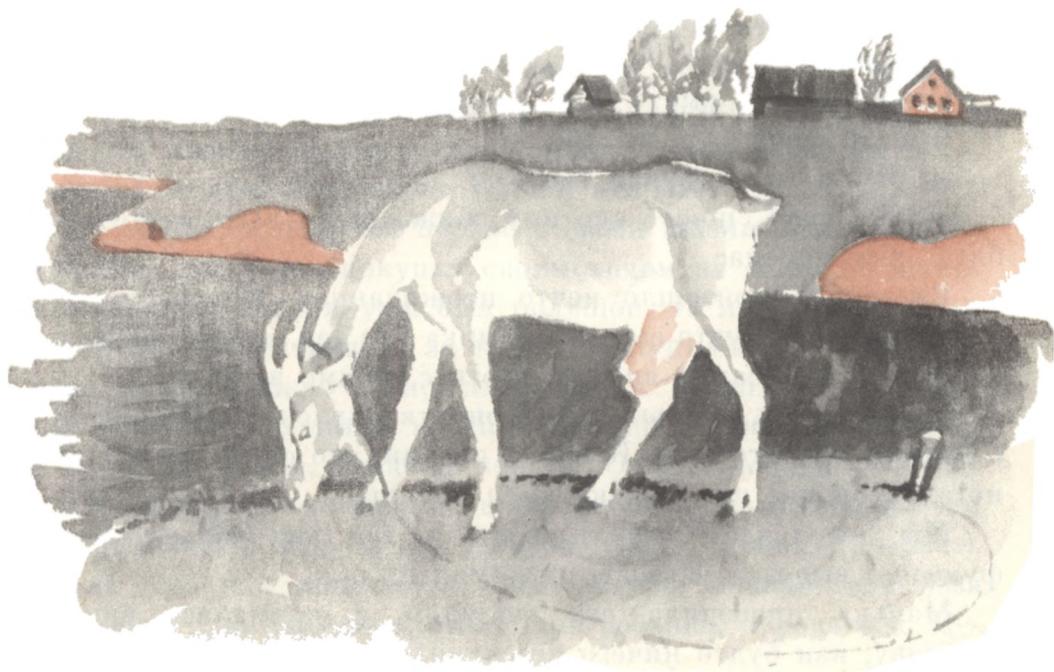
После этого, однако, мама больше уже не рисковала отпускать Маньку одну.

Мне поручили присматривать за козой.

МАНЬКА И КОЛЧАК, КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ АДМИРАЛОМ

Мы с ребятами часто ходили на берег реки Ирени. Там было хорошо. С крутого бугра над стремниной открывался широкий вид на заиренскую слободу, на дальние увалы и леса. Внизу под обрывом плескалась река.

Теперь нас всякий раз сопровождала Манька. Она была на привязи и не могла убежать. Косогор порос травой.

Я прикручивал верёвку к колышку, и, пока мы забавлялись, Манька ходила по кругу и щипала траву. Вот тут-то она и показала снова, чего стоит. Не зря бабушка пугала меня козой.

Мы только разыгрались, когда к нам неожиданно пожаловал Колька Колчак. Нет, не тот Колчак, царский адмирал и главнокомандующий у белых, который пришёл к нам из Сибири и против которого сражался мой отец. Того давно прогнали. А мальчишка Колька Колчак. Настоящая Колькина фамилия была Кашкин.

Этот Колька Кашкин-Колчак был препротивный малый и умел портить настроение людям. Наверное, потому его и прозвали Колчаком. Увидав нас, Колька подмигнул, затем принялся громко шмыгать носом. Это означало: держи ухо остро, сейчас Колчак что-нибудь устроит.

Взгляд его упал на Маньку. Ага, коза. Отлично.

— Зачем ты привязал её? — сказал он мне и, не дожидаясь ответа, выдернул колышек.

Манька оказалась на свободе.

— А теперь держи её!

И он поддал Маньке кулаком. Манька удирала. Верёвка волочилась по земле. Я бежал за верёвкой.

Отчаявшись поймать козу, я вернулся к товарищам. Колька Колчак обернулся ко мне.

— Ну, а ты... — начал было он.

— Да брось, пошто скотину обижаешь! — заговорили ребята, обступая нас.

Внезапно произошло нечто неожиданное. Колька вдруг подскочил, как будто ему дали пинка под зад, громко ойкнул и покатился кубарем вниз, под откос, прямо в воду.

Оказывается, Манька, едва он отвернулся, подбежала и с разгона так угостила Колчака рогами, что он не устоял на ногах. Хорошо, что Колька умел плавать.

Мы, довольные, следили сверху за тем, как Колька сконфуженно вылезал из воды, отжимал штаны...

Манька проводила его взглядом и принялась снова за траву, как будто ничего не случилось.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА КОРОВЬИМ ХВОСТОМ

Вы знаете, что такое корова? Это же целая фабрика: молоко, сливки, сметана, масло, творог... Так говорили взрослые.

Лично я не испытывал никакой необходимости в корове — с меня хватало козы Маньки; но родители решили купить ещё и корову...

Корова понравилась мне. И имя красивое — Красуля.

Красуля! Действительно, красуля, то есть красавица: крупная, хорошо выхоженная, с красиво изогнутыми рогами и большими выразительными глазами. Масти корова была красно-пегой, то есть почти вся красная, только под брюхом да у глаз белые пятна.

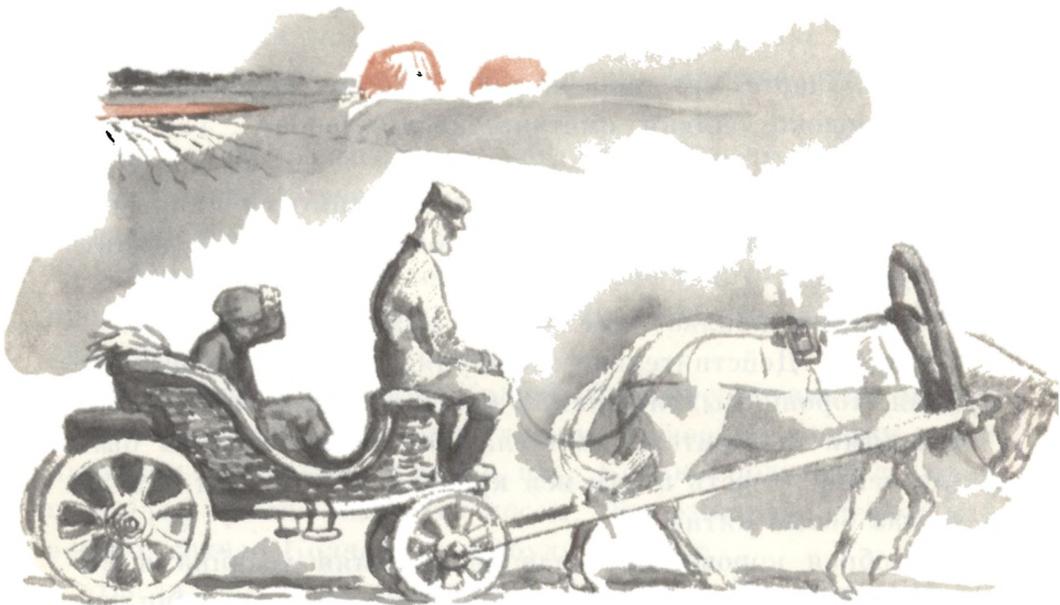
— Добрая корова, — сказала её прежняя хозяйка и вытерла уголком головного платка внезапно покрасневшие глаза, отвернувшись, чтоб не видеть, как корову уводят со двора. Жалко всё-таки. Сами вырастили.

За морем телушка — полушка, да рубль перевоз. Прежде я не очень понимал смысл этой поговорки. Теперь понял.

Купили Красулю в деревне. И теперь ей предстоял дальний путь — в город. Из Степановской волости — в Кунгур.

Сейчас бы её погрузили на автомашину, дали полный ход — и привет! Оглянуться не успела — оказалась бы в городе. В те времена больше ходили пешком.

В общем, я получил первое в своей жизни ответственное задание: доставить покупку своим ходом на её новое местожительство. Ведь я уже был большой. И мне можно было доверить присматривать за коровой. Купили два воза сена; сено тоже должно было двигаться с нами. С возами — два возчика, бородатые мужики; третий возчик — в коробке, в котором ехал я. Коробок знаете? Очень удобный экипаж: плетёная корзина на дрогах, в корзине сено, чтоб было на чём сидеть, мягко! Козлы для кучера, сзади можно привязать багаж, всё как полагается. Значит, три лошади, три воза (коробок тоже шёл не пустой), три возчика, корова и я. Целый караван.

Отправились рано поутру, солнце только-только вылезло из-за леса. И пошла-потянулась пыльная дорога.

Скрипели, переваливались в нырках возы. Глухо стучали о землю конские копыта, порой подкова высекала искру из камня, пыль завивалась вокруг ног. Постепенно всё становилось серым — кони, коробок, бороды у возчиков, Красуля, я...

Сколько нужно времени, чтобы пройти-проехать вот так, неспешным пешим шагом, пятьдесят вёрст? День? Два? Неделя? А сколько требуется для этого корове?

Прежде мне казалось, что коровы ходят медленно, очень медленно, и передвигаться на длинные расстояния не способны.

А Красуля наша шла и шла, помахивая хвостом с пучком волос на конце и отгоняя мух, что вились над нею назойливым роем.

Двигались в таком порядке: впереди возы, ко второму была привязана Красуля; замыкал процессию коробок. Из-за возов я почти не видел дорогу впереди, зато хорошо видел длинный Красулин хвост. Он непрерывно болтался у меня

перед глазами, и я, хотел или не хотел, вынужден был всё время смотреть на него.

Мах-мах, мах-мах... Ох и льнут! Они и ко мне льнут, эти дорожные надоедливые мухи, нипочём не отгонишь! Да это и не мухи вовсе, во всяком случае не те безобидные букашки, что водятся в городе, а свирепые, крупные, чёрные и кусачие — страх! — слепни. Впиваются, как звери, только зазевайся. Почему «слепни»? Не видят, что ли? Слепые? Однако нас, свои жертвы, они видели превосходно и успевали сесть — присосаться в одну секунду.

Чем выше поднималось солнце и жарче разгорался день, тем нестерпимее делались слепни. Заедят! Зажалят до смерти! От таких нахальных не отобьёшься. Пока отбиваешься от одного, два других успеют сделать своё чёрное дело — вопьются и сидят. Как прилипнут! А что будет, когда начнётся полуденный жар? Да ещё эта пыль... И что думают по этому поводу возчики? Думают они или не думают? Сидят, как истуканы, мой — на козлах, два других — на возах, ноги свесили и качаются туда-сюда, туда-сюда.

Но я ошибался, думая, что мы будем ехать без остановки весь день до вечера.

Неожиданно первый воз свернул с дороги в сторону к лесу, за ним последовали остальные. Лошадки явно оживились...

Куда они?! Мы же должны ехать всё прямо-прямо, по дороге!! Я вскочил, озираясь и стараясь понять, что происходит, коробок внезапно подкинуло, я плюхнулся... стоп, приехали.

Возчики, оказывается, и не собирались двигаться в самый зной. А завели возы в лесок и остановились. Тут веяло прохладой, тихо шелестели листвой берёзы, щелетали, перескакивая с ветки на ветку, разнопёрые пичуги. Я забыл про свои сомнения.

Но возчики тотчас вернулись, отвязали Красулю и пустили свободно пастись на лужайке.

— Убежит!!! — ужаснулся я.

— Куда она денется, — равнодушно возразил один из бородачей.

И в самом деле: если побежит, догоним на лошади. И вообще корова не умеет бегать — не орловский рысак.

Лошадей выпрягли, стреножили и тоже пустили на траву.

Возчики развели костёр, сварили варево — поели. Поел и я с ними. Теперь можно и двигаться. Отдохнули — хватит. Но они продолжали нежиться на травке. Им-то куда торопиться? Когда-нибудь доедут, и ладно. Красуля продолжала безмятежно щипать траву, помахивая хвостом от удовольствия.

Странно, но здесь и слепни почти не трогали нас. Должно быть, они атаквали проезжих только на дороге, а здесь хозяевами были птицы. Ах как поют! И вообще как хорошо...

От костра тянуло дымком, по лесу разносился могучий храп — возчики видели сны.

Но всё-таки поедем мы дальше или не поедем? Я ужасно боялся: что-нибудь случится и мы не доведём Красулю.

На небе появились облака, чуть потянул ветерок. Заше-

велились возчики. Запрягли лошадей, затоптали костёр. Тронулись.

Снова дорога. Пыли стало ещё больше, слепни ещё злее. Но я уже стал к ним привыкать. Какая дорога бывает без неудобств?

Я смотрел на Красулин хвост.

Мах-мах, мах-мах... Как не надоест ей махать хвостом?

Ох и длинные пятьдесят вёрст! Где-то в стороне, за пригорками, в ложбинах, проплывали деревни, кукарекали горластые петухи, лаяли собаки, а мы ехали, ехали... нет, не ехали, а ползли, как черепахи: трух-трух, трух-трух...

Потянулась улица большого села, улица — дорога с канавами по бокам. Дома с палисадниками и жиденькой растительностью по ту и другую сторону, собаки... Как ополоумевшие, они выскакивали из всех подворотен и опроретью неслись к нам, а затем долго сопровождали, каждая до границ своего участка, давясь собственным лаем и норовя ухватить за ноги лошадей, Красулю. Кончит одна и, довольная собой, потрусит назад, вместо неё принимается другая... Как эстафету передают! Естественно, больше всего я опасался за Красулю: ноги покусает — как дальше пойдёт?

Ну до чего злые! Да ты что лаешь, что? Проезжих не видала? Сейчас мне все собаки казались злыми, хотя это были добрейшие деревенские шавки, помани — замолчит и подойдёт, завиляет хвостом — гладь. И лаяли они только для порядка: знай, мол, наших. Возчики на них не обращали ни малейшего внимания, лошади и Красуля — тоже.

Жителей попадалось мало. Время уборочное — жатва, все на работе в поле, дома только старики да малые дети. Наверное, потому и собаки расшумелись: несут службу с удвоенным старанием.

Солнце перешло на другую сторону и клонилось к горизонту. Зной начал спадать. Пустынная дорога тянулась всё такой же серой лентой, казалось, ей не будет конца. Нас никто ни разу не обогнал. Изредка попадались встречные подводы. Интересно: сколько ещё нам осталось? Но спросить

я не решался. Снова закопошились сомнения. Доведём, ничего не случится?

Снова остановились.

— Привал будем делать. Шабаш.

— Разве мы сегодня не приедем?!

— Вздумал! До города ещё потянешь. Ночевать здесь будем.

Вот уж этого я никак не ожидал. Ночевать — в лесу?! А как разбойники? Медведи? Волки?

Чувствовал я, что добром всё не кончится...

Но я не буду бояться, нет-нет. Я удвою бдительность.

Лошадей снова стреножили и пустили. Передние ноги связаны, получается действительно вроде как три; на трёх лошадь далеко не ускачет. Тимофей — мой возчик — подоил Красулю. Я удивился: впервые видел, чтоб корову доил мужчина. У нас этим занимались мама и бабушка. А молока-то сколько: целое ведёрко! Тимофей наполнил до краёв глиняную кринку и протянул мне:

— Пей. Пей, пей, не стесняйся.

Я приложился, попробовал — и выдул зараз всю кринку, даже не передохнул ни разу. До того вкусно. Парное, тёплое, ароматное. Да ещё в лесу. Чудо!

— Всё?

— Всё.

Тимофей опрокинул кринку вверх дном.

— Ай да молодец. Ну, расти большой да умный.

Освободившись от молока, Красуля легла, но челюсти её продолжали непрерывно двигаться — пережёвывала жвачку. И хвост продолжал двигаться: слепней не стало, но жажужжали, запели тоненькими голосками комары. Съедят они нас тут за ночь-то!

Начало темнеть. Повеяло прохладой. На опушке весело заиграл живой огонёк, затрещал сухой хворост — возчики кипятили воду в железном ведре, готовили ужин. Пригласили опять меня в свой кружок — хорошие люди, не забывали о мальчишке.

А вкуснота-то какая! Правда, я ожёгся и едва не выронил

ложку, но потом быстро приспособился хлебать горячее варево и не отставал от других. В ведре плавали угольки, и пища пахла дымом, но это лишь прибавляло аппетита.

Возчики набросали в костёр сырых веток, от костра повалил синий едкий дым. Я закашлялся, глаза ело, из них полились слёзы, зато комары перестали виться. Лошади пришли к костру и тянулись мордами прямо в дым, тоже спасались от мошкеры.

Вдруг кто-то захохотал в лесу дико и страшно, потом заплакал ребёнок. Я вскочил. Стало жутко.

— Филин. Не бойсь.

Филин. А я-то подумал... Ну и ну! Тут и взрослый испугается, если не знает. Я впервые слышал филина.

Филин захохотал ещё раз. Большая тёмная птица отделилась от леса и, тяжело взмахивая крыльями, пропала в темноте.

— Может, Красулю привязать? — предложил я.

— Боишься — уйдёт?

— Хозяин, заботится...

— Ну что ж, можно и привязать, нетрудно...

Длинную верёвку примотали одним концом к коровьим рогам, другим прихватили за дерево. Так спокойнее, никуда не уйдёт, не знаешь ведь, что втемяшится в блажную коровью голову.

— Спи, — успокоительно заметил возчик Тимофей и шершавой рукой потрепал меня по голове. — Будь надёжен...

«Будь надёжен...» Как это он хорошо сказал.

Спустилась тишина. На небе высыпали звёзды. Быстро угасал огонь в костре, только долго тлели угли, постепенно покрываясь золой и продолжая чадить: к ночи возчики добавили ещё сырых веток. Бесшумно проносились в воздухе, растопырив перепончатые крылья, летучие мыши. Выпархивали из мрака и тут же пропадали. Возчики начали устраиваться на покой. Подстилали что-нибудь под себя, какую-нибудь лопотину, по выражению Тимофея, свёрнутый пиджак под голову, и тотчас засыпали спокойным, уверенным сном здоровых и заслуживших отдых людей.

Только я не спал. Я лежал на сене в коробке и смотрел вверх, на глубокое тёмное небо сплошь в бесчисленных блёстках.

Интересно: звёзды, говорят, громадные, ещё больше, чем наша земля, а коровы там тоже есть? Люди живут?

А Соловей-разбойник на нас не нападёт?

Доведём или не доведём?

Я решил не спать всю ночь.

Интересно: все спят. Все, все люди спят. Вся земля спит. Только ты не спишь. И никакой крыши над головой. А если пойдёт дождь? Да нет, почему это он вдруг пойдёт? Сейчас уборка, жнут хлеб, и никакого дождя не должно быть. И вообще: крыши нет, а как будто что-то есть. Звёзды тоже «что-то». Не пустота. И ничуть не холодно. Только немного страшно. Но это ничего. Надо закалять волю. Надо караулить Красулю.

Вдруг что-то загремело, зашумело, раздался чей-то крик, пронзительный разбойничий посвист, лошадиный топот. Угнали коней? Точно! Приподнявшись в коробке, я старался понять, что происходит. Какие-то люди в непонятной одежде

суетились — бегали вокруг костра. Тревожно замычала Красуля. А возчики спят и ничего не слышат. Как можно так крепко спать? Проснитесь! Проснитесь же! Уведут Красулю! Грабители уже отвязывают Красулю! Хорошо, что мы её привязали, узел затянулся, и они никак не могут отвязать, принялись пилить ножом, а верёвка крепкая, не поддаётся. Красуля мычит, вырывается... Странно, что я тоже не слышу её мычания, только вижу, что мычит.

Неожиданно я оказался на Буланке, который вёз наш коробок. Грабителям всё-таки удалось перепилить верёвку и увести Красулю, я гнался за ними, верхом на Буланке...

Не могу! Без седла не могу! Ой, как режет, как пила, которая пилит тебя снизу, встряхивает и пилит. Я и не предполагал, что Буланко такой тощий, хребет — сплошные кости... Как люди ездят без седла? Деревенские ребята вон гоняют так, что можно подумать — заправские кавалеристы, родились на спине у коня! А я? Ой!!! Раз было: захотел потягаться с ними. Меня посадили на неосёдланную лошадку, лошадка затрухла не спеша (ей куда спешить?), кто-то огрел её по крупу хворостиной, она взлягнула и поскакала по поскотине, я уцепился за гриву, как сейчас... Уж как не хотел отставать от других, а пришлось. Чувствую: не могу, больше не могу! Больно! Стал крениться, крениться и свалился потихоньку, если только со скачущей лошади вообще можно свалиться тихонько. После ребята долго смеялись надо мной.

Да! Но Красуля! Где Красуля? Скорей, скорей! Ой, ой!..

Ой, больше не могу! Полетел... Ой, как ударился о землю! Так и рёбра сломать недолго... Красуля! Где ты? Красуля!..

— Ты что кричишь, парень? Очнись, ехать пора...

С трудом разлепил глаза.

— Ну и горазд ты спать, с коробка сыграл и не почувствовал...

Я лежу на траве. Тимофей, наклонившись, трясёт меня за плечо. Как я очутился тут? Ведь я же спал в коробке. Солнце уже взошло. Пока не жарко, надо двигаться. Лошади напоены-накормлены. Перекусить самим, да в путь...

Красуля? Тут Красуля. Цела-целёхонька.

...К концу второго дня пути далеко-далеко впереди замаячил город. Сперва чуть проглянули на фоне голубого неба колокольни, потом появились крыши домов... Кунгур! Пятьдесят долгих-предолгих вёрст остались позади, а вместе с ними остались и все мои страхи и фантазии. Кунгур, Кунгур!!! Я был счастлив. Поручение выполнено. Довели Красулю.

БОЛЬШАЯ ВОДА

Хорошо, когда в городе есть река, много воды, есть где искупаться. Солнце, воздух и вода... помните песню?

На трёх реках стоит Кунгур, мой город родной. На трёх. Не всякий даже крупный город может похвалиться тем же! Сылва — самая большая и главная. Помню, как по ней в полулю воду приплывали пароходы из Перми, привозили керосин и ещё много кой-чего другого, выгружались и вместе с водой сплывали вниз. Ирень и Шаква — притоки Сылвы. Ирень побольше, глубокая и капризная река, с быстрым течением и крутыми берегами, Шаква — поменьше.

На Ирень (она была поближе) мы бегали ловить рыбу бутылками, мелочь — пескарёй да шаклеек, но всё равно для нас это была рыба, улов. Из бутылки выбьешь дно, привяжешь шнурок, получается что-то вроде «морды» или верши, зайдёшь по колено в реку, поставишь доньшком против течения, рыбёшка зайдёт, а обратно выйти не может; тут её и вытащишь на берег. Кошкам еда.

Летом по Сылве тянулись несносные вереницы плотов. Некоторые приставали к берегу. Приткнутся и стоят, иные подолгу — всё лето. Вот было раздолье бегать по плотам! Брёвна круглые, а если ещё не плотно связаны, крутятся, того и гляди, нога соскользнёт и сорвёшься в воду...

Весь Кунгур в мостах.

В самом центре города, близ кинотеатра «Олимп», — мост через Сылву. А через Ирень — два. Один для пешеходов,

лошадей, городского транспорта, я про него говорил; другой — железнодорожный. Когда едешь из Перми, поезд долго идёт берегом Ирени, огибая город большой плавной дугой, потом загрохочут пролёты моста, ещё немного, и, пожалуйста, Кунгур — станция, вокзал, буфет для пассажиров, ларьки для продажи сувениров — художественных изделий кунгурских камнерезных артелей...

Поезд побежит дальше, а вас ещё долго будет сопровождать река Сылва, и вы станете любоваться ею из окна вагона...

.

Хорошо, когда много воды. Плохо, когда воды слишком много.

Реки украшали город, придавали ему особое очарование и своеобразие, но, случалось, они же причиняли ему и неприятности.

Весной у нас началось наводнение.

Старики ещё зимой предсказывали: будет большая вода.

Под сараем у нас висела соль — серые куски, увлажнявшиеся в сырую погоду, к дождю; бабушка по ним предсказывала погоду, а коза и корова подходили и часто подолгу лизали своими шершавыми языками.

Бабушка тоже затвердила: «Соль сырая. Плачет».

Весна в том году выдалась бурная, солнышко грело да грело, рано прилетели птицы, быстро зажурчали-заговорили ручьи, уличные канавы — «зарезки» стояли до краёв полные мутной воды. Переполнились водой и реки Сылва, Ирень и Шаква.

Однажды опять загудел набат.

Шла большая вода.

Заиренская слобода «поплыла» первая. Ну, она «плавала» почти каждый год. Там и дома стояли такие, что можно разобрать и в охапке унести. Капитальных домов там не строили.

Уже залита была вся заиренская часть, всё обширное пространство вплоть до линии железной дороги превратилось в сплошное море. Лишь торчали кой-где крыши да верхушки

деревьев. По этим крышам да кустам можно было догадаться, где была река.

Залило футбольное поле на стрелке. Все низины вокруг города превратились в сплошное море. Кругом вода!

Уже несколько дней в городе шла борьба с водой. Сооружали дамбу, крепили берега. Дамба — земляная насыпь — должна была преградить путь воде, если река вздумает подняться выше обычного. Сотни горожан, мужчин и женщин, с лопатами, тачками и деревянными носилками, десятки подвод, сменяя друг друга, круглосуточно трудились на берегу. Подвозили и подтаскивали щебёнку, камень, доски, вколачивали в землю, насыпали, утрамбовывали. Скрипели

телеги, стучали лопаты о камень, дамба росла, поднималась. Но ещё быстрее поднималась вода.

Ей было явно тесно в привычных берегах, и она сердито-молча напирала на дамбу, желая померяться силами с людьми. Чья возьмёт? Усталые, перепачканные люди выбивались из сил. Чья возьмёт, кто сильнее? Неужто река?.. Ночная, полускрытая тьмой, она выглядела особенно угрожающей. Никогда не забыть чёрную Сылву вровень с дамбой: вот-вот перельётся через край... И тогда?..

Вечером и всю ночь до рассвета по берегу шарили ослепительно яркие, синие лучи прожекторов, выхватывая из темноты группы работающих, тёмную воду, которая вдруг начинала сверкать, будто жидкое серебро. Вода подступила уже совсем близко, по ней плыли брёвна, вывороченные с корнем дерева, а раз проплыла совсем целая баня с козой. Коза стояла на крыше и бляла. На берегу нашлись сердобольные люди, спустили лодку на воду, подплыли и спасли козу — сняли с крыши. Бани проплывали ещё не один раз, а потом, когда кончилось наводнение и вода пошла на убыль, многие из них оказались в самых неожиданных местах — посередине улицы, в чьём-то огороде или во дворе.

Проплыла собака на сорванных воротах. Собака выла и жалобно смотрела на берег, на людей. Её тоже спасли.

Было тревожно и волнующе.

Говорят, и прежде в Кунгуре случались наводнения — три реки, ничего не поделаешь. Но я видел наводнение впервые.

Нагорная часть — та жила не тужила, ей ничего не грозило. А вот мы жили под горой.

Днём прибежал с работы отец и сказал:

— Дамбу рвёт. Наверное, не удержать. Надо приготовиться...

До вечера мы работали как сумасшедшие.

Мы уже до этого сделали кой-какие приготовления к приходу большой воды. Дедушку и бабушку перевели на второй этаж. Они сперва заявили, что будут жить в амбаре, там у них и перина есть, и стол, чтоб пить чай и обедать,

и всё такое прочее, но папа сказал — если затопит двор, затопит и амбар.

Наверх перетаскали все бабушкины тряпки, ухваты, чугунки, горшки, чайную посуду, всю мебель, какая пролезла через двери. На улице привязали верёвками и проволокой к забору и воротам деревянные тротуары. Во дворе постарались убрать всё, что могло всплыть и разбить окна в нижнем этаже. Да только всё не уберёшь, что-нибудь да останется, обязательно забудешь.

А куда девать домашних животных?

Многие уводили свою скотину к знакомым в нагорную часть. Кое-кто втаскивал коров на сеновалы. Мы отвели свою Красулю к соседям. Их дом стоял на пригорке, вода не дойдёт, такого не бывало. Остальных — кур и прочую разношёрстную братию — на руках перетаскали на верхний этаж, на сарай.

Козу Маньку втаскивать не пришлось — сама зашла. Зашла и как ни в чём не бывало принялась хрустеть сенцом.

Начинало смеркаться. Улицы притихли. Только слышались порой чьи-то запоздалые торопливые шаги.

Мы попили чаю в последний раз внизу на кухне.

Вышли во двор.

— Смотри, — сказал отец.

Из подворотни в крытом проходе, ведущем в огород, между амбаром и сараем, показалось что-то чёрное, отсвечивающее, холодное, враждебное, и оно быстро увеличивалось, бесшумно подступая к нашим ногам. Вода. Большая вода. Она надвигалась медленно и в то же время неотвратимо. Ничем нельзя было остановить её. Ничем! Вода обошла нас с тыла, затопила сперва огороды, а теперь начала заливать двор.

Потом, журча, она полилась через уличные ворота. Вскоре весь двор покрылся водой. Всплыли тротуары. Хорошо, что мы догадались заранее привязать их.

В болотных сапогах с высокими голенищами я бродил по двору и ловил всплывающие предметы. Папа был занят тем же.

В углу двора была навалена большая куча дров. Мы её не трогали, решили — не всплывёт. Внезапно оттуда донёсся какой-то звук. Как будто кто-то трепыхался в воде. Я побрёл туда.

Кролик! Да как ты, бедняга, оказался тут? Потом я припомнил. Кроликов — белых, пушистеньких, как ватные комочки, — заводила моя мама; долго ждали, когда у них появятся крольчата, но они все оказались самцы. В конце концов решили от кроликов отказаться. А один — уж не знаю, как вышло, — сбежал из клетки и жил в огороде. Пытались поймать — не поймали, не дался. И вот теперь он сам пришёл, вода загнала беглеца во двор.

Кролик уже пускал пузыри. Я пошарил рукой среди поленьев. Кролик был напуган — а может быть, я неловко схватил его — и стал отчаянно брыкаться, извиваясь всем телом.

Я вытащил его из тёмной вечерней воды. Кролик принялся яростно сопротивляться, с неожиданной для него силой стараясь вырваться и царапаясь когтями задних лап. Рукава у меня были засучены, руку обожгло как огнём, но я продолжал крепко держать пойманного, дошёл до лестницы, ведущей на сеновал, и лишь там выпустил. Он поспешно запрыгал по ступеням вверх, перед тем успев ещё раз больно лягнуть меня.

Уже совсем стемнело. В доме зажглись огни. Рука нестерпимо саднила. Вода заметно прибыла и продолжала прибывать. Со всех сторон слышались журчание, плеск. Я побрёл к крыльцу.

Мама взглянула на руку и ужаснулась: кролик исполнил её когтями так, что действительно было страшно смотреть. От кисти до локтя — глубокие кровоточащие борозды. Да ещё грязь.

Безобидное существо — кролик; но, оказывается, в испуге и он способен натворить дел... Вся рука в крови и в грязи!

Руку промыли, залили йодом, потом забинтовали. Боль была отчаянная, но я мужественно перенёс всё.

— Разделал он тебя...— сказал отец.— Ну ничего. До свадьбы заживёт. Ложись спать.

— Зато кролика спас,— сказал я.

— Тоже верно.

Через полчаса я уже лежал в постели и спал.

Утром проснулся, глянул в окно — ух ты! Кругом вода! Наш дом — как остров. Обитаемый остров.

Ирень и Сылва пошли прямо через город. Где Ирень, где Сылва, не разберёшь. Одна вода, большая вода. По нашей Успенской улице нёсся быстрый поток, плавали лодки с греб-

цами. Прямо из лодок через окна жители попадали в свои квартиры.

Скрылась под водой собачья конура, вода в коровнике. Хорошо, что увели Красулю. Странно было видеть, что вода в кухне, в дедушкиной горнице. От печки осталась половина. Даже удивительно, что ещё вчера бабушка брякала там заслонкой и ухватами. И заслонки нет — бабушка предусмотрительно захватила её с собой. Не то заржавеет, чисти потом. Бабушка наша была человек хозяйственный.

Оказалось, папа уже «искупался»: сорвался с плотика и окунулся с головой. Мама растёрла его спиртом, чтобы не простудился и не заболел. Во дворе глубина была полтора метра. Вода холодная-прехолодная. И вправду можно заболеть.

Бед и убытков вода причинила немало. После заново пришлось настилать тротуары вокруг дома (хорошо, хоть не уплыли). В нижнем этаже от стен отвалилась штукатурка, точно, как по линейке, на том уровне, на каком стояла вода; выворотило полы (набухли половицы). В доме долго держалась сырость. И вообще наводнение — большое несчастье, для многих разорение.

Но я плавал на плотике и ни о чём об этом не думал. Интересно ведь — плавать на собственном плоту, как по озеру, отталкиваясь с помощью длинного шеста и ежесекундно рискуя потерять равновесие и опрокинуться в воду.

Мама предупредила строго-настрого, чтоб я не вздумал вымокнуть (отцовское «купание» было уроком), но к вечеру я, конечно, был мокрёхонек с головы до пят. И, представьте, даже не чихнул!

Мама ездила к соседям доить Красулю в лодке; отец на службу — тоже в лодке.

Мне всё это даже нравилось. Глупый был. Молодозелено.

Превосходно чувствовали себя животные. Дворовый пёс Томка ночами брехал теперь с антресолей, со второго этажа сарая, — нёс службу, так сказать, на высоте. Кролик оправился от испуга, обсох и уплетал всё, что ни дай, но держался в сторонке и в руки никому не давался — дичился.

Самое интересное, что как раз вот этот-то кролик и оказался крольчихой. Потом, когда наводнение кончилось, крольчиха долго жила у нас под амбаром, там вырыла себе нору, там и родила крольчат, а однажды опять убежала. и на этот раз — навсегда.

Вода простояла пять дней и потом в одну ночь ушла. Утром встали, а её нет. Осталась только грязь. Ох и грязи было...

Город долго оправлялся от наводнения — стихийного бедствия, как было сказано в кунгурской городской газете «Искра». Чинили заборы, вывозили горы мусора, мыли, красили. Затем всё вошло в обычную колею. Снова школа, уроки — всё, как прежде.

Да! Вы спросите: как рука?

Зажила. На здоровом теле всё заживает.

КРАСУЛЯ ТЕЛИТСЯ

Среди ночи меня разбудил тревожный голос матери: — Вставай! Красуля телится, помочь надо... Да вставай же, одевайся быстрее! — принялась она тормозить меня.

Ох и лень подниматься с постели в середине сладкого сна.

Протирая заспанные глаза и ещё не понимая толком, зачем я понадобился, я последовал за матерью.

В коровнике тусклым жёлтым пятном светил фонарь, подвешенный за гвоздь на стене. Темно, парно. В углу, на соломе, стояла Красуля и тяжело дышала. Около неё находился какой-то человек. Оказалось, ветеринар, наш знакомый.

— Руки чистые?

— Да.

— Вставай сюда.

Я встал, куда мне было приказано.

В руках какие-то палки. Я же тяну телёнка! Это его ножки! Точно! Вот и копытца. Ой! Мне стало страшно, не за себя страшно, нет, а за телёнка, который должен был появиться на свет, но мама и ветеринар подгоняли меня,

принуждая делать что-то непонятное, чего я никогда не делал и даже не видал и от чего у меня почему-то тревожно-испуганно билось сердце. Мама держала Красулю, поглаживала и успокаивала её. Ветеринар массировал коровьи бока, а мне приказывал тянуть.

— Ногами-то упрись сильнее...

Постепенно до меня дошло: Красуля не может разродиться, приходится ей помогать. Бедняжка...

Но так же мы изуродуем телёнка! Ему больно, он задохнётся! Или сломаем кости... правда, говорят, кости очень крепкие...

Красуля замычала и замотала головой, пытаюсь дотянуться мордой не то до меня, не то до телёнка.

— Потерпи, потерпи ещё, милушка... ещё немного...

— Уфф,— перевёл дух ветеринар.— Ну и ну... А ты молодец,— похвалил он меня,— без тебя, пожалуй бы, не спроворить.

— Он... живой? — несмело полюбопытствовал я, хотя сам видел: шевелится, значит, живой. Я был весь в поту, тёплые ручки заливали глаза, рубашка прильнула к телу.

— Представь себе... Хороший телёнок, здоровый, крупный. Всё отлично! — провозгласил ветеринар, заканчивая осмотр Красули и новорождённого.

— Можешь идти,— сказала мне мама.

Часы показывали половину третьего, когда я снова нырнул в постель, и в тот же миг уже спал. Умаялся. Спал без сновидений, но всё летел куда-то. Рос, наверное.

Назавтра было воскресенье, в школу не идти, можно понежиться утром (хотя вообще-то в семье у нас не любили лежебок и не одобряли позднее вставание). Вероятно, потому, что пришлось меня поднимать среди ночи, мама дала мне выспаться основательно, и день уже был в разгаре, когда я, напившись чаю, вышел во двор. Вышел и остановился в изумлении. Я совершенно забыл, что происходило ночью.

Посреди двора стояла Красуля, а к боку её жалось беспомощное длинноногое существо тёмно-буро-красного цвета, с копытцами, с длинными ушами и по-детски наивно

вытаращенными на белый свет глазами. Телёнок! Покачиваясь, он сделал несколько неуверенных движений. Шатало его, как пьяного, туда-сюда, вот-вот упадёт... нет, не упал... головой упёрся в материнский бок, покачался ещё, как бы раздумывая, что предпринять, сунул морду под брюхо матери, где отвисло тяжёлое, полное молока, вымя, и принялся сосать. Да как! С чмоканьем, подталкивая лбом мать, словно требуя: давай, давай ещё молока, не жалеи!

Ой, какой же он был смешной да нескладный! Как смешно ел, нетерпеливо подтыкая мать!

И тут я припомнил всё. Так это же я помог ему появиться на свет. Если бы не я, не мы с мамой и ветеринаром, может быть, сейчас его не было бы совсем или был, но мёртвый, бездыханный. Какое это чудо — живой телёнок! И это чудо совершилось при моём участии! Как хорошо! Хорошо, что меня позвала мама!

А телёнок сосал, сосал, и, казалось, с каждым глотком у него прибавлялось сил, потому что он уже перестал покачиваться и ногами вроде стал твёрже упираться в землю. Ах ты, милаха! Ну и аппетит у тебя. Ешь, ешь! Сколько расти надо тебе, чтобы дорасти до матери! Вон она какая большая, а ты такой маленький рядом с нею. Много придётся ещё пить молока!..

До этого я никогда не думал, никто не рассказывал мне, что живое существо появляется на свет в таких муках.

Зато какая же пригожая оказалась у Красули её дочка — рослая, красивая и вся в неё!

Чудо жизни! Чудо жизни возникло в ту ночь предо мною, и я никогда не забуду его. Не забыть того удивительного чувства, которое возникло у меня от сознания, что и от меня, да, да, от меня и от каждого из нас зависит, чтоб жизнь существовала на земле вокруг нас, что мы — её творцы.

Мне казалось, что и солнышко светило по-другому, как-то особенно щедро и ласково согревало землю. Ведь сегодня на земле одним созданием стало больше!

Много, много лет прошло с тех пор, но я не забыл ничего из той ночи и первого дня Амазонки.

Тёлочка — а это была тёлочка — получила имя: Амазонка. Амазонками в древности называли сказочных дев-воительниц, скакавших на лихих конях. Наша Амазонка оправдала своё имя: она так умела прыгать и резвиться, задрав хвост и взлягивая, будто жеребёнок, так поддавала мне иной раз своим крепким лбом, что я летел турманом... Но это уже другой рассказ.

МЫШКА-НОРУШКА, КОТОРАЯ ПРИШЛА К ЛЮДЯМ

Как-то в начале зимы мама принесла с рынка большой кулёк волошских орехов. Орешки были один к одному, чистые, крупные. Мама высыпала их в объёмистую глиняную латку; латку отнесла в чулан и поставила на полку. Орехи предназначались к празднику, и трогать их раньше времени было строжайше запрещено.

Накануне праздника мама отправилась в чулан. Через минуту до меня донёсся её рассерженный голос:

— Ах, бессовестный мальчишка! И так, кажется, ему ни в чём не отказывают, так нет — ещё сам без спросу таскает!.. Что это значит? — сурово спросила она, показывая на латку.

— Что? — переспросил я.

— Что! — ещё более возмутилась мама. — Он ещё спрашивает! Не притворяйся! Ты отлично знаешь, о чём я говорю...

Я заглянул в латку, и мне всё стало понятно: она была пуста. Только на самом доньшке сиротливо перекатывалось с полдесятка орехов. Но я к этому не имел никакого отношения. Интересно, куда они подевались?

Да, я категорически отказывался признать себя виновным и этим только ещё более рассердил маму. Гнев её сразу возрос вдвое. Она могла примириться с любой моей шалостью, простить любую проказу, но не ложь.

За своё упорное заперательство мне пришлось отправиться в угол. Это было самое строгое наказание, которое давалось за серьёзную провинность.

— Не сознаёшься? Тем хуже...

Маму крайне раздосадовало моё трусливое упрямство. Ну съел, так хоть скажи. С кем не бывает! А у меня чувство обиды от возведённой на меня напраслины боролось с любопытством. Я стоял и размышлял: в доме завёлся воришка — кто он?

С весны у нас начался ремонт. Вся наша семья перебралась в дедушкин амбар, а в доме плотники принялись выворачивать старые погнившие половицы, менять косяки и рамы.

Внезапно перестук топоров прекратился. Мама пошла узнать, что случилось, почему плотники бросили работу. Через минуту или две она вернулась, с улыбкой посмотрела на меня и многозначительно сказала:

— А ты, оказывается, действительно был не виноват... Ступай-ка посмотри.

Я поднялся на второй этаж.

Плотники сидели кружком посреди развороченного пола и, посмеиваясь, щёлкали орехи... Неожиданное угощение развлекло их, и они устроили то, что называется перекуром. На слое мусора перед ними возвышалась кучка орехов, прикрытая сверху мелкими обрывками бумаги. Тут же валялась пустая скорлупа и остатки мышиного гнезда.

Больше всего меня заинтересовали орехи. Ещё бы! Я, правда, уже почти успел забыть происшествие, которое разыгралось несколько месяцев назад. Но теперь... Сомнения не могло быть: это были те самые орехи, за таинственное исчезновение которых мне тогда пришлось отдуваться. Вот, оказывается, кто был виновником пропажи: мыши! Грызуны повытаскивали орешки из латки, перенесли к себе под пол в тайничок и потом потихоньку всю зиму лакомились из «собственных запасов»... А мне-то пришлось ни за что пережить несколько неприятных минут.

Вскоре с одним из серых воришек мне удалось познакомиться, как говорится, лично.

Малюсенький мышонок сидел в уголке между половицами, вытасченными и сложенными штабелем во дворе. Он был совершенно неподвижен, этот крохотный кругленький зверёк, точно окаменел. Только чуть поблёскивали чёрные глазёнки размером с булавочную головку да едва заметно шевелились усики. Мышка или грелась на солнце, или просто замерла от испуга, очутившись внезапно в таком большом и ярком мире...

Как она тут оказалась? Вероятно, плотники, не заметив, вытащили её вместе с кучей досок. А она, как уцепилась за одну, так и продолжала сидеть ни жива ни мертва.

А может быть, ей самой захотелось посмотреть на белый свет? Скучно, наверное, всю жизнь бродить в потёмках, по подвалам.

Зверюшка была беззащитна, я без особого труда поймал её.

Куда девать добычу? В картонную коробку нельзя — протрызёт. В конце концов посадил в высокую стеклянную банку из-под варенья.

Перед тем мне пришлось выдержать бой с мамой и бабушкой, которые ни за что не соглашались «поганить»

банку. И вообще — все как сговорились: при виде мышки брезгливо морщились, а бабушка даже отплюнулась и напрямки заявила, что мышь — нечистая тварь, и её следует немедленно утопить в помойном ведре!

Но я думал иначе.

Крошечная, в длину не больше моего ребячьего мизинца, с острой смышлёной (так по крайней мере мне казалось) мордочкой и округлым тельцем, одетым в нежную бархатную шубку, мышь беспомощно тыкалась носиком в прозрачные стенки своей темницы, царапалась голыми малюсенькими лапками, опираясь на длинный, покрытый серым пушком хвостик, пыталась вскарабкаться и, потеряв равновесие, шлёпалась на дно...

Ах ты, бедняжечка, наверное, ты хочешь есть... Я бросил ей несколько крошек хлеба и кончик морковки.

Быстро двигая челюстями, мышка подобрала крошки, затем, сев на задние лапки, взяла в передние морковку и принялась старательно грызть. Покончив с завтраком, она помыла мордочку лапками, как это делают после еды кошки, сжалась в комочек и минут пять сидела неподвижно. Вероятно, блаженствовала от ощущения сытости. А после, отдохнув, опять стала биться о стенки, стараясь вырваться на свободу.

А вдруг всё же выскочит и потеряется! Будет жалко. Недолго думая я вытряхнул её и прихлопнул сверху банкой. Так надёжнее. Спустя какое-то время посмотрел, а она скребёт лапками по стенкам и тут же падает, как пьяная. Рот раскрыт, дышит тяжело, банка запотела, на стенках — капельки...

Дурак! Я же чуть не уморил её. Ведь мышь дышит так же, как мы, люди, как другие живые существа! Для этого ей нужен чистый воздух, кислород. Пришлось вернуть банке прежнее положение, а мышку снова пустить на дно. Она успокоилась, перестала задыхаться. Это научило меня осмотрительности.

Скоро пленница привыкла к своему заточению и стала держаться спокойнее. Я кормил её хлебом, сахаром, творо-

гом, поил молоком, налитым в плоскую крышечку от железной банки из-под ваксы. Перед тем я тщательно промыл крышку горячей водой, иначе чистоплотная зверюшка, наверное, не притронулась бы к молоку. А что она очень чистоплотная, я убеждался с каждым днём.

Поест — тотчас же усердно помоеет мордочку. Полакает — отряхнёт щетинистые усики от капелек молока и после обязательно оботрёт их досуха лапками, разглаживая, как старый запорожский казак, свои свисающие усы. Мылась она каждые полчаса, а потом начнёт причёсываться, действуя растопыренной лапкой, как гребешком, да так быстро, что следить не успеваешь... Двадцать взмахов в секунду! Говорят, что у мыши половина жизни уходит на мытьё да прихорашивание... Чистюля и кокетка!

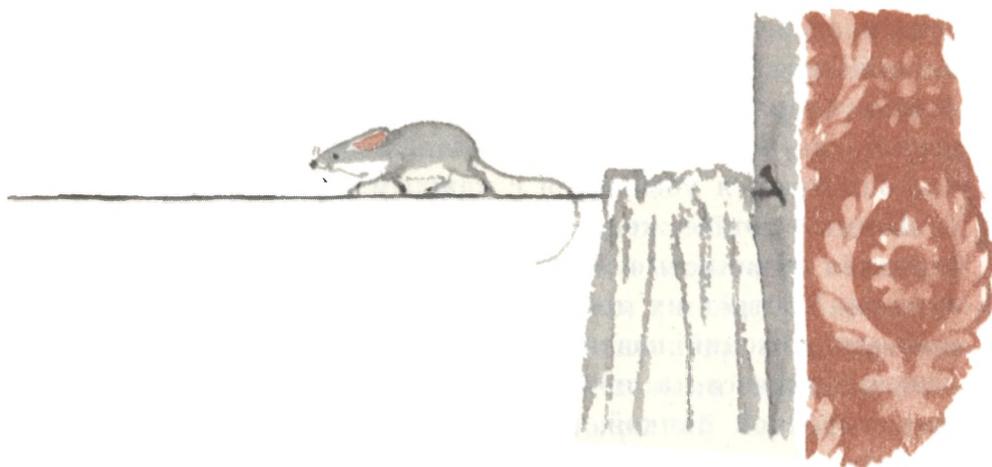
Если остались несъеденные кусочки пищи, она их старательно соберёт и сложит в кучку в сторонке. Запасы на чёрный день! Запасов этих у неё копилось так много (ела мышка удивительно мало), что время от времени я вынужден был очищать от них мышьино жильё. Из тряпок, которые я ей положил, она сделала себе подобие гнезда и спала обыкновенно в нём. Я периодически чистил банку и менял тряпье.

Если до этого мне нравилось наблюдать за работой плотников, я мог часами сидеть и смотреть, как они строгают доски, подгоняют половицы, готовят кровельный тёс, чтоб сменить прогнившую крышу сарая, и при случае старался помочь им — принести то, другое, сбегать за водой или квасом, то теперь с не меньшим интересом проводил время около мыши.

Чем больше я присматривался к своей новой знакомой, тем больше она нравилась мне. Нет, она никак не заслуживала того сурового приговора, какой произнесла над нею бабушка!

Было очень интересно и даже как-то удивительно наблюдать, как это миниатюрное создание жило на моих глазах, спало, ело, трогательно заботилось о чистоте и красоте...

Вскоре создание окончательно покорило меня.

Я заметил: когда подхожу к банке, мышка тоже немедленно подбегает к стенке и, тычась в неё носиком, как бы старается дотянуться до меня. И с испуганным видом поспешно отскакивает назад, если подойдёт кто-нибудь другой...

Понаблюдав, я убедился, что моя догадка правильна: мышь привыкла ко мне и не боялась меня. Я сунул в банку руку — мышка бестрепетно взобралась на неё...

Теперь я стал часто вынимать свою питомицу из банки. Посадив на ладонь, ждал, что будет. Но мышка и не думала убегать. Она медленно и в то же время как-то юрко, как, вероятно, умеют делать только очень мелкие животные, переползала по ладони, поблёскивала чёрными бисерными глазками и, обнюхивая мою руку, быстро-быстро шевелила усами. Она стала уже совсем ручной.

Банка стояла на столе. Раз, когда я, как обычно, вынул мышку из её стеклянного жилища, она внезапно оживилась, упруго согнула хвостик и ловко спрыгнула с руки на стол. Обследовав лежащие там книги, плутовка добралась до окна, цепляясь острыми коготками, взобралась по занавеске до шнура, натянутого между косяками, и, как цирковой акробат, уверенно побежала по нему. Мышь-канатоходец! На середине она покачнулась, но тотчас же восстановила равновесие, обвив шнур хвостом, помедлила, двинулась дальше...

Я приготовился ловить беглянку. Но нет, она вовсе

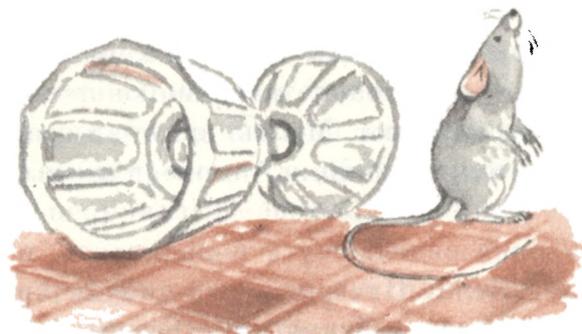
не собиралась убежать. Это было просто гимнастическое упражнение.

В глиняном цветочном горшке на подоконнике росла луковица. Длинный упругий лист растения немного не доходил до шнура. Мышка прицелилась и прыгнула вниз. Лист качнулся под её тяжестью, но она цепко держалась за него. Затем, когда качание прекратилось, осторожно спустилась в горшок и долго с наслаждением копошилась в земле. На этом прогулка закончилась. Я водворил зверюшку в её круглый прозрачный домик.

С этого времени такие прогулки стали повторяться почти ежедневно. Раз от раза они становились продолжительнее и занятнее, они заинтересовали даже моих родных. Хотя мать по-прежнему заставляла меня по нескольку раз в день мыть с мылом руки, но и она стала с возрастающим любопытством поглядывать на мышку.

Я, конечно, не замедлил этим воспользоваться и стал приносить мышку на общий стол, где она ко всеобщей потехе и показывала своё акробатическое искусство. В моём присутствии она, кажется, меньше боялась и других людей. А раз она так развеселила присутствующих, что все в нашем доме, кроме бабушки, единодушно признали мышку «симпатичной».

По случаю какого-то семейного торжества, кажется папиных именин, у нас собралась гости. Пили, ели. После ушли, а на обеденном столе осталась масса всякой недо-

еденной снеди. И мне пришло желание тоже устроить мышке праздник.

Я пустил её на стол. Волоча длинный змейку-хвостик, мышка суетливо забегала между тарелками. Плутовка! Она сразу учуяла, что тут для неё неисчерпаемые запасы пищи, и не набросилась на еду как попало, а принялась тщательно и разборчиво выбирать более вкусные кусочки. В кучке крошек её привлекли крупинки сахара и сладкого пирога. Долго трудилась над колбасной кожурой. Поспешно убралась прочь от объедка, намазанного горчицей! И наконец, забралась в рюмку и досуха вылакала, подлизала язычком несколько оставшихся на дне капель вина.

После этого лакомства почистилась (опрятность у неё всегда была на первом месте!), пригладила лапками шерстку, расчесала усики, посидела с минуту неподвижно, слегка поворачивая по сторонам лукавую мордочку, и вдруг... засвистала!

Я не поверил собственным ушам. Да и никто из находившихся в комнате в первый момент не поверил этому...

Мышь, посвистывающая от удовольствия, как какой-нибудь сорванец-мальчишка?!

Однако это было так. С довольным видом мышка сидела около рюмки и посвистывала. Посвистывала — не совсем точно: звуки, которые она издавала, одновременно походили и на писк, и на какое-то шуршание, и на негромкое воробьиное чириканье. Словом, это было мышиное пение.

Поющая мышь! Было от чего прийти в изумление.

— Захмелела! — сказала бабушка и поджала тонкие сухие губы. Она с явным неодобрением следила за столь легкомысленным поведением не только мыши, но и взрослых людей, которые разрешают мальчишке такое «баловство».

«Ещё чего придумают. Мышь, видите ли, им пришлась по сердцу! Тоже театр нашли», — говорило выражение лица бабушки.

А моя мышка сидела, чуть покачиваясь, и с увлечением посвистывала. Пела. Наверное, что-нибудь вроде: «Ах, как мне весело! Вот это праздник так праздник!»

Затем она поднялась на задние лапки, почесала за ухом и решила ещё раз подкрепиться. Но рюмка была пуста, а других поблизости не оказалось. Мышка сунулась в стоявшую рядом никелированную полоскательницу.

Полоскательница была полна воды. Мышка не удержалась на полированной поверхности металла, коготки скользнули... и, потеряв равновесие, она бултыхнулась в воду!

Впрочем, спасти мне её не пришлось. Оказалось, что и плавать мышь умеет преотлично. Широкая и глубокая полоскательница показалась мышке, наверное, огромным озером. Но наша резвушка не растерялась. Высунув из воды кончик носа и энергично работая лапками, она быстро добралась до края чашки, зацепилась за него, перевалилась через бортик и плюхнулась на стол.

После этого она уже больше не пела! От холодной ванны хмель сразу соскочил с маленькой проказницы.

Естественно, мне хотелось, чтобы она ещё раз исполнила свою песенку. Но этого было не так-то легко добиться. Требовалось соответствующее настроение мышки!

Как раз в эту пору я начал брать уроки игры на пианино. Однажды сел за инструмент, начал какую-то несложную мелодию и вдруг слышу знакомое негромкое посвистывание. Перестал играть я — прекратилось и оно. Переставив банку поближе, я вновь пробежал пальцами по клавиатуре. Мышка опять запела.

Мышь любит музыку. Таково было моё очередное открытие.

Она пела под аккомпанемент, как заправская певица. И теперь на потеху всей родне мы частенько музицировали вместе.

Чем дальше, тем больше я убеждался, что мышь очаровательное, да, именно очаровательное, более точного слова не подберёшь, кроткое, в высшей степени чистоплотное и разборчивое в выборе пищи, в обиходе животное. Совсем не «поганый», неприятный зверёк, хищник, как принято считать.

Конечно, спору нет, мыши могут причинять много беспокойства и даже вреда. Не столько даже тем, что поедают

съестные припасы, а главным образом тем, что портят вещи, грызут своими зубками-шильцами всё, кроме стекла и железа. Мыши следуют за человеком повсюду. Где поселяется он, там непременно появляются они. Предприимчивые и смелые, они способны проникать во все щели, амбары, библиотеки, склады, шкафы, сундуки, превращать в труху книги, уничтожать самые разнообразные товары и продукты. Никакие запоры не держат их. Всё это, конечно, верно.

Но всё же мышь нельзя сравнивать, скажем, с таким действительно отвратительным, неприятным, грязным, зловонным и смелым до наглости и настолько свирепым, что боятся даже кошки, хищником, как крыса. Крысы вполне заслужили всеобщее отвращение.

К мышке я очень привык и привязался. Право, этот зверёк был слишком симпатичен, чтобы его не любить!

Можно было бы на этом прервать рассказ о маленькой серой мышке-норушке... Но читателей, конечно, будет интересно — что же дальше? Чем окончились мышьино похождения?

Кончилось тем, чем обычно кончается история мышьиной жизни.

В нашем доме появился кот, новый кот по кличке Котька. И мне пришлось срочно позаботиться о безопасности своей любимицы. Кот, конечно, не оставит её без внимания.

Банку, где жила мышь, до того я ничем не закрывал — мышь всё равно не могла взобраться по стеклянным стенкам. Теперь — приспособил тяжёлую решётчатую крышку. И мышке не грозило удушье, и коту не залезть в банку когтистой лапой.

Разумеется, было бы куда спокойнее, если бы кота не было совсем. Но мыши в чулане — родственницы нашей ручной забавницы — понемногу продолжали «пошалить», и взрослые сочли за благо, если кто-то будет поугивать их.

Не знаю, насколько привлекал кота чулан, но около банки он просиживал долгими часами, как загипнотизированный.

Много раз он пытался ловить мышку, но, наткнувшись на стекло, опять застывал, не спуская жадных глаз с недосыгаемой добычи.

Стекланный дом! Он всегда ненадёжен. А что делать, если нет другого?

Первое время мышка пугалась страшно. Она отскакивала от стенки, начинала метаться, потом цепенела. Со временем, однако, поняла, что она в безопасности, и стала относиться к близкому неприятному соседству значительно спокойнее. Да и кот, казалось, смирился с тем, что из этой охоты у него ничего не получится, мышь не для него, и стал реже наведываться к банке.

Приходилось лишь соблюдать крайнюю осторожность во время мышкиных «прогулок». Я выставлял кота на кухню и плотно закрывал двери. И всё шло благополучно...

Но однажды, вернувшись из школы, я поймал на себе какой-то сочувственный взгляд матери. Отведя глаза от

меня, она покосилась на кота. Он сидел на стуле у печки и сладко жмурился. У меня дрогнуло сердце...

Я не нашёл банки на обычном месте. Не было и мышки. Осколки стекла валялись на полу у стола, тут же были разбросаны и разноцветные тряпочки, из которых так любовно мастерила себе гнёздышко мышка. Мама нарочно оставила всё это до меня...

Кто был виноват в случившемся? Да я же, я! И никто другой. Я, человек, должен был предусмотреть, чтоб не случилось чего. Видел ведь, что кот подкарауливает жертву.

После того как кот слопал мою ручную мышь, я на него несколько дней даже смотреть не хотел. Но разве можно сердиться на животное, если оно поступило так, как ему подсказала его природа! Виновато ли оно?

ДРУЖИЩЕ КОТЬКА

 Он был крупный белый кот с тигровыми пятнами на спине и боках, с длинным гибким хвостом, которым, рассердившись, он начинал вертеть во все стороны, и большими колючими усами. Зелёные глаза его днём были совсем узкими и, казалось, не смотрели ни на кого, но тотчас расширялись, в них появлялось хищное выражение, если мимо пролетала птица или пробегало какое-либо животное. На концах ушей у Котьки торчали пушистые кисточки, как у рыси.

Да и повадками он порой напоминал дикого зверя.

Говорят, кошки больше других домашних животных сохранили свой независимый нрав и способность обходиться без человека. Наш Котька был живым подтверждением этого. Впрочем, с тем же успехом он мог бы послужить и доказательством обратного...

КАК КОТКА ПОСЕЛИЛСЯ У НАС

Котку никто не приглашал к нам жить — он сам явился. Не мы выбирали его — он выбрал нас.

Однажды наш дворовый пёс Томка загнал чужую кошку на столб под сараем. Томку вскоре привязали на цепь, но кошка продолжала сидеть на столбе, хмуρο поглядывая вниз.

Прошёл день — всё сидит. Что она, присохла там? Бойтся или не может спуститься? Мы поочерёдно ходили и смотрели на гостью, звали — не спускается. Кончилось тем, что к столбу приставили лестницу, мама держала лестницу внизу, я полез наверх и снял горемыку. Пушистый бродяжка не сопротивлялся, но едва я выпустил его из рук, тут же «задал лататы» и был таков.

Однако назавтра он объявился уже на кухне. Время было летнее, первый этаж, двери и окна открыты, заходи кто хочешь; и бродяга мог беспрепятственно шмыгать туда и обратно. Убедившись, что его не трогают, он быстро осмелел и не стремился убежать. С этого дня мы могли считать его своим.

Кот мог бы сойти за красавца, не будь он так тощ и грязен. При всём желании на нём нельзя было найти ни одного чистого волоска. Можно было подумать, что он только что вылез из дымовой трубы, где собрал на себя всю сажу.

Удивительно, как животные чувствуют, где их любят. Только этим я могу объяснить, что кот так легко променял свою привольную, бродячую жизнь на наш дом. Однако привычка к независимости и самостоятельности ещё долго сказывалась в нём.

Судя по всему, у него не было хозяев, а если и были, он не дорожил ими. Прежняя его жизнь, видимо, была не слишком сладкой, и вначале он всех сторонился, пугался лёгкого шума и забивался под стол или кровать. Каждый день для него ставили на кухне плошку козьего молока, клали кусочек мяса. Кот торопливо лакал молоко, а мясо уносил куда-нибудь в укромный уголок и там съедал, угрожаяще урча. Раз, когда его захотели погладить, зашипел,

прижал уши и немедленно пустил в ход когти. После этого его оставили в покое. Пусть привыкнет!

Кот не сразу признал свою кличку — Котька; слабо действовало на него и обычное кисканье, на которое идут все кошки.

Но время шло, и кот начал меняться.

Первый признак перемены — стал усердно мыться. Счищать свою давнишнюю грязь ему пришлось довольно долго, однако, как выяснилось, старания и терпения ему было не занимать.

Вам приходилось наблюдать, как моется кошка? Она не просто лижет, а именно моет, последовательно, с большим искусством, приводя в порядок одну часть своего тела за другой. Вытягивая поочерёдно то одну, то другую заднюю лапу, долго и тщательно вылизывает их. Потом, полулёжа на спине, примется за пушистое брюшко. Затем встанет, отряхнётся и возьмётся за хвост, бока, спинку... Котька был

настолько гибок, что, изловчившись, доставал языком шею. После этого шло самое главное — мытьё головы и мордочки. Облизав лапку, он остервенело тёр ею усы, щёки, за ушами, действуя с такой силой, что порой ухо оказывалось вывернутым наизнанку, а зализанные против шерсти места долго не могли прийти в нормальное состояние.

День ото дня кот становился чище и красивее. Шерсть стала блестящей и пышной, хвост распушился, морда округлилась, обросла баками. И весь он раздался, вид сытый, довольный, важный...

Теперь он разрешал себя гладить. Более того, сам часто тёрся о ноги, выгибал спинку и громко мурлыкал. Ласкаясь, вспрыгнет на колени и поёт, поёт...

Но насколько он был ласков со своими, настолько же неприветлив и даже сварлив с чужими. С посторонними кот не терпел никаких фамильярностей, даже прикоснуться к себе не позволял. Мгновенно разъярится, зашипит, оскалит зубы, как собачонка... берегись!

Все знакомые носили следы его когтей.

Его считали нелюдимом, злокой, а мне, признаться, нравилась такая черта: значит, коту не всё равно, кто его ласкает, кому дарить своё внимание!

КОГДА СЕРЕДКА СЫТА

Чем дальше, тем забавней, озорней становился кот. Целыми днями он носился по дому, задрав хвост и яростно мяукая. Когда он с мрачным видом сидел на столбе, враждебно поглядывая вниз на собаку и людей, кто бы мог подумать, что он окажется таким игривым! Он был неистощим на выдумки и был способен забавляться сам с собой с раннего утра до позднего вечера. Иногда не хватало даже этого времени, и тогда он пускался в игру среди ночи. Летели стулья, трещали шторы. То он висит на занавеске, то взлетел по шкафу под потолок. Топоча лапками и как-то по-особенному мяукая, «мяргая», как выражалась наша

бабушка, кот нередко будил весь дом. Однако досадовать, сердиться было просто невозможно. Прикрикнешь на него — плут сейчас же подойдёт, потрётся, замурлыкает, и сердиться уже не хочется...

Любимое развлечение кота — забраться под половики, предварительно собрав их в кучу со всего пола. Это, по его, значило сидеть в засаде. Оттуда он ловил лапкой за ноги всех проходящих, а иногда, случалось, там же засыпал. Разыгравшемуся коту ничего не стоило неожиданно прыгнуть кому-нибудь на грудь, на плечи. Однажды он так чуть не до смерти напугал бабушку. Но кот немышь, коту бабушка прощала всё.

— Серёдка сыта — концы заиграли, — говорила бабушка.

И вправду, разве голодному пойдёт игра на ум?

Он был большой подхалим и проныра, этот Котька! Казалось, он нарочно избрал своим постоянным местопребыванием мою кровать. Каждое утро я находил его у себя на одеяле в ногах. Со временем кот стал забираться и на подушку, к лицу, благо животным у нас было позволено делать многое. Стоило мне прикоснуться к нему, тотчас раздавалось громкое мурлыканье. Как тут устоишь! Раз он забрался под одеяло и, хотя я основательно притиснул его, крепко проспал до утра. Вскоре мне уже самому не хватало кота, если наступало время сна.

У бабушки было много примет, связанных с животными. Если кот, заваливаясь спать, свёртывался в клубок и закрывал лапкой нос, бабушка говорила, что это к стуже. И точно: Котька спал в такой позе, когда на дворе холодало.

Зимой излюбленным его местом был валик дивана, стоявшего около голландской печи. Валик был скользкий, обтянутый клеёнкой. Разоспавшись, иногда кот скатывался с него и шлёпался на пол. Это приводило кота в страшный конфуз. Тотчас же вскочит и ошарашенно озирается по сторонам, словно недоумевая, как это могло случиться, заметили другие или нет...

Кот никогда не падал на спину. Откуда бы ни свалился,

всегда успеет перевернуться в воздухе и упасть на лапы — такова повадка всех кошек. В этом им помогает пушистый хвост. Хвостом, как рулём, они управляют телом, поэтому, даже упав с большой высоты, редко расшибаются. (И потому, вероятно, не боятся высоты: видали, как кошка иногда ходит по узенькому карнизу на пятом, шестом этаже?)

Обед ли, чай — стоит лишь забрякать посудой, — кот сейчас же является к столу. Больше он уже не скрывался под столами и кроватями; наоборот, стал даже надоедлив. В столовой ещё никого нет, а он уже тут, ждёт. Садится на свободный стул и сидит, медленно мигает, жмурится, если ничем особо вкусным не пахнет — начинает дремать, но если появляются колбаса, варёное мясо, его излюбленные лакомства, — сразу приходит в возбуждение и, не разбирая тарелок, чашек, лезет на стол. Котьку, конечно, гонят, но он всё равно лезет и порой добивается своего: шагая через посуду, направляется прямо к тарелке с аппетитно пахнущим куском. Вежливый шлепок, а иногда и покрепче и... Котька оказывается на полу. А чтоб не было слишком обидно, туда же отправляют колбасную кожуру. Она падает ему на голову и застревает между ушей. Кот теряется, враз утрачивая свой самоуверенный вид, трясёт головой, старается сбросить кожуру лапой и в конце концов съедает.

Конечно, это было баловство. Но животных баловали у нас, может быть, оттого они и были такими занятными.

КОТЬКУ УКРАЛИ

Красота нашего кота едва не сослужила ему плохую службу.

Всякому лестно иметь такого! Раз, когда Котька, не подозревая об опасности, сидел на заборе, у ворот, какая-то бессовестная тётка сняла его с забора, сунула в сумку и бегом прочь. Хорошо, что заметила соседка. Она сказала маме. Меня и папы не было дома: я в школе, папа на работе. Полураздетая, по морозу, мама бежала за похитительницей

несколько кварталов. Она видела, как та повернула за угол. Та — в дом, и мама — в дом.

— Отдайте кошку...

— Какую кошку? — притворилась женщина непонимающей.

— Какую вы унесли.

— Не знаю никакой кошки...

Она не успела договорить — в соседней комнате раздался низкий, утробный, какой-то совсем не кошачий вопль. Кот кричал не своим голосом. После мама говорила, что ещё никогда не слыхала, чтоб кошки могли кричать таким образом. Мама схватила Котьку в охапку и скорей домой... Не сиди на заборах!

А бабушка после этого говорила: «Так-то ловко... ишь какая хитрая! Нет, ты сама вырасти такого красавца!..»

Бабушка была не совсем точна: мы не растили Котьку, он пришёл к нам уже взрослым; и тем не менее она была права: благодаря нашему уходу он стал таким, что теперь нечестные люди пытались его украсть у нас.

КОТЬКА-ОХОТНИК

Но разве можно здорового кота заставить сидеть дома... Ещё не родился такой кот, который согласился бы вести жизнь затворника! У Котьки пробудился охотничий азарт, и если раньше кота невозможно было выдворить с кровати, то теперь он частенько не ночевал дома.

Началось с того, что он принялся гонять мышей в доме. Сперва им не стало прохода в комнатах. Потом кот навёл порядок в чулане. Отныне оставляй на полках что хочешь: орехи, крупу, никуда ничего не денется.

Терпение, с каким Котька мог караулить свою жертву где-нибудь в углу, было поистине неистощимо. От постоянного сидения в углах с кота даже начал слезать его лоск. Котька стал худеть. Но, как говорится, искусство требует жертв. Ни одна ночь не обходилась без того, чтобы у нашего охотника

не побывал в когтях очередной трофеей. Поиграв, кот бросал замученную жертву и шёл спать. А иногда принесёт ко мне в комнату и оставит у кровати, как бы желая сказать: «Посмотри, какой я ловкий! Не зря меня кормите...» Ловкость у Котьки была настоящая кошачья, энергии не занимать, и, надо думать, редкая добыча ускользала от него.

С весны Котькин охотничий азарт развернулся во всё блеске. Переловив и распугав всех мышей в квартире и чулане, кот перенёс арену действий за стены дома — принялся за ловлю птичек в саду. Но тут коту не повезло. Когда он принёс первую пойманную птичку домой, ему немедленно крепко попало от моей матери: не лови! Больше он с птичками дома не показывался (но, подозреваю, ловить не перестал).

Не знаю, что больше руководило им: любопытство или жадность, когда однажды он очутился в клетке с курами. Куры жили под сараем. Как он туда забрался, уму непостижимо! Впрочем, это было вполне в характере Котьки: он был

способен и не на такое. Сжавшись в комочек и хищно щуря зелёные светящиеся глаза, кот сидел у решётки и молча наблюдал за птицами. Испуганные куры сбились в кучу в дальнем углу, а петух переминался с ноги на ногу между ними и незваным гостем в явном затруднении, не зная, что делать. Поскольку кот не обнаруживал враждебных намерений, петух тоже не нападал на него.

Котьку выгнали из клетки, однако этот визит в курятник оказался не единственным. Кот ещё несколько раз появлялся там, пока, очевидно, самому не надоело бесплодное сидение в обществе наседок и их ревнивого опекуна-петуха. Что уж он хотел сделать с курами, осталось его тайной. Может быть, Котьке просто нравилась их компания?

Однажды Котька исчез. Его не было два дня. А когда он вернулся, все всплеснули руками: ну, хорош! Весь в паутинках, в пыли. Но настроение у кота было отличное. Он лукаво жмурился, полакав молока, побродил лениво по квартире, затем плюхнулся и спал без малого сутки. Через несколько дней стало известно, что кот сидел у соседей в амбаре, караулил крыс.

После этого он стал частым гостем в соседских амбарах и чуланах. Не посещал только квартир: чужие дома не любил и никогда не интересовался ими. Не заманишь! Раз от раза прогулки Котьки становились всё длительнее и повторялись чаще и чаще; кажется, он всерьёз вознамерился выловить всех мышей и крыс, и, по всем признакам, дела у него шли хорошо. Скоро о Котькиных похождениях знали стар и млад, охотничий талант и прилежание сделали Котьку желанным гостем, и его никто не обижал. Интересно то, что существовала какая-то невидимая черта, ограниченная радиусом нашего квартала, которую Котька никогда не переступал. Отныне ничто не грозило Котьке. Никто больше не пытался унести его: Котька сделался знаменитостью, и, как говорится, шила в мешке не утаишь, все немедленно признали бы, чей это кот, потом стыда и сраму не оберёшься! А случайных неприятностей, вроде бродячих собак, он научился избегать. В критический момент всегда успеет вспрыгнуть на забор,

взобраться на крышу или по стене дома, в одно мгновение взлететь на недосыгаемую высоту! Вскарabкается со страшным скрежетом когтей, усядется поудобнее, а потом презрительно поглядывает сверху, как поддразнивает, а собака внизу беснуется. «Шуми, не шуми,— говорит весь вид кота,— всё равно я тебя не боюсь, не достанешь...»

КОТКА И ЧУЖИЕ

Но, бродя по соседским дворам и наводя там порядок, Котка ревниво оберегал свой двор от посягательств чужих котов.

Может быть, во времена юности Котка много натерпелся от них, может быть, это просто в кошачьем характере, но только Котка не любил себе подобных.

А может быть, кот боялся: с таким трудом он нашёл себе пристанище — дом, а вдруг они отнимут? Вероятно, он не забыл, как сам был гоним и скитался по задворкам.

Прежде всего, состояние непрерывной войны установилось у него в отношениях с бабушкиными котами — всеми этими Билками, Бусками, Рыжками и прочими нахлебниками, которые постоянно толклись на стариковской половине дома. Котка туда не заглядывал, а они не показывались на нашей половине, будто между ними существовал неписанный договор. Но если им случалось встретиться во дворе, начиналась драка.

Первое время Котка пугал противников криком. Вопил он так, словно с него, живого, сдирали кожу. И надо признать, частенько это имело успех: оглушённые криком, бабушкины коты прекращали драку и быстро ретировались. Возможно, им было противно связываться с таким визгушей.

Сперва они били его, потом он стал бить их. Роли переменялись: с возмужанием Котки изменилось соотношение сил, и теперь уже бабушкины коты орали в несколько голосов так, что хоть уши затыкай или со двора беги. От угроз Котка быстро переходил к нападению; раздавался яростный вопль на самой высокой ноте, и вся компания — четверо против

одного! — разлеталась в стороны. Поле боя оставалось за Котькой.

Странно: жили в одном доме, а не дружили. И делить вроде бы нечего: еды хватало всем. Неуживчивым оказался Котька.

— Кержак, — корила его бабушка. — Истинный кержак, прости господи, никого не признаёт!

Кержаками в прежнее время называли на Урале старообрядцев или староверов, людей честных и работающих, но суровых, замкнутых, отличавшихся нелюдимостью и особой строгостью нравов.

В короткий срок Котька сделался грозой всех бродячих кошек. Казалось, изведав бродяжничество, он не терпел его. Ни один чужой кот не осмеливался показать и кончика носа в нашем дворе.

Котька без снисхождения гонял всех. Неожиданного союзника и помощника он обрёл в лице пса Томки.

Раз по двору разнёсся отчаянный кошачий крик. Затем залаял Томка, и всё стихло. Я выбежал узнать, что произошло.

Под навесом на боку валялась старая глубокая бочка. Томка — он в этот день был спущен с цепи — лежал перед нею, вытянув передние лапы, и заглядывал внутрь; на бочке сидел Котька и, перегибаясь через край, тоже старался заглянуть в неё.

В бочке укрывался чужой кот. Не зная, как спастись от напавших на него Котьки и Томки, он шмыгнул в бочку, и наши два приятеля, преградив путь к отступлению, караулили его.

Попал в западню! Чтоб выручить беднягу, пришлось отогнать Котьку и Томку, они неохотно повиновались, но напуганный кот продолжал сидеть в бочке. Я постучал по днищу. Кот вылетел оттуда, как пробка из бутылки, и опрометью кинулся со двора. Котька догнал его и на бегу ещё поддал пару тумачков.

После Котька и Томка ещё не раз гоняли разных пришельцев. Они уже давно стали друзьями, и мы неоднократно

но.

видели, как кот лакомился из чашки остатками пиршества собаки. А раз он принёс задушенную мышь и положил около конуры. Вероятно, хотел удружить, ну и похвалиться своими охотничьими доблестями.

НОЧНАЯ СЕРЕНАДА

Этим летом мы не поехали в деревню — надо было заканчивать ремонт дома. Собственно, полы, крыши, окна, двери — всё это было готово ещё в прошлом году. Оставалось покрасить и побелить, навести глянец, по выражению отца. И вот, как только установилась сухая тёплая погода, маляры приступили к делу. Из дома вынесли все вещи, лишь на верхнем этаже оставалось пианино, закрытое чехлом. Чтоб быстрее сохло, окна были распахнуты настежь и стояли так круглые сутки. Воров в нашем городе не водилось, никто не опасался, что пожалуют непрошеные гости. Да и что красть в пустом доме? Обычная жизнь шла лишь на кухне — до неё ещё не дошёл черёд.

Мы спали кто на сеновале, кто в саду под деревом, а дедушка с бабушкой — в амбаре.

Моё место было на жёстком тюфяке под навесом. Родители считали, что негоже парню нежиться на мягких перинах, и я на всю жизнь сохранил эту привычку — спать на жёстком.

Среди ночи я проснулся. Кто-то словно толкнул меня, или я что-то услышал. Ночь была тихая, прекрасная. Лишь издали доносилось бреханье собак да стрекотали кузнечики.

Я уже начал вновь засыпать, как вдруг...

Меня словно подбросило пружиной. Да, кто-то играл на пианино. Очевидно, этот звук долетел до меня спящего и заставил пробудиться! Ещё и ещё... Кто-то медленно перебирал клавиши. Среди ночи! В пустом доме! Кто это мог быть?!

Стихло. Может, почудилось? Нет, опять...

Фу ты, нечистая сила! Меня даже пот прошиб.

Представьте: ночь-полночь, все люди спят, спит город, а тут в темноте музицируют на вашем пианино...

Я думаю, и у нетрусливого побегут по телу мурашки!

Около меня возникла фигура в белом. При том состоянии, какое было сейчас у меня, я легко мог принять её за привидение; хорошо, что мама заговорила, это враз вернуло меня в мир реальности и придало храбрости.

— Ты слышишь? — вполголоса сказала мама. — Кто там?

Конечно, самое лучшее, если бы сейчас вместе с нами оказался папа, но папы не было дома. Он находился в деревне, на полевых работах по землеустройству.

Мы стояли и напряжённо вслушивались. А таинственный музыкант всё продолжал меланхолически перебирать клавиши. Мелодии я не различал. Да, по-моему, её и не было. Просто кто-то тыкал пальцем: до, ре, опять до, а теперь си, ля...

Что за наваждение!

И вдруг раздался взрыв яростного кошачьего воя.

Его сопровождал нестройный аккорд... Коты!!!

— Кошки, — сказала мама. — А кто открыл пианино?

Кто открыл? Да я же не закрыл его после того, как упражнялся днём. Теперь я припомнил это.

Ах, зачем я сказал об этом маме! Она сейчас же заявила:

— Надо сходить закрыть. А то опять начнут играть...

Хотя я и знал, что играли коты, но всё-таки идти в пустой дом ночью одному после такого концерта было жутковато. Пришлось, однако, послушаться и исполнить приказание матери.

Но едва я приблизился к крыльцу и поставил ногу на ступеньку, опять раздался взрыв дикого кошачьего крика, с воем и визгом с лестницы кубарем скатилось несколько кошек и умчалось в темноту ночи. Последним мчался Котька. Он гнал чужаков. Подозреваю, что это он и разгуливал по пианино, пока ему не помешали.

Так или не так, не знаю; но с той ночи я всегда закрывал пианино.

КОТКА ЗАБОЛЕЛ

С некоторого времени стали замечать, что кот становится вялым, порой теряет аппетит и подолгу ничего не ест, уберётся куда-нибудь в сторонку и сидит, сжавшись болезненно в комок.

Котку показали ветеринару.

— Глисты, — сказал ветеринар. — Очень сильное поражение. Это, вероятно, ещё от той поры, когда ел всякую дрянь... Если не вывести — пропадёт, — и выписал белые, похожие на истолчённый сахар порошки.

С утра коту не дали ни крошки пищи и не выпустили из дома. В полдень мама высыпала один порошок в чайную ложку и развела водой. После того как порошок растворился, Котке насильно раскрыли рот и вылили туда содержимое ложки. Поначалу это получилось быстро и без особых усилий: кот ещё не успел сообразить, что с ним хотят сделать.

К вечеру Котка заскучал. Теперь ему предлагали еду, по привычке чашка манила его, но он сидел перед нею, не прикасаясь, подобрав под себя все четыре лапки и щуря глаза, что — мы уже знали — служило признаком болезненного состояния.

Наутро ему дали второй порошок. Котка отчаянно сопротивлялся, мяукал и, если бы его не замотали в полотенце, исцарапал бы всех нещадно. Потом, когда его отпустили, он закашлял, зачихал, выскочил из дома и запрятался под завозню (завозня у нас была убежищем для многих в трудную минуту).

Ждали, что Котка отсидится под завозней и сам вернётся домой. Но он не возвращался. Пришлось вытаскивать силой. Собственно, особой силы для этого не потребовалось. Котка был плох. Он скрючился и почти не шевелился, лапы не гнулись, глаза сделались оловянными... Наш умница Котка был при последнем издыхании. Ах ты, ветеринар, такой-сякой, что ж ты сделал с нашим котом! Порошки, уничтожив глистов, немногим лучше подействовали и на кота! Неужели конец Котке?

Мама принялась отпаивать кота тёплым молоком. Насыпали в парное молоко измельчённых угольков, с трудом Котье разжали рот и влили несколько ложек. Потом таким же путём подали пару ложечек растопленного коровьего масла. Спустя немного времени — повторили. Кот начал медленно отходить, не в смысле, как говорили в старину, отходить — умирать, а приходить в себя — возвращаться к жизни. Он зашевелился, повёл по сторонам глазами, потом попытался облизнуть перепачканную в молоке и масле мордочку. Ну, раз начинает мыться — можно не волноваться, пошёл на поправку! Порошки спасли кота от глистов, а молоко, угольки и топлёное масло — от порошков.

Через неделю Котья был совершенно здоров.

Кстати, кошачьи глисты не опасны человеку. Так сказал ветеринар. Это для тех, кто боится болезней.

КОТЬКА ЗАТОСКОВАЛ

На следующее лето мы опять всей семьёй уехали в село Степаново, где папина землеустроительная партия уже не первый сезон производила большие работы. Дома остались одни старики.

Спустя недели две или три мама наведалась в город. Взяла меня с собой. Дома нас встретила встревоженная бабушка.

— Васька-то ваш... — Бабушка упорно отказывалась признавать Котькино имя и называла кота Васькой, как от сотворения века кличут всех котом. — Васька-то без вас совсем от рук отбился. Ничего не ест, дома не живёт, худущий стал — все кости наружу! Третьёва дни ушёл, так и не бывал. Жив, не жив, не знаю...

Бабушка рассказала, что ночью после нашего отъезда кот долго ходил по опустевшей квартире и печально мяукал, словно кого-то звал. Утром он отказался от молока и ушёл на сеновал. К вечеру вернулся, помяукал в пустых комнатах и опять ушёл. Все эти недели он обитал вне дома и, хотя и наведывался каждое утро, пищу не принимал, молока не лакал, на руки не шёл, а последние три дня не показывался совсем.

— Заболел, что ли? — недоумевала бабушка.

Я кинулся искать Котьку. После долгих поисков, весь вывозившись в пыли, расцарапав руки в кровь и, зацепившись за гвоздь, порвав рубашку, я наконец нашёл кота на карнизе под кровлей сеновала. Да и это мне удалось лишь благодаря помощи Томки. Верный пёс повсюду ходил за мной и тоже искал, время от времени поднимая голову и втягивая ноздрями воздух. Понимал ли он, что я ищу Котьку, я не знаю, но думаю, что понимал; ведь я звал громко: «Котька! Котька!» Томка задержался около дверей сеновала, и это навело меня на след.

Котька, один-одинёшенек, как и тогда, когда у него болел живот, сидел в знакомой позе, сжавшись в комочек.

На моё «кис-кис» он лишь медленно повернул голову.

В сарае был полумрак, свет проникал только через щели и слуховое оконце-треугольник, прорезанное в досках. Глаза кота светились, как самоцветные камни. Я протянул руку и погладил его по спине. Неожиданно он взъерошился, выгнулся, как будто увидел смертельного врага, громко зашипел и ударил меня лапой. Резкая боль обожгла руку. Когти у Котки были как бритвенные ножи, на руке выступила кровь. Я закричал на кота:

— Ты что — не узнал?!

Котка спокойно прыгнул с карниза и, не обращая на меня ни малейшего внимания, как будто меня и не было вовсе, медленно побрёл к двери. Я ничего не понимал. Что с котом? Принять меня за чужого?! Такого ещё не бывало никогда. На пороге Котка остановился, зажмурился, яркий солнечный свет ослепил его. Тут я и взял его на руки. Он больше не сопротивлялся.

Только теперь я смог разглядеть его. Котка был неузнаваем. Он невероятно исхудал, бока ввалились, грязная шерсть торчала клочьями. Казалось, это совсем не наш Котка.

К вечеру кот немного очувствовался. Он словно лишь теперь узнал своих хозяев. Он полакал молока, затем начал ласкаться и мурлыкать, а на ночь улёгся спать у меня в ногах.

Наутро, подкрепившись уже по-настоящему, он носился по квартире, как одержимый. Играл, ловил нас за ноги, громко, задорно мяукал, качался на занавесках и шторах — словом, вновь стал походить на прежнего Котку.

А перед сном долго и тщательно мылся, счищая трёхнедельную грязь.

Мы все встали в тупик: что случилось с котом? Что за странная болезнь? А если не болезнь... что тогда? Но поскольку всё окончилось благополучно, не стали мучить себя бесполезными вопросами, быстро успокоились и перестали об этом говорить.

Прожив в городе несколько дней, мы уехали опять.

В следующий раз мама поехала проведать дом и хозяйство лишь через месяц, и одна. Я остался в селе с папой. Вер-

нулась мама с большой плетёной корзиной, повязанной сверху платком.

— Держите, — сказала она, вылезая из коробка и подавая корзину мне. Корзина была тяжёлой, в ней кто-то шевелился.

Приподняв платок, я хотел заглянуть в корзинку. Неожиданно из неё выскочил... Котька! Да, это был он, наш весельчак и озорник Котька.

Мама рассказала:

— Котька-то... откалывает номера! Вы думаете, почему я привезла его? Он ведь опять чуть не подох. В тот раз ничего не ел, а в этот и вовсе... едва живого из амбара вытащили! Кое-как молоком отпоили! Стали давать, так ещё не пьёт, уморить себя решил, что ли? Обиделся! Вы думаете, почему он тогда из дому ушёл и едва богу душу не отдал? Зато-сковал!!! Вот и возьми его. А ещё говорят: кошки не привязчивы...

Котька начисто опроверг предвзятое мнение, что кошки не способны привязываться к хозяевам, что им важны лишь дом да еда.

После этого Котька больше ни разу не расставался с нами. Кто решился бы рисковать жизнью такого кота?!

КОТЬКА-СЕЛЬЧАНИН

Дня три Котьку держали взаперти, никуда не отпускали. Потеряется — жалко. Зачем везли! Кот очень быстро освоился на новом месте и чувствовал себя как дома. Видно, самое главное для него было — наше присутствие.

Затем Котьку стали выпускать на улицу. Первое время он далеко не уходил, не хотел или боялся потеряться, и всё нежился в саду на солнышке. Иногда, правда, вдруг подскочит, как ужаленный, увидит пролетающую птичку или бросится за бабочкой — не поймает и опять лежит, жмурится сладко, а то примется кататься на спине, наберётся пыли — хоть бери веник да выбивай, как старый пыльный ковёр. Раз бросился за пчелой, лапкой прищёпнул её к земле; пчела зло

зажужжала и ужалила кота в нос. Котёнок отскочил, но было уже поздно. Несколько дней он ходил со съехавшей набок физиономией. Это научило кота уважать пчёл, однако не укротило его пыла. Охотничий азарт постоянно брал верх, и после мне ещё не раз приходилось видеть, как кот вприпрыжку носился за пчелой или осой, всегда успевая отскочить и спасти свой нос от повторного вливания пчелиного яда.

Освоившись окончательно, кот взялся за своё любимое ремесло — пошёл по амбарам ловить мышей. Кстати, в селе это было даже удобнее, чем в городе: в нижнем углу дверей деревенских амбаров обязательно выпилено небольшое квадратное отверстие — ход для кошек. Не надо просить, чтоб открыли и впустили. Сперва Котёнок очистил от нахлебников

амбар наших хозяев, после перекочевал в соседние амбары.

Опять, как и дома, отлучки кота становились всё продолжительнее, а вскоре со всех сторон посыпались рассказы о Котькиных похождениях: там он учинил расправу над крысами, там распугал всех мышей — с восхищением сообщали хозяева амбаров.

Но вот почему-то кот вернулся мокрый. Упал куда-нибудь или кто-то выкупал его ради шутки? Странно было, однако, то, что спина и голова были сухие, а лапы и живот — мокрые. Где он подмок, так и не удалось установить.

Прошло несколько дней — опять кот мокрый... Что за история, куда ходит Котька? И в следующий раз, когда его выпустили на улицу, я решил последить за ним.

Получив свободу, Котька нырнул в подворотню, после перебежал через дорогу, спустился на луг и по тропинке, протоптанной крестьянками, ходившими за водой, мелкой рысцей потрусил напрямёхонько к речке. Когда я, стараясь держаться в отдалении, достиг спуска к речке, Котька был уже у воды. Избранная дорожка, видимо, была хорошо знакома ему. Куда он направлялся? Уж не на мельницу ли? Но на пути преграда — широкая полоса воды, а кошки, как известно, очень неохотно идут в воду и плавают только по принуждению, в безвыходных обстоятельствах.

Наш Котька и тут оказался оригиналом. Подобрал тело в упругий комок и тщательно прицелившись, он с берега точно рассчитанным толчком перенёсся на зелёную кочку, торчавшую посреди прозрачных водяных струй, затем, качнувшись (я думал, он вот-вот потеряет равновесие и свалится, но этого не случилось) и перебирая лапами — как это всегда делает кошка перед прыжком, — примерился ещё раз и прыгнул... в воду.

Я с возрастающим изумлением продолжал следить за ним.

Я думал, он сейчас поплывёт, но этого не произошло. Котька не погрузился по шею или даже до ушей, как я ожидал. Очутившись по брюхо в воде, он в ту же секунду сделал новый прыжок, затем ещё... ещё... каждый раз погружаясь немного больше, немного меньше, но ни разу выше

половины туловища. Река в этом месте была неглубока, а дно усеяно подводными камнями, и кот умело использовал их, точно попадая с камня на камень. На последнем камне он задержался чуточку дольше. Расстояние тут было больше; измерив его глазами, кот напряжился и богатырским прыжком перемахнул на берег. Вот он уже и на суше...

Отряхнувшись, не оглядываясь на реку — можно было подумать, что он очень спешил, или уж настолько привычным ему было проделывать всё это! — поднялся по откосу и исчез в кустах.

Так вот отчего Котька приходил мокрый! Он искал охотничьих просторов! Ему, видите ли, мало амбаров на этом берегу, так он повадился ещё ходить за речку. Нетрудно было догадаться, что его влекло туда: конечно, мельница. Добычи там для него, как на всякой мельнице, было более чем достаточно.

Позднее, как-то встретившись с моим отцом, мельник, не без гордости за Котьку, сообщил:

— Ваш-то кот ходит ко мне хомяков пугать. Добрый кот. Ловец. Отдайте мне его...

Разумеется, кота ему не отдали, но Котькины прогулки за речку не прекращались до самого нашего отъезда в город.

КОТЬКА МЕНЯЕТ АДРЕС

Котька прожил у нас восемнадцать лет, до глубокой кошачьей старости. Но даже будучи в преклонном возрасте, он порой всё ещё показывал резвость молодого, был игрив и весел; а уж как начнёт тереться да мурлыкать на всю комнату — не остановишь! Милый Котька, став старше, он сделался даже более ласков, более привязчив и трогателен. Он стал больше спать, а во сне постанывал — старость! Может, видел себя в сновидениях молодым и снова переживал все свои приключения, может, опять шёл на мельницу через речку ловить хомяков, крыс, а может, уже донимали старческие болезни. Как-никак, неумолимое время

брало своё. Ест, но сохнет, заметно облинял с хвоста. И глаза уже не глядели так остро, как прежде.

Котька вошёл в нашу семью как её неперемный член и друг. После Котьки все кошки у нас были только белопегие с тигровинкой, все «Котьки», очень похожие на него, и иногда я даже путался: кто был Котька-первый, так сказать, основатель плеяды? А кто второй, третий?.. Кажется, всегда у нас жил только один кот!

После того случая, когда Котька чуть не окошел от тоски, он больше никогда не расставался с нами. Ежегодно он уезжал вместе с нами в деревню, а под конец жизни ему пришлось совершить большое путешествие — переезд из Кунгура в Свердловск. Папу перевели в Свердловск, за ним последовали мы с мамой, ну и, разумеется, никто из нас не захотел разлучиться с Котькой. Никто не забыл, как Котька обрёл себя на голодную смерть, когда мы его оставили.

Итак, мы собрались и поехали.

Конечно, не обошлось без происшествий. В самый последний момент, когда уже надо было садиться на извозчика, кот вдруг пропал. Кинулись его искать туда, сюда — нет как нет!

— Кыс, кыс! Котька, Котька!

Всё тщетно.

А время уходит, до поезда остаётся уже меньше часа; а до вокзала не близко... Неужели уезжать без кота?!

Бабушка заявила: нельзя ехать. Потерялась кошка — плохая примета, житьё на новом месте не будет счастливым. Я уж говорил, у бабушки на всё имелись приметы.

И тут мне словно кто-то шепнул: посмотри на сарае, помнишь, где он сидел, когда ты приехал из деревни...

И точно. Кот был там. Как тогда, он сидел, забившись в уголок под стреху, сжавшись печально в комочек.

Что он чуял? Догадывался, что мы навсегда прощаемся с нашим старым уютным домом, с садом, огородом, с нашим Кунгуром, где родились и выросли? Что впереди ждёт совсем другая жизнь, жизнь в большом шумном городе? Кто знает...

Дело было в январе, стояли морозы под сорок градусов.

Мама укутала кота в тёплый платок и посадила в плетёную сумку, с которой ходила на базар. В крытой извозчицкой пролётке приехали на вокзал. Котёнок в дороге вёл себя спокойно, только несколько раз тревожно мяукал.

В ожидании поезда на вокзале кота вынули из сумки и распеленали. Он оживился, потёрся о ножку стула, походил немного по полу и забрался на колени к матери. На коленях было теплее, и, вероятно, он там чувствовал себя спокойнее.

Ехать в поезде предстояло целую ночь. Как быть с котом? Не сидеть же до утра в сумке. Мать освободила его из плена. Котёнок сейчас же отправился разгуливать по вагону. Тогда отец приспособил из тесёмки ошейник и посадил кота на привязь. Котёнок притих. С несчастным видом он смотрел непонимающими глазами по сторонам. Да за что его привязали? В чём он провинился? Он же не дворовый пёс, чтоб сидеть на цепи!..

Подходили пассажиры, ласкали его, угощали лакомством. Котёнок, казалось, не замечал ничего. Маме стало жалко

беднягу, и она сняла с него ошейник. Котёк ожил, съел угощение и, мурлыча, пустился по вагону завязывать знакомства.

До поздней ночи он бродил из одного купе в другое. Пассажиры смеялись и с удовольствием принимали у себя пушистого путешественника. Однако Котёк нигде не задерживался подолгу. Обследовав весь вагон, он вернулся в своё купе и до утра проспал, свернувшись калачиком, около меня на верхней полке.

Чужой город встретил морозом с ветром. Ехали на автомобиле. Котёку сильно трясло. Он вырывался, сбил с себя платок и выставил голову из сумки. Мама с трудом удерживала его в руках. На новой квартире кот сразу же сел угрюмо на полу у печи и, не двигаясь, просидел так остаток дня и весь вечер.

Утро застало его на том же месте. Он сидел не шевелясь, опустив голову и полузакрыв глаза. Мама хотела погладить его и ужаснулась: уши кота представляли два сплошных водяных пузыря. Котёк обморозил их, когда его везли на машине.

Началось лечение. Уши осторожно смазывали вазелином. Кот вырывался, царапался; он сутками ничего не ел и не пил. Боль в ушах, наверное, была ужасная.

Кот не мог шевельнуть головой, на него было жалко смотреть. Наконец болячки начали подсыхать, покрываться корочкой.

Все были уверены, что вместе с корочкой отпадут и уши.

Ничего подобного! Уши остались на месте, только теперь они были очень тонкие, просвечивающие и совершенно без шерсти, какими, наверное, были у новорождённого котёнка. Кончики их стали округлыми, с едва заметными беловатыми рубцами. Кот повеселел. Он опять принялся мыться, играть, с аппетитом уплетал всё, что ни дадут. Обидно было лишь, что теперь у нашего красавца Котёки такие некрасивые голые уши. Но что делать, новые уши коту не приставишь.

Все наши сожаления были преждевременны. Прошло ещё какое-то время, и на розовой кожеце появился нежный

пушок, вылезли волоски. Вскоре уши вновь покрылись шерстью. Не отросли только маленькие, похожие на рысьи, кисточки; кончики ушей так и остались закруглёнными...

Дружище Котька! И поныне в нашем доме хорошо помнят его. Всегда, когда речь заходит о кошках, я вспоминаю Котьку. А когда кто-то говорит: «Не люблю кошек», я думаю: «Разве можно их не любить? Как можно быть равнодушным к дружбе и ласке такого славного и преданного существа?»

Сколько раз мне приходилось слышать, что кошка безразлична к человеку, ей-де всё равно, где жить. Какие глупости, глупости и клевета! Чтобы опровергнуть этот злостный вымысел, я и рассказал про нашего усатого пятнастого дружка-мурлыку Котьку.

Почему люди так часто клеветают на животных? Да просто потому, что не знают их. И когда я слышу хулу в адрес животных, слышу, как кто-то ругает и клянёт их, мне всегда жалко... нет, не животных, они от этого не становятся хуже, жаль людей, ибо они чего-то так и не узнали, не открыли для себя, окружающий мир для них беднее, значит, беднее и они сами...

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Всякие истории случаются на свете. Иную услышишь и понять не можешь: то ли враки, то ли быль. Может, придумал кто — сказки сказывать мастеров много, а может, и в самом деле всё точно, как есть... Чудеса в решете, да и только!

НЕ РАСТЕРЯЛСЯ

Как вы думаете, может заяц перехитрить собаку? Дело было на охоте. Гончая выгнала зайца из леса. Спасаясь от погони, заяц метнулся в одну сторону, в другую, видит — везде худо, и... прыгнул в воду. Поплыл. Собака — за ним.

Заяц видит, что и тут от неё не отвяжешься, вдруг изменил круто направление и, прежде чем собака успела что-нибудь сообразить, взобрался к ней на спину.

Плывёт на собаке, как барин какой-нибудь!

Собака повернула к берегу. Уж там-то она его достанет! Но, не «доехав» до берега несколько метров, заяц ка-ак рванёт с собачьей спины на сушу — и будь здоров. Так и спасся косою.

Думаете, рассказы? Или, может, сценка из сто первой серии фильма «Ну, погоди!»? А вот и ошиблись...

Известно, что пернатые в трудную минуту стараются помочь друг другу. Делятся кормом, укрываются вместе от опасности. Но так поступают чаще птицы одного вида: воробей помогает воробью, ласточка — ласточке. А вот чтобы галка старалась выручить скворца?..

Скворец попал в беду. Вероятно, дворовые мальчишки расставили нитяные силки — хотели поймать скворчонка, да он сумел вырваться. Но петля затянулась на лапке, распутать её он не мог и теперь вынужден был летать, повсюду волоча нитку за собой.

И когда птицы полетели на поле кормиться, нитка зацепилась за сук, и скворец повис вниз головой.

Он висел так уже несколько минут, совершенно беспомощный, когда его заметила галка.

Возможно, она увидела его раньше, но не подала вида: галка — птица смышлёная и осторожная, хоть и любит погалдеть, повертеться на виду.

Скворец на нитке заинтересовал её. Подсев поближе, она некоторое время с любопытством рассматривала его чёрными быстрыми глазами. Повертелась на месте, передвинулась ещё, потом ещё, перелетела на сук, на котором болтался скворец, и принялась клевать нитку в том месте, где та зацепилась за дерево.

Сообразила!!

Откуда ни возьмись — кот.

Привязанный скворец — лёгкая добыча, кот сразу смекнул это и полез на дерево, царапая ствол острыми когтями. Только высоко влезть не успел. Галка увидела — всполошилась, вмиг вспорхнула и больно клюнула его между глаз. Кот слетел на ~~землю~~, а галка снова принялась за работу.

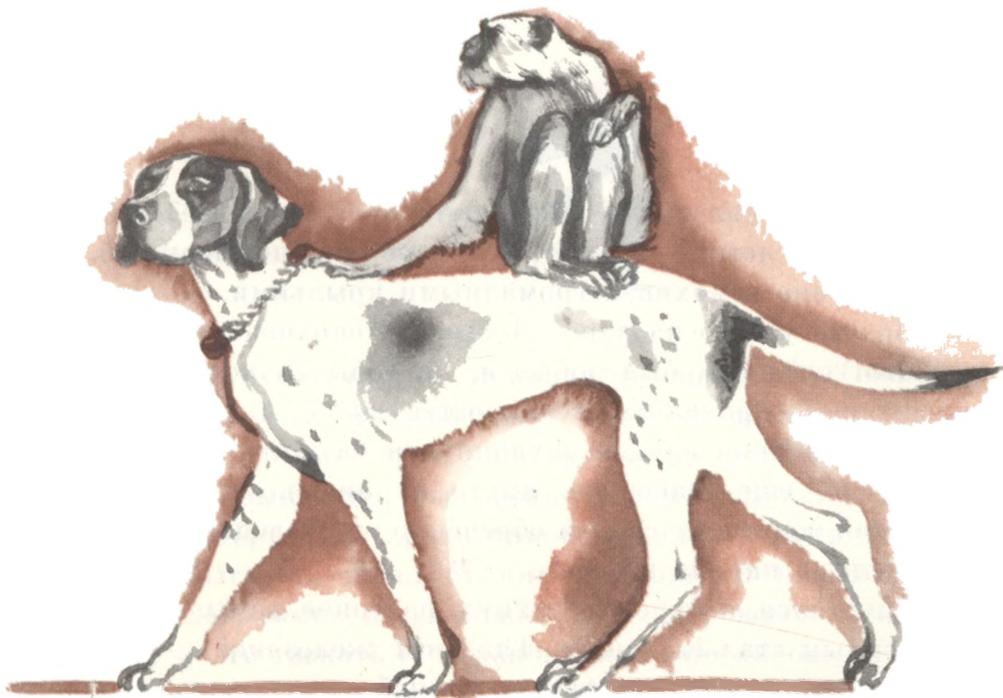
Долго бы ей, наверное, пришлось трудиться: нитка оказалась крепкая. Да, на счастье, всё это увидели проходившие мимо рабочие ближнего завода. Один влез на дерево и освободил пленника. Думаете, на этом конец истории? Как бы не так.

С того дня подружились галка и скворец. Водой не разольёшь, всё время вместе. Вместе корм промышляют, вместе отдыхают, сидя на суку. Чуть день займётся, глядь: опять эта пара...

ВЕРХОМ НА ПРИЯТЕЛЕ

О дружбе животных можно рассказывать очень много. Но наверное, самая удивительная история — та, которую в течение долгого времени имели возможность наблюдать жители одного южного города.

Каждое утро, ровнёхонько в 9.30, ни минутой раньше или позже (время знают точно, будто по часам!), под огромной сикоморой, что раскинула свои густо-зелёные ветви у дороги, появляется обезьянка. И уже тут как тут — собака. Обезьянка без всяких предисловий прыгает на собаку, устраивается плотненько, и они отправляются в путешествие по городу.

Собаки там худые, тонкие, гладкошёрстные. Ухватиться не за что. Но обезьянка сидит уверенно, видно, что не впервые, крепко держась за шею своей поджарой «лошадки».

Город шумный, толпы людей, большое движение. Тут и священные коровы, и уличные зазывалы-продавцы, автомобили, автобусы, велорикши. И представляете, в этом оживлённом потоке обезьяна на собаке, с невозмутимым видом, будто важная барыня... Головы не повернёт; только когда уж очень близко кто-нибудь подsunется, заёрзает, залопочет что-то по-своему: не подходи, мол, я тебе не мешаю, и ты нам не мешай. Умора!

Жители уже привыкли и не обращают внимания, а туристы приезжают издалека посмотреть на эту пару. Как же, достопримечательность! Обезьяна верхом на собаке... Цирк!

За час они объедут обширный район города.

И так повторяется каждый день.

Обезьянка — дикая, живёт на деревьях; а пёс — хозяйский, принадлежит одному из жителей города. Когда и где они познакомились и как возникла их дружба? Этого никто не знает.

ОРЁЛ В КАПКАНЕ

Приходилось ли вам видеть орла в полёте? Красота! Не летит — плывёт, величаво, мощно, время от времени плавно взмахивая громадными крыльями.

Но что у него на лапе? Добыча? Непохоже...

Этот орёл сам был добычей, но добычей летающей, продолжавшей проявлять непокорство даже после того, как тяжёлый волчий капкан захлопнулся на ноге.

Право, ещё, наверное, никто не видал, чтоб попавшая в капкан жертва не сидела обречённо ожидающей своего часа на земле, а парила в небе!..

Опустился, посидел, отдохнул, наверное, взмыл вновь... но медленным стал его полёт. Тяжело с железякой.

Очевидно, грозного жителя поднебесья привлекла нажив-

ка, хотел её схватить, да оплошал — попал сам. Сколько времени орёл-беркут прожил таким образом, никто не знает. Подозревали, что именно он унёс несколько гусей в деревне, пока наконец вынужден был смириться и, уставший, измученный, с натёртой до крови лапой, отдался в руки людей.

Может быть, он ждал от них помощи? В капкане несколько килограммов веса, пожалуй, и здоровому мужчине невмóготу долго таскать его. Какова же выносливость и сила этой гордой свободолюбивой птицы? Не зря зовут — орёл!

КОМАР-РЕКОРДСМЕН

Кому не доводилось встречаться с комарами тёплым летним вечером после дождя на лугу или в поле?

Да и в городе они теперь не редкость.

Но чтоб увидеть живого комара в открытом море, за сотни километров от берега... До сего времени комар считался существом «сухопутным». Но может быть, это не так?

Мы — большая группа туристов — отправлялись в заграничную поездку. Плыли морем на пароходе. Давно растаяли за кормой родные берега; синее море да синее небо над головой. Да ещё белые чайки. Но потом не стало и их.

Возглас одного из пассажиров привлёк общее внимание:
— Комар!..

Точно, комар.

Обычно комаров не любят, отмахиваются от них, если удастся пришлѣпнуть ладонью, довольны: кровосос, а тут все принялись разглядывать, окружили, будто приятеля встретили. Любопытно: комар на судне!

— Безбилетник, зайцем едет. Оштрафовать надо, — заметил какой-то строгий дядечка.

Все заулыбались.

— Да нет, думаю, что вы ошибаетесь. Если его и надо штрафовать, то, во всяком случае, не за безбилетный проезд.

На пароходе ехал учёный, энтомолог, пожилой человек. Это сказал он. Скинув пенсне и оставив его болтаться на верёвочке, двумя пальцами он осторожно и ловко прихватил комара за спинку и, приблизив к самым глазам, поворачивая так и сяк, отставив мизинец, внимательно рассмотрел со всех сторон.

— Не наш комар, заморский. С нами он не мог ехать. Летел нам навстречу.

— Нас встречал...

До берега, к которому держал курс наш пароход, оставалось почти пятьсот километров. Без малого полтыщи километров отмахал комар на своих слюдяных крылышках!

И не притомился, живёхонек! Да ещё обратно лететь!! Полно, не ошибся ли знаток комариного племени?

Не ошибся: комар-то не наш, индийский — есть такая порода. А наш, европейский, тот пролетит сто — двести метров, и всё — устал; а индийский — пятьсот, семьсот километров, всё нипочём.

Выходит, комар может слетать, например, из Свердловска в Москву, отдохнёт там самую малость и — домой, на Урал.

Вот уж истинно, как у Александра Сергеевича Пушкина. Помните «Сказку о царе Салтане», где комар лётал за море? Помните, как комарище, царевич Гвидон, впился тётке прямо в правый глаз, все принялись ловить его:

«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко.
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Может, Пушкин знал про таких комаров-рекордсменов, летунов на длинные дистанции?

ЧТО ЗНАЛИ ЗМЕИ?

Случилось это на рассвете. Жители африканской деревушки Кело поднимались рано и обычно сразу принимались за дела. Но этот день выдался совсем наособицу...

Ребятишки первые принесли страшную весть: на деревню движутся змеи, бесчисленные колонии змей! И тотчас из крайней хижины раздались крики о помощи — змеи уже объявились там. Они напали на людей, и на подмогу им прибывали всё новые и новые.

Сражение с пресмыкающимися продолжалось несколько часов.

Змей убивали палками, камнями. Их рубили длинными, остро отточенными ножами. А они всё ползли и ползли. Несколько человек были укушены змеями, пятеро из них скончались.

Наконец змеиное нашествие стало ослабевать, поток из живых переплетающихся тел начал иссякать...

Что заставило змей покинуть привычные места обитания, оставить саванну и совершить нападение на деревню? Дальний пожар, наводнение? Но не было ни пожара, ни наводнения.

Змеи выползают из нор перед землетрясением. Однако и землетрясения не было ни тут, близ деревни, ни в отдалении от неё. И всё-таки где-то что-то произошло. И наверное, ползли они вовсе не потому, что невзлюбили людей и пошли войной... Может, им деваться было некуда. Может, переселялись, а деревушка встала на пути... Словом, задали змеи задачу.

Иногда слышишь — в народе говорят: мудрый, как змей. Что, змеи и вправду знают то, о чём не ведают люди?

МОЛЧАЛИВЫЕ ЛОЦМАНЫ

Ух и хорошо мчаться под парусом, полным свежего попутного ветра, то взлетая на гребни волн, то проваливаясь, чтоб в следующее мгновение снова взмыть вверх!..

Азартное, волнующее зрелище — осенние крейсерские гонки яхт на Чёрном море. Однако они не так безобидны, как кажутся неопытному глазу. Иногда требуется настоящее мужество.

...Темна, непроглядна октябрьская южная ночь. Только звёзды мерцают над головой. Ничего не видно. За бортом плещется вода, и однообразные тяжёлые всплески её сотрясают судно, осыпая солёными брызгами. Где берег?

Яхта «Арктурус» потеряла ориентиры — указатели, по которым корабль находит дорогу в море. Шла первой, и вот...

Самую малость не рассчитали спортсмены. До цели оставалось совсем немного, когда упала темнота и берег ушёл из виду. Нет его! К довершению несчастья от воды поднялся туман и закрыл звёзды.

Плыли наудачу. Не хотелось сдаваться.

Неожиданно перед самым носом яхты над водой мелькнул характерный блестящий треугольник. Один, другой... Дельфины! Исчезли, вернулись снова, зайдя с той же стороны. Так повторилось несколько раз. С непонятным упорством они проделывали всё тот же манёвр — стремились наперерез курсу так, что казалось, вот-вот столкнутся с яхтой, словно «отсекая» её от невидимого берега.

— Ребята, а они ведь нам показывают, куда плыть! — сказал капитан яхты. — Похоже, что мы сбились, поворачивать надо... — И, помедлив, скомандовал: — Так держать! Ориентир — дельфины!

Яхта изменила курс. Сразу же прекратили свою назойливую игру дельфины и, как бы подтверждая, что их поняли правильно, спокойно поплыли рядом с яхтой. А в следующую минуту совсем близко по левому борту проплыла песчаная мель... Вот о чём сигналили дельфины! Они предупреждали об опасности! Ведь если бы не они, сидеть бы яхтсменам на мели!.. Прощай, победа в гонке! Не видать хрустального кубка — приза. Да это ещё полбеды. А если бы случилось что-нибудь более серьёзное?..

.....

Чудеса в решете?

Может быть, вас интересует, когда и где всё это происходило? Пожалуйста.

Гончая, чьей спиной столь удачно воспользовался хитрый зайчишка, принадлежала шведу Гуннару Йонссону. Охота происходила на побережье, неподалёку от Стокгольма, столицы Швеции. Море оказало неоценимую услугу косому. А больше всего, конечно, помогли его собственная сообразительность и смелость. (А ещё говорят, что зайцы трусы!) Об этом забавном случае писала шведская столичная газета «Дагенс нюхетер».

Галку, спасавшую скворца, наблюдал В. Биндасов из города Могилёва.

О трогательной дружбе собаки и обезьянки, катавшейся верхом на своей подруге, могли бы много занятного рассказать жители города Бангалура штата Карнатак в Индии.

Беркута с волчьим капканом на ноге поймал работник совхоза «Дружба» Орловской области. Утром шёл на работу и увидел странную птицу. Орёл, не орёл? Да нет, орёл. Но что он тащит в когтях? Орлы-беркуты на Орловщине вообще редкие залётные гости, а тут ещё с капканом...

О комарах-рекордсменах пишут учёные. Чемпионского звания удостоился индийский комар: он может пролететь не останавливаясь больше восьмисот километров. По продолжительности беспосадочного полёта нет ему равных (среди комаров, разумеется). Вот тебе и распроклятая ты мошка! На Урале чьей-то крови насосётся, а отдыхать полетит на Кавказ!..

А что комары начали прилетать в город, тоже верно. Учёные уже бьют тревогу: представляете, если комаров в городе разведётся столько же, сколько в лесу, что будет?!

Деревушка Кело находится в негритянской республике Чад. Нашествие змей происходило весной 1973 года. Что выгнало змей из саванны, так и осталось тайной.

Советскую яхту «Арктурус» дельфины спасли в Чёрном море в 1974 году. Удивительные существа дельфины много раз помогали людям.

**ДОБРЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ,
ПРИМИ!..**

А это произошло в польском городе Лодзи. В местной ветеринарной лечебнице работал врач Ежи Вилямовский, человек отзывчивый, любивший и людей и зверей.

Как-то приходит он на работу, смотрит, а у дверей лечебницы — собака, скулит, просится, чтоб её пустили. Зачем? Пришла на приём к врачу! Не будет собака проситься зря. Доктор пустил её в приёмную, осмотрел и обнаружил острое воспаление уха. Бедняга! Наверное, ей было очень больно, ведь воспаление уха — болезнь весьма неприятная. Поневоле заскулишь!

У доктора Ежи золотые руки и отзывчивое сердце. Он сделал лёгкую операцию. Собака не сопротивлялась, прислушиваясь к тому, как тонкие докторские пальцы прикасаются к её коже.

— Больно, Шарик? Потерпи немного.

И голос у доктора добрый, негромкий, успокаивающий.

После того, как на экранах кинотеатров и по телевидению прошёл фильм «Четыре танкиста и собака» о приключениях в годы второй мировой войны четырёх верных друзей и их смелого помощника овчарки Шарика, в Польше всех собак стали звать этой простой русской кличкой. Какая бы собака ни была — большая, маленькая, чёрная, белая, гладкая, косматая, породистая или дворняжка, — всё Шарик! Полюбился Шарик.

— Молодец, Шарик, бардзо добже (очень хорошо)...

Боль прошла, Шарик перестал поскуливать.

Когда больная псина успокоилась совсем, стала весёлой, доктор, покормив, отпустил её на улицу. Пациентка ушла. Доктор, стоя у дверей, долго смотрел ей вслед. Право, он чувствовал себя так, как будто помог человеку. На душе было легко.

Каково было удивление доктора Ежи, когда на следующее утро он снова увидел дворнягу у дверей своей лечебницы.

Шарик дружески поприветствовал его, и уже, как к себе домой, сам, без приглашения, проследовал за ним в помещение. Не теряя времени, запрыгнул на операционный стол...
Лечи!

Операции сегодня уже не требовалось, собаке сделали тепловую процедуру, и она с достоинством удалилась.

А наутро явилась снова! Процедуры помогали ей, снимали боль, как говорят врачи. Так продолжалось ровно неделю. Затем, почувствовав, вероятно, себя выздоровевшим, Шарик перестал приходить.

Надо представить самочувствие доктора Ежи, когда спустя какое-то время однажды утром он неожиданно увидел у дверей лечебницы двух собак, поджидавших его. Одна была знакомая — Шарик, вторая... вторая явно нуждалась в помощи. У неё был ободран бок, требовалась срочная операция. Для этого Шарик и привёл сюда свою подругу. Всем своим видом говорил: «Добрый доктор Айболит, ты помог мне. Я привёл к тебе другую пациентку. Прими! Помоги ей тоже...»

Кто бы мог отказать? Только не доктор Ежи...

Он промыл рану, заштопал бок. Собаки ушли. Теперь ему лишь оставалось ждать, когда первые две приведут третью. И право, он совсем не удивился бы этому...

.....

Когда-то в лесах Африки поселился добрый человек, бельгийский учёный и врач Альбер Швейцер. В африканских джунглях он открыл больницу для бедных. К нему шли старые и малые, женщины и дети, негры и белые, шли издалека, он не отказывал никому и ни с кого не требовал платы за лечение.

Однако удивился и он, увидев в числе пациентов, ждущих приёма, взрослую шимпанзе. У обезьяны болел зуб, она держалась за щёку, слегка покачивалась и стонала. Дикая обезьяна!

Швейцер позвал её, она доверчиво последовала за ним в зубоврачебный кабинет, села в кресло и позволила... удалить зуб!

Впрочем, скоро Швейцер и его сотрудники перестали удивляться. За короткий срок кто только не перебивал в лесной больнице! Жирафы и гиены, антилопы и медведи, крикливые попугаи, скрипучими, как будто железными, голосами всё твердившие что-то своё... А уж от обезьян так отбоя не было! Юркие мартышки теперь лазали по всему дому, залезали на кровлю, шарили на веранде, висели на плече у доктора Швейцера... Ну, а человекообразные, шимпанзе, те почти не отличались от людей: так же плакали и визжали, когда было невоготу, и радовались, когда боль проходила, наступало облегчение...

Некоторые из бывших пациентов-обезьян остались у него навсегда и сделались его деятельными помощниками, в меру своего обезьяньего разума выполняя его распоряжения: приносили разные предметы, помогали при операциях и по хозяйству...

Право, было особое удовольствие лечить их. К кому ещё мог обратиться за помощью лесной зверь? Только к нему, к Швейцеру. И не потому ли Швейцера узнал и стал уважать весь мир, что он дарил избавление от страданий каждому живому существу?

ЛИЗА ХОЧЕТ ДОМОЙ

Лиза жила в столице Норвегии, в городе Осло. Лиза — кошка. Обыкновенная серенькая мурлыка, одна из тех, какие живут в каждом доме. Хозяйка Лизы — небогатая женщина — однажды подобрала свою кошечку на улице, голодную, дрожащую от холода, и с тех пор они не расставались.

Хозяйка много работала, чтоб прокормить себя и кошку, рано утром вставала и уходила, возвращалась поздно. Лиза всё одна да одна. Жалко кошечку. Хозяйка решила отдать Лизу своей сестре.

А сестра жила в другом городе, за шестьсот километров к северу от Осло. А Норвегия, как известно, страна гористая

и лесистая, а дело к тому же происходило зимой, когда трещали морозы и всё вокруг было покрыто белым искристым ковром.

Посадила хозяйка свою Лизу в корзинку, корзинку завязала салфеткой, чтоб не выскочила пушистая переселенка (потом ищи-свищи её), сели в поезд, поехали. Нарочно обращаю внимание на эти детали: Лиза видеть дорогу не могла. В корзинке что увидишь! Да ещё салфетка! Слышала лишь, что постукивает, потряхивает, покачивает — куда-то везут.

Приехали.

Три дня хозяйка пожила у сестры, чтоб убедиться, что Лизу приняли там хорошо, жить ей на новом месте будет не хуже, чем в старом доме. После, успокоенная, вернулась в Осло.

Прошёл ровно месяц.

Утром, как обычно, хозяйка Лизы собралась идти на работу в своё учреждение, открыла дверь, глядь, а Лиза сидит на порожке и ждёт, когда её пустят. Дверь открылась — она мягнула: «Мрр...» Поздоровалась вроде: «Здравствуйте, вот и я...» Хорошая, воспитанная кошечка.

Откуда взялась?

Прибежала.

По зимней Норвегии Лиза за месяц пробежала шестьсот километров!! А' велик ли зверь-то! В сутки Лиза «делала» двадцать километров. И не поморозилась. Не испугалась. Вот вам и кошка. Не захотела жить на новом месте; хочу домой, к своей любимой хозяйке, на знакомую подушку — и всё тут! Недоглядели, а она тотчас шмыг в дверь — поминай как звали!

А самое удивительное даже не это. Самое удивительное — как она отыскала дорогу? Ведь везли-то в корзинке завязанной, видеть кошка ничего не могла. А спросить: «Мяу, скажите, пожалуйста, как добраться до Осло?» — она тоже не могла. И тем не менее добралась, не сбилась с пути. Как?!

Вот говорят, кошка бестолковая, только и знает, что мышей ловить. Это Лиза-то бестолковая? А ещё говорят, что кошка не привязывается к хозяину.

Поразительная способность животных находить дорогу к дому, к любимому человеку в самых, казалось бы, невероятных и безнадёжных обстоятельствах давно уже занимает умы учёных. Однако разгадать загадку они пока не могут.

Эх, жалко, Лиза не умеет говорить! Уж она-то, наверное, рассказала бы...

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Пальма жила в семье офицера Советской Армии, в Белорусской ССР. Её взяли, когда ей было немногим больше месяца, а когда пришло назначение капитану Гребенюку с семьёй немедленно отбыть в распоряжение советской группы войск в Германии, ей только исполнилось два года. Пальма — восточноевропейская овчарка.

Сборы были недолгими — людям военным копаться не положено, и уже через несколько дней семья в полном составе была на границе. Но тут, как выразился капитан, вышла неувязка.

На собаку требовался документ, справка о том, что она не больна и прошла карантин, а справки не оказалось — не успели запастись.

Пограничники собаку через границу не пропустили.

Неужто бросать Пальму?! К счастью, нашлись добрые люди, железнодорожники, они согласились взять Пальму. Капитан с женой и дочкой уехали, Пальма осталась в новой семье.

Хозяева намеревались, устроившись на новом месте, по возможности быстрее забрать её, а вместо этого вскоре пришло письмо, сообщал железнодорожник: потерялась Пальма, сбежала. «Единожды, — описывал он, — вышли с ней погулять, спустили с поводка... впервой спустили, до этого разу всегда держали на привязи... а она осмотрелась да дёру! Пустилась во всю прыть, сколько ни звали, не дозволись».

Прошёл год с лишним. За это время Гребенюки трижды переменили квартиру: служба бросала капитана то в один

конец Германской Демократической Республики, то в другой.

Однажды в квартире у капитана зазвонил телефон. К телефону подошла Ира, дочка капитана. Соседи немцы спрашивали: знают ли русские товарищи, что у подъезда их дома лежит собака? Беспризорная собака на улице немецкого города — событие!

Ира выглянула с балкона: правда, лежит. Ира не узнала её. Очень уж она показалась ей худой и грязной. И масть какая-то непонятная: не рыжая, не серая, вылинявшая на солнце.

В эту минуту из-за угла показался капитан. Он возвращался со службы. Собака сразу увидела его и, вскочив, бросилась к нему навстречу, плачет-визжит, принялась прыгать лапами на грудь, облизала всего... Нашла! Нашла! Ну! Неужели они не признали её?!

А он и в самом деле в первый момент не узнал её. Она стала какая-то светлая, хоть и в грязи, вылиняла, что ли.

Но у неё была примета — бородавка на языке. И когда собака стала лизаться, капитан увидел бородавку...

— Пальма!! Да неужели это ты, Пальма?! Голубушка, откуда ты взялась?! Как нашла нас?

Вот так и отыскалась Пальма. Она и не думала теряться. Они потерялись, вот это вернее!

Конец всё-таки вышел грустным: капитану так и не разрешили держать собаку при себе, и он был вынужден отвезти и передать Пальму в питомник, на территории СССР. Оставалось ждать, когда истечёт срок службы за границей...

Могут сказать: эка невидаль. Чем вздумали удивить! Вон кошка Лиза, чтоб вернуться домой, тоже пробежала шестьсот километров. Даже свинья способна проделывать такие штуки.

Один югославский крестьянин, житель деревни, расположенной недалеко от города Осиека, купил на базаре свинью, запер в свинарник. Утром пришёл покормить — пусто. И след простыл! Оказалось, она вернулась к прежнему хозяину в другую деревню, пробежав за ночь около семидесяти километров.

Бесспорно, рекордсменом должен быть признан фокстерьер Виски из австралийского города Аделаида. То, что проделал этот маленький пёсик, кажется совсем невероятным.

Отбившись от хозяина в ста шестидесяти километрах от города Дарвин, на севере страны, он бесстрашно пустился в путь через весь континент к югу через пустынные пространства Центральной Австралии, отмеряв расстояние почти в три тысячи километров. Спустя девять месяцев ослабевшего, но продолжавшего упрямо сражаться с пространством, его подобрал на дороге знакомый хозяина в двухстах пятидесяти километрах от дома...

С тех пор, как человек стал пристально приглядываться к животным, они не перестают поражать нас. Накопилось много описаний необычайных поступков животных.

И всё-таки подвиг Пальмы совсем особенный и не идёт ни в какое сравнение с другими. Ведь она шла не домой. Собака не знала, где её хозяйева, и всё-таки нашла их.

Очевидно, ей пришлось переплывать реку, разделявшую два государства, может быть, даже не одну — ведь ей пришлось пересечь не одну границу. Но главное всё же не это:

она шла в неизвестное, туда, где никогда не бывала. Куда? Она и сама не знала. И всё-таки дошла и нашла. Несмотря на то, что уже минуло много времени, хозяева сменили три квартиры и след их (если говорить о следе) невероятно запутался... Не чудо ли это?

Сейчас семья Гребенюк живёт в Калининградской области, и Пальма с ними.

ПРОСТУДИЛСЯ ЖИРАФ

Право, мне очень симпатичны эти стокгольмские ребята, которые... Впрочем обо всём по порядку.

Простудился жираф. Жираф жил в зоопарке в столице Швеции — Стокгольме. Зоопарк там хороший, и о зверях заботятся, но родился-то и вырос жираф где? В Африке. А тут Скандинавия, север Европы. Климат не тот. Наступило похолодание — принялся жираф чихать и кашлять. Ещё умрёт!

Ребятишкам было очень жалко жирафа.

Конрад — общий любимец. Когда приходят ребята, тянется к ним, шею свою перевесит через сетку (а шея у него длинная) и мягкими губами берёт из ребячьих рук угощение. Такой доверчивый. Головка маленькая, на ней коротенькие рожки, как пенёчки. Головку поднимет, окинет взглядом с высоты, прожует, опять тянется. Глаза добрые, влажные, кажется, так и хотят сказать: «Эх, ребята, вы дома, вам хорошо. А мне?»

Надо помочь Конраду!

Свен побежал к Кнуду, затем вместе они направились к Фрильофу. За дело взялись девочки Глория, Ингрид, их подружки. Триста школьников решили помочь жирафу.

Мама белокурой Глории хорошо вяжет из шерстяных ниток носки, варежки, шарфы, свитера, шапочки. Тёплые-претёплые, как наденешь — будто электрическая грелка! Наверное, потому и Глория никогда не болела, что у неё мама такая заботливая. Она и дочь научила ловко орудовать вя-

зальными спицами и крючком. Глория стала за главного мастера, Кнуд и Свен взялись организовать остальных. Проказливые мальчишки, любители дёргать девчонок за косички, а тут вдруг с девчонками заодно.

Триста ребятишек — и всем нашлась работа.

Потребовались деньги, чтоб купить шерсть. Экономии на завтраках. Родители удивлялись: какой аппетит у сына или дочери, раньше из школы придёт — уговариваешь: скушай да скушай кусочек; а теперь уписывает, только подавай. Триста мальчишек и девчонок хранили всё в тайне, и взрослые долго не знали, в чём тут дело.

Наконец нужная сумма была собрана. Теперь целой делегацией — в лавку, к бакалейщику Юханссону. Он только по названию бакалейщик, а торгует всем, не только съестным. Даже шерстью. Купили самую красивую, пушистую и тёплую.

А как вязали! Долго рассказывать. Вязали все, по очереди, даже мальчишки. Кстати, там, у скандинавов, не редкость, что мужчины умеют вязать, некоторые даже лучше женщин.

Первая узнала о тайне мать Глории. Как скроешь? Конечно же, потребовался материнский совет: уж очень необычное дело задумали ребята. Глория сама призналась матери во всём. И хорошо сделала. Иначе, может быть, не справилась бы. Она, мама Глории, и помогла и спрясть и связать...

Нет, нет, делали всё сами, фрёкен Ильзе только показывала. Спасибо вам, добрая фрёкен Ильзе, что вы тоже помогли Конраду!

И вот настал день... Представляете, что это был за день! Триста празднично одетых ребят явились в зоопарк с подарком Конраду. Служители сначала понять не могли, что притащили ребята. Развернули свёрток. Кому такой шарф?! Как кому? Конраду! Чтоб больше не простужался. Знаете, какая у него шея? По шее и шарф. Двадцать пять метров...

СЫНОВЬЯ ЗАБОТА

Я сидел на берегу речки Мельтуховки и смотрел на воду.

Внезапно моё внимание привлекли две чёрные точки, показавшиеся на поверхности реки. Деревяшка с двумя обломанными сучьями? Непохоже. Кто бы это мог быть? Неужели суслики? Точно, суслики! Они приблизились уже настолько, что теперь можно было рассмотреть их. Они плыли, выставив над водой мордочки и держась зубами за палочку. Казалось, палочка, связывая их усилия, должна мешать им, но они упрямо не отцеплялись от неё. Течение сносило их; зверьки старались плыть наперерез ему, энергично работая лапками.

Вот наконец водная преграда осталась позади. Зверьки вышли на песок, отряхнулись, затем один принялся обихаживать другого, отжимая с него лапками последние капли воды. Любопытная пара!

Неожиданно около меня оказался пожилой мужчина в кирзовых сапогах, по виду тракторист или колхозный механик. Увлечённый сусликами, я не слышал, как он подошёл.

— Глядишь? Гляди. Я тоже глядел,— сказал он вполголоса, чтоб не вспугнуть зверьков.— Занимательно...

— Значит, они уже не первый раз...

— Какое! — И, поймав мой немой вопрос, добавил: — Когда впервые увидел, тоже никак понять не мог, что происходит...

— А в самом деле — что?

— Слепая она. Сусличиха-то. Мать она ему. Понятно? А он, значит, её сын. Слепая она, не видит ничего да, почитай, и не слышит. Вот он и оберегает её. На том берегу прокорму не стало — пожар был, выгорело всё, они на этот берег переправляются промышлять. Уж в который раз! Нора — там, еда — здесь. Подкормятся — обратно переплывают. А чтоб она не потерялась, он ей палочку приказывает взять и за собой тащит. Понял? Заботится о матери...

Я долго сидел на берегу: хотелось ещё увидеть эту пару. Но зверьки скрылись и больше не показывались.

АБАКАНСКИЕ СКВОРЦЫ

В городе Абакане и по сей день любят показывать улицу, с которой птицы чуть было не выжили людей и о которой один известный поэт написал стихотворение под названием «Абаканские скворцы». Однажды они облюбовали её и с этого раза стали ежегодно устраивать там свои сборища.

...Никто не помнит, когда это началось. Сперва была улица как улица. На тополях чирикали воробьи, иногда сядет ворона, посидит, поглядит сверху на город, расправит крылья и полетит дальше; начнётся пора осенних кочёвок — появляются желтогрудые хлопотливые синицы. Так шло из года в год. И вдруг...

И вдруг в один прекрасный день вся улица потонула в оглушительном скворчином шуме и гаме. На тополях черно от скворцов. Гнутя ветки. Гвалт и крик такой — человеческого голоса не слышно. Что делают? О чём спорят? Осенняя конференция по заготовке кормов, подобно тем, какие бывают у работников сельского хозяйства, или обсуждают, как лететь в тёплые края? Выбирают председателя... то бишь вожака, или не поладили кумушки-соседки и перессорили всех? Браются, или мирятся, или просто обсуждают какие-либо мероприятия — кто разберёт? Как и люди, птицы тоже любят поболтать. У них тоже бывают и периоды мирного сотрудничества, и всякие свары, и даже войны, столкновения...

Да нет, не видно, чтоб враждовали, дрались. Просто горланят, заполнив все ярусы зелёной аудитории. Только на самых нижних ветках, до которых можно дотянуться рукой, пусто. Тополя в два ряда тянутся по центральной оси улицы несколько кварталов, и на всём этом пространстве — скворцы, армия скворцов! Не пьют, не едят, не работают, только обсуждают свои дела.

Утром ещё все спят, а скворцы орут. Вечером пора спать ложиться — они орут. И днём орут, мешают. Ни книги почитать, ни собраться с мыслями, сосредоточиться, чтоб обдумать какое-то дело. Ничего не дают! Плохая ли, хорошая ли погода — безразлично. Жители закрывали окна, опускали

шторы — ничего не помогало, всё равно слышно. Ну хоть выезжай из дому и ищи квартиру на другой улице, по-тише.

Началось это с приближением осени, когда крылатое племя пробует сбиваться в стаи, готовясь к отлёту в тёплые края, и продолжалось три, пять дней, иногда неделю; а раз было две недели, тут уж вовсе хоть валерьянку пей или беги куда глаза глядят, заткнув уши...

Пробовали скворцов пугать. Не помогает. Пытались отгонять. Ни в какую! Будто страх потеряли, совсем перестали бояться людей. Да и вообще, скворец — птица компанейская, селится около человека, птенцов выводит в домиках, которые для него построены.

Милый скворушка, сколько стихов сложено про тебя!

Предлагали срубить тополя. Тоже жалко. Сколько надо ждать потом, пока они снова вырастут. А улица без зелени не улица.

Задали задачу скворцы. И так не так, и эдак не эдак.

Наверное, так продолжалось бы ещё долго. Да приехал к одному жителю гость, авиационный техник. На побывку к родному дяде.

Сперва ему даже понравилось: сколько птиц — красота! А потом послушал-послушал и говорит дяде.

— Да, — говорит, — у вас тут не соскучишься.

Потом подумал и говорит:

— Было у нас тоже, с аэродрома не могли сжить. Как перелёт, так целое нашествие. Раз чуть до аварии не дошло: стая столкнулась с самолётом. Ладно, лётчик не растерялся...

— Ну и как же вы с ними?

— Как? Обошлось...

Много разговаривать гость не любил — предпочитал делать. Человек военный! Только справился:

— Магнитофон есть?

— Найдётся.

— Добро.

Написал к себе в часть. Оттуда с попутным самолётом быстрёхонько прислали магнитофонные ленты с записями.

— Теперь будем пробовать, — изрёк гость.

Открыл окно, поставил на подоконник магнитофон, к магнитофону приладил усилитель с динамиком, чтоб, значит, громче было, чтоб все услышали. Надо же перекричать скворцов.

А скворцы и не догадываются, что над ними гроза собирается. Шумят, как обычно.

Заработал магнитофон. К хору птичьих голосов добавились новые: динамик изрыгал какие-то пронзительные, не то тревожные, не то угрожающие вопли. Такой тарарам — вовсе с ума сойдёшь!

Скворцы насторожились. Но ненадолго.

— Пожалуй, испугаешь их...

— Попробуем другую. У нас так же было. Сперва и ухом не повели, а потом, как завели другую... воздушная тревога! Кто куда!..

Едва успел сказать, притихшие, как по команде, скворцы вдруг снялись с деревьев чёрной массой... только крылья

зашумели: фррр!.. Только их и видели. Как ветром сдуло!

Все, кто это наблюдал, рты пораскрывали от изумления. Неужели улетели?! И... всё?!

— Не вернуться? — спросил дядя.

— Не должны.

— Чем ты их напугал?

— Сигнал бедствия. Вроде: спасите наши души или спасайся кто может... Записано на природе.

— А почему сразу не подействовало?

— Не тот разговор применил. Не на том языке. Не на ихнем, значит. Они и не поняли.

Больше скворцы не досаждали абаканцам. Прекратились знаменитые сборища. Может быть, где-то весёлые шумные птицы собираются по-прежнему, даже наверняка собираются, чтоб обсудить свои птичьи делишки, но уже не в столице Хакасии.

После я узнал: в разных странах люди говорят по-разному, и у птиц, обитателей тех мест, тоже свой язык, своё наречие.

Интересно бы знать, на каком наречии горланили абаканские скворцы, каким языком владели — хакасским или русским? Или, может быть, каким-нибудь заморским, турецким к примеру?

КАРТОНКА С СЮРПРИЗОМ

Снашей знакомой Анной Ивановной постоянно что-нибудь случается. Шла по улице, видит: по трамвайным путям бежит беспризорная собачонка; кинулась за ней, чуть сама не попала под трамвай, но собачонку спасла. Собаки загнали кошку на дерево, ребята говорят, что сидит там который день, спуститься боится или не может; Анна Ивановна полезла, сняла.

И дома у Анны Ивановны целый зверинец: две шустрых беленьких болонки, разговорчивый попугай ара по прозвищу Кока, черепахи, аквариум с рыбками.

Анна Ивановна души не чает в животных. Так она говорит про себя. Наверное, так оно и есть.

Мужа Анна Ивановна схоронила, когда была ещё молодая. Единственный сын пропал без вести во время войны. Но она не одинока, нет. У неё — друзья, много друзей. Малыши из детского сада, юннаты и школьники, артисты, собаководы, члены секций защиты животного мира — все её друзья!

Ребята нашли брошенного котёнка — тащат к ней: Анна Ивановна устроит. Соседская девочка просит купить щенка, а родители не соглашаются, опять бегут к Анне Ивановне: она уговорит. Где бы что ни случилось — Анна Ивановна выручит.

А однажды к Анне Ивановне пришёл знакомый дрессировщик. Он в цирке работает. Когда к нам приезжал — привозил обезьянок и удава. Особенно понравился публике удав: ходит на кончике хвоста, его завяжут петлей, а он, глядь, уже распутался, обвивается вокруг дрессировщика; большой, три метра! Если сдавит человека, сразу и дух вон. Только он этого никогда не сделает: дрессированный.

Вот этот самый хозяин удава и пришёл к Анне Ивановне.
Говорит:

— Я уезжаю на месяц. Можно, оставлю у вас картонку?
— Пожалуйста.

Её о чём ни попроси, всё «пожалуйста».

Притащил картонку. Поставил и ушёл.

— Через месяц вернусь, заберу. А вы её не трогайте.
— Пожалуйста, пожалуйста!

Анна Ивановна даже не спросила, что в картонке. Принёс и принёс. Его дело. Картонка большая, круглая. Похожа на шляпную. Теперь таких не делают, только в кино показывают.

Раньше знаете какие шляпы были: громадные, с полями, с перьями, цветов — как на клумбе. Не шляпа — беседка. Для такой шляпы и картонка нужна соответствующая.

А Кока высказался:

Дама сдавала в багаж
диван, чемодан, саквояж,
корзину, картину, картонку...

Стоит картонка у стены, дожидается хозяина.

Две болонки долго ходили вокруг картонки, обнюхивали, прислушивались. И всё никак не успокоятся, хоть пора бы привыкнуть. На улице что-нибудь стукнет-брякнет, они стремглав бегут к картонке, садут и смотрят на неё. Что там, в этой картонке?

А Кока опять:

Дама сдавала в багаж...

Любит читать стихи.

Хохолок свой расправит, перья на голове растопырит, воздуху в лёгкие наберёт и захрипит...

Вечером что-то взгрустнулось Анне Ивановне. Дай, думает, поставлю пластиночку, послушаю любимую мелодию, может, сердцу будет легче. Запустила проигрыватель, хорошо поёт Шульженко. Вдруг слышит — Кока затарабанил, как испорченная пластинка:

Дама сдавала в багаж...

Карраул!..

Дама...

Карраул!..

Клетка стояла высоко. Ему сверху-то видно всё.

Анна Ивановна оглянулась. Мама моя! А там удав выползает из картонки. Крышку сдвинул и ползёт-вытягивается...

После Анна Ивановна рассказывала: «Слышу: что-то шевелится, а там удавчик...» Хорош «удавчик», три метра от головы до кончика хвоста! Удушит и не заметит...

Ну а тогда, если честно говорить, растерялась. Что с ним делать, с удавом? Даже собаки опешили, стоят и смотрят. И лаять позабыли! Но удав и не собирался нападать или глотать собачонок.

Он сполз на пол, свился в упругие кольца, поднял голову на полметра и раскачивается. Именно в эту минуту Анна Ивановна хорошо рассмотрела его: глаза чёрные и острые, как буравчики, головка маленькая, напоминает лягушечью, тело длинное, будто резиновое, и по всему телу пятнышки...

Пластинка крутится, Шульженко поёт, удав раскачивается. Музыка, что ли, на него подействовала? Или, может, тоже стало тоскливо одному лежать в картонке, в темноте, без хозяина?

Ни собаки, ни Анна Ивановна не услышали, как открылась дверь. Совсем околдовал их удав.

— Васька, Васька, ты куда?

Вернулся хозяин. Надо же! Как раз в пору. А Васенька, удав, значит, сразу к нему, тянется, обвил, головой трётся

о щёку. Соскучился! И тот тоже, видно, стосковался по Васеньке, гладит его, называет ласковыми словами.

— Да вы его не бойтесь. Он музыку любит, потому и выполз...

А кто это знал? И кто мог подумать, что в картонке удав?!

Оказывается, если удава так положить, предварительно накормив досыта, он будет месяц лежать тихо-тихо, ничем не напоминая о себе. Его сворачивают так, чтоб голова была под туловищем. И он лежит. Так пролежал бы и у Анны Ивановны, не вздумай она завести проигрыватель, так и не узнала бы, что ей оставили на хранение.

Все змеи равнодушны к музыке. В Индии заклинатели змей устраивают целые представления с кобрами, и страшные очки змеи под тягучие звуки дудок послушно выполняют всё, что от них потребуют: стоят на хвосте, выделяют другие штуки. В городе Манила, столице Филиппин, одна женщина любила стряпать под музыку. Обед варит, а проигрыватель играет. Замолчал. Она пошла сменить пластинку, а там громадный питон, свернулся и лежит рядом с динамиком... Привлекла музыка.

* * *

Конец этой истории всё же вышел грустным.

Спустя какое-то время дрессировщику надо было опять ехать куда-то. И опять он сунулся с удавом к Анне Ивановне, а она на даче, вместе со своим зоопарком. Избушка на клюшке — квартира закрыта. Ему бы и отвезти картонку на дачу, а он попросился к соседям. Они поставили картонку на балкон. Эх, знать бы, что из этого выйдет...

Пошёл дождь, картонка размокла, удаву надоело лежать в сырости, он вылез, сполз по водосточной трубе вниз, на землю; там, в саду, его и обнаружили мальчишки.

Они не знали, что он дрессированный, домашний удав, испугались и закидали его камнями.

Больше никто не беспокоил Анну Ивановну необычной просьбой приютить у себя живого удава.

КОШКА НА КАРНИЗЕ

Дело происходило в Москве, на улице Горького. Я спешил, торопился куда-то. Вдруг — стоп. Пробка. Прохожие заполнили весь тротуар, столпились и ни туда ни сюда. Все смотрят вверх. Посмотрел и я.

Кошка на карнизе! Между вторым и третьим этажом. Вот-вот сорвётся! Лапы скользят по карнизу, а она ходит, с трудом поворачиваясь — податься некуда. Как её туда занесли? Одно неверное движение и... Хоть бы уж не шевелилась, глупая!

Столько людей, и все встревожены; остановилась аварийная машина, из-за неё — другая, за стеклом тоже озабоченные лица. Милицонер-постовой не разгонял. Сам глядел вверх.

Все люди заняты, не зеваки-бездельники. У того — портфель, у другого — планшет с натянутым ватманом, рейсшина, — инженер или техник. А этот, наверное, студент: под мышкой связка книг, поминутно смотрит на часы, переминается с ноги на ногу, надо бежать — небось опаздывает на лекции, а не уходит. Женщины с хозяйственными сумками; музыкант с трубой... У всех дела! А не уходят.

В окне третьего этажа появилось движение — стали убирать цветы (цветов был полон подоконник), потом — отдирают наклейку. Дело-то случилось в марте, окна были ещё заклеены по-зимнему. Сперва маячил мальчик, потом — старушка.

Вот уже не осталось ни одного горшка, сейчас откроют... И вдруг кошка пробралась к следующему окну. Вот недогадливая!

Из окна перевесился мальчик, стал звать. Нейдёт.

— Не упади сам! — кричали снизу.

Выходили женщины из дома, смотрели вверх. Им говорили:

— Смотрите, где она... Не в вашей квартире?

Ни одного смешка. Стало открываться другое окно. Женщина и снова детские лица. Тоже цветы. Замазка. Кошка прыгнула туда, заглядывала, вставала на задние лапки, пе-

редними скребла, просилась. Замазка засохла за зиму. Мы, стоящие внизу, кажется, готовы были броситься туда и помочь отодрать её поскорей.

Наконец вроде можно открыть. Внутреннюю створку открыли, надо наружную, а она открывается на улицу; а там кошка сидит... Вроде сообразила, перешла к другой створке. Но только начали двигать эту, вернулась. Хочет поскорей к людям, а не поймёт, что сама же мешает...

Так повторялось несколько раз. Начнут двигать эту створку — она сюда, возьмутся за другую — туда. Толпа продолжала ждать.

Наконец в створках образовалась щель. Просунулись две детские руки, схватили кошку и втянули в окно... Всё!

Словно очнувшись, люди враз заспешили по своим делам. Улица снова наполнилась движением. Я уходил с каким-то праздничным чувством.

ОБИДЕЛИСЬ

— **О**пять он тебя исципал всю! Вот отродье шипучее, вся девка в синяках! А ты что к нему лезешь, Настасья, видишь ведь, что он опять тут! Сколько раз говорила: остерегайся.

— Да я не лезла вовсе...

— А почему синевицы на ногах? Знаю я вас... Кшш! Гляди, он опять тут?! Вот наладился!! Веник! Где веник, внучка? Дай-ка мне... живо! Я его отучу!..— И, выскочив из сеней на двор, бабка принялась охаживать веником гусака.

Зря разбушевалась бабка Антонида. И гусака обидела зря. Насте самой бы не лезть к гусям. Гусак — птица серьёзная, охраняет семью, как он может допустить, чтоб кто-то хвостом пугал гусыню? Вот и получай сама!

— Уж больно ты с ним неласково, — заметила бабке Антониде соседка. — Смотри, обидится...

И как в руку положила. Утром встали — нет гусей. При-

шло время кормиться птицам, а они не приходят. Настя уж и к речке сбегала — и там нет. Куда девались?!

А потом соседка говорит:

— А ты разве не видела? Утром ранёхонько твои гуси-то поднялись и улетели...

— Как улетели?

— Обыкновенно: крылья распустили и айда... Как летают!

— Да куда улетели-то?!

— А это ты уж сама спроси...

Деревенским гусям летать не в диковинку: иногда улетят в поле за три, за пять километров, свежих зелёных побегов нащиплются, травой, насекомыми, червяками набьют зоба и домой плывут. Так бывало. Да только не в этот раз.

Улетели — и с концом. Сколько их ни ждали, так и не дождались. Пропали гусь и гусыня. И вправду обиделись.

ХОРОШЕЕ ВОСПИТАНИЕ

После дождя во дворе образовалась большая лужа. Вероятно, дождь застал кошку на прогулке; она успела заблаговременно спрятаться и осталась сухой, но теперь ей не терпелось добраться до дому, а дорогу к крыльцу преградило целое море. Насколько оно глубоко и можно ли в нём утонуть, она не знала, да это и не имело никакого значения: известно, что все кошачьи страх как не любят воды и отваживаются плыть лишь в случае самой крайней необходимости.

В луже купались голуби, но кошке было не до голубей: она хотела скорей попасть домой.

Жалобно мяукая время от времени, как бы призывая к себе на помощь, серая мурлыка растерянно топталась перед лужей.

Из подъезда вышел пёс. Красивый статный охотничий пёс — крапчатый пойнтер. Шерсть на нём блестела, видно, что за ним ухаживают, и вообще это был важный породистый пёс, знающий себе цену. И шёл он не один, с хозяином.

Он сразу заметил кошку, сиротливо торчавшую по ту сторону лужи, и сделал характерную для его породы стойку, подняв переднюю лапу и напряжённо всматриваясь, что означало крайнюю степень внимания; но хозяин уходил, и пойнтер поспешил за ним. Они обогнули лужу, повернули за угол, и тут пойнтер обернулся, помедлил какую-то долю секунды и... метнулся назад. В несколько прыжков он перемahнул через лужу и оказался возле кошки.

Может быть, они были знакомы раньше, не знаю; но, словом, кошка с готовностью приняла дружескую помощь собаки. Осторожно ухватив её зубами, пёс, разбрызгивая воду, тем же путём вернулся к дому, поставил кошку на верхней ступеньке крыльца и, больше уже не оглядываясь, бросился догонять хозяина.

ПАМЯТНИК СРЕДИ ЛЬДОВ

Далеко на Севере, там, где плещутся волны студёного моря, где десять месяцев в году зима, тоскливо воет метель и трещат суровые полярные морозы, на краю родной советской земли стоит памятник — большой деревянный крест, вросший основанием в холмик, сложенный из камней.

Никакого жилья вокруг. Снежная пустыня, льды.

Лишь когда откроется короткая арктическая навигация, появляются пароходы. Медленно проплывая вдаль, в виду острова, на котором стоит крест, они салютуют ему, и протяжный низкий гудок, разносясь далеко окрест, долго тянется над серо-свинцовой беспокойной равниной моря.

На острове похоронен великий русский путешественник, завоеватель Севера — Георгий Седов.

Всю жизнь Георгий Седов стремился покорить Север для Человека. И здесь ему было суждено сложить свою голову.

Истари людям на Севере помогали собаки. И когда Седов с товарищами отправился в своё последнее путешествие, у него тоже были помощники — собаки.

Любимой собакой Седова был большой упряжной пёс Фрам. «Фрам» — по-норвежски значит «вперёд». И действительно, Фрам помогал хозяину идти вперёд. Вместе с людьми собаки преодолевали все препятствия — непогоду, стужу, пургу, льды. Они везли снаряжение, научные приборы, продукты. А Фрам был вожаком упряжки, и, значит, от него в первую очередь зависело, чтоб упряжка работала в полную силу, не ленилась.

Простудившись на лютом морозе, Седов заболел и умер.

На плоском каменистом берегу товарищи выбрали возвышенное место, сколотили из тяжёлого сырого леса-плавника, который океан прибывает к берегу, грубый деревянный крест и водрузили на могиле, сложили холм из камней.

Коротко-отрывисто, как будто сломался сучок, прозвучал

в морозном воздухе залп из ружей — последнее «прости» и салют мужественному человеку и непреклонному, настойчивому учёному.

Пришла пора уходить. Люди тронулись на Большую землю.

Щемящий душу звук разнёсся вдруг над этой пустынной печальной землёй, приковав людей к месту.

Фрам. Он сидел на могиле и выл.

— Пошли, Фрам! Фрам!

Нейдёт.

Хотели взять за ошейник, чтоб увести с собой. Не даётся. Отбежал и, продолжая выть, сел в стороне.

— Фрам, дружок!..

Всё было тщетно.

Его подманивали куском, пытались накинуть на шею ремень. Звали, уговаривали. Всё напрасно! Не даётся и отбегает.

Кончилось тем, что люди ушли, оставив его. Не хочет. Что ж, пусть будет по его. Видно, так тому и быть.

Они шли, не оборачиваясь. Скрипел снег. А сзади ещё долго доносился жалобный плач Фрама...

Фрам похоронил себя среди вечных льдов, на могиле умершего друга-человека. Не захотел расставаться.

Ночью в город пришли немцы. Сильва слышала, как громыхали танки по мостовой, тяжело топала пехота, доносилась незнакомая резкая речь — слова команды, выкрики. Хозяева тоже не спали и, припав к окнам, из-за занавесок смотрели, как двигалась мимо их дома ненавистная, враждебная сила. Свет не зажигали, разговаривали вполголоса. Притихла, предчувствуя недоброе, и Сильва.

На рассвете удары в дверь, потрясшие весь дом, разбудили забывшихся недолгим тревожным сном. Сильва вскочила и залаяла. Хозяева метнулись в прихожую. Дверь открылась, вошли двое — чужие, враги. Сильва сразу почувствовала это.

— О, дер хунд (собака), — сказал первый в каске и с чёрным пауком на рукаве, устремив на Сильву пронизывающий взгляд недобрых глаз. — Зер гут, зер гут (очень хорошо, очень хорошо)!

Сильва и вправду была красавица. Шерсть волнистая, мягкая, рыже-красная, уши тоже мягкие, длинные, хвост пером, а глаза умные-умные, со слезинкой. Умные и преданные, когда смотрит на тебя — будто всё сказать что-то хочет. Настоящий сеттер.

— Зер гут, — повторил ещё раз немец. Он, видимо, понимал толк в собаках, потому что, оглядев Сильву, без лишних слов принялся накручивать ей на шею верёвку, которую ему подал второй, молча зыркавший глазами по сторонам.

Хозяин хотел вступить за свою собственность, но дуло автомата, что держал второй, упёрлось ему в грудь. Хозяйка заплакала.

В эту минуту завозился ребёнок в своей кроватке, громкие голоса незваных гостей разбудили малыша, хозяйка бросилась к нему. Это избавило её от тяжёлого расставания с Сильвой.

Когда Сильва поняла, что её уведут, она завизжала и попробовала сопротивляться. Петля на шее затянулась, со-

бака захрипела и почти на животе поволоклась за жестоким человеком в каске, который отныне безраздельно распоряжался её судьбой.

А через три дня пришли за хозяевами.

Хозяин был инженер, работал на заводе, его знали. Его хотели заставить работать на фашистскую Германию, он отказался. За это его арестовали и вместе с женой и ребёнком увели в лагерь, где томилось уже много других, таких же, как они, невинных людей.

Тому, кто не бывал в фашистском лагере для заключённых, не понять, как это страшно. Вокруг колючая проволока, за которой ходят часовые с ружьями — не люди, автоматы в глубоких, как ведра касках, с ремешками под бритыми острыми подбородками. Такому человека убить что муху раздавить. Чуть приблизился к проволоке — уже стреляют.

Морили голодом. Раз в день дадут похлебать какой-то мутной жижи, и ладно. А случалось, не давали и её.

Взрослые сильные люди не выдерживали и умирали. А каково маленькому ребёнку?

С ужасом мать видела, как день ото дня слабеет сынишка.

Однажды среди ночи она проснулась — кто-то осторожно толкал её в бок. Затем она ощутила горячее дыхание на своём лице, что-то тёплое и влажное коснулось щеки. Тихое радостное повизгивание окончательно убедило её: Сильва!

Да, это была Сильва. На шее у неё болтался обрывок верёвки. Сильва перегрызла привязь и прибежала к дорогим ей людям.

Вероятно, она побывала дома и, убедившись, что квартира пуста, хозяев нет, кинулась искать их. Необыкновенный инстинкт привёл её.

И она пришла не пустой — вот уж действительно чудо! — принесла кость и положила около хозяйки. Кость была большая, мозговая, с кусочками мяса. Оставалось лишь гадать, где собака сумела раздобыть её. Стянула на чьей-то кухне? Нашла? Немецкие солдаты выбросили, а она подобрала. Но почему не съела? Запавшие бока собаки свиде-

тельствовали, что ей тоже жилось не сладко и лишний кусок не помешал бы.

Кость разбили, сладкий мозг и обрывки мяса отдали ребёнку.

Под утро Сильва исчезла. Видимо, она торопилась уйти, пока не рассвело. Увидят часовые — застрелят. Под покровом темноты она прорыла лапами под колючей проволокой незаметный среди травы подкоп-лаз, по нему пришла, по нему ушла.

Но на следующую ночь она явилась опять. И снова с подарком. На сей раз это была крупная мороженая картофелина. Вероятно, Сильва отыскала или выкопала её на картофельном поле. Сильва подкармливала своих хозяев! Можно было подумать — она понимала, что они в беде и нуждаются в её помощи. А может быть, она и вправду понимала всё, ведь животные понимают и чувствуют гораздо больше, чем нам кажется, это мы не понимаем их...

Так она приходила и уходила несколько раз. И всякий раз что-нибудь приносила: то мороженую картошку, то морковь, то чёрствую заплесневелую корку. И голодные люди были благодарны ей.

Ребёнок начал поправляться. Сильва спасла его.

А потом она ушла и больше уже не пришла...

СОДЕРЖАНИЕ

У БАБУШКИ, У ДЕДУШКИ

У БАБУШКИ, У ДЕДУШКИ	5
АТАМАН, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ ПЛАВАТЬ	42
ЯШКА	53
ИДЕТ-БОДЕТ КОЗА-ДЕРЕЗА	60
ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА КОРОВЬИМ ХВОСТОМ	75
БОЛЬШАЯ ВОДА	85
КРАСУЛЯ ТЕЛИТСЯ	93
МЫШКА-НОРУШКА, КОТОРАЯ ПРИШЛА К ЛЮДЯМ	97
ДРУЖИЩЕ КОТЬКА	108

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ	134
ДОБРЫЙ ДОКТОР АЙБОЛИТ, ПРИМИ!..	145
ЛИЗА ХОЧЕТ ДОМОЙ	148
ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ	150
ПРОСТУДИЛСЯ ЖИРАФ	153
СЫНОВЬЯ ЗАБОТА	156
АБАКАНСКИЕ СКВОРЦЫ	157
КАРТОНКА С СЮРПРИЗОМ	160
КОШКА НА КАРНИЗЕ	165
ОБИДЕЛИСЬ	166
ХОРОШЕЕ ВОСПИТАНИЕ	168
ПАМЯТНИК СРЕДИ ЛЬДОВ	169
СИЛЬВА	172

Библиотечная серия

для младшего школьного возраста

Борис Степанович Рябинин

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Рассказы

ИБ № 3100

Ответственный редактор
Л. Г. Тихомирова

Художественный редактор
М. Д. Сузовцева

Технический редактор
Я. Г. Барская и Л. П. Костинова

Корректоры
О. И. Иванова
и *Е. А. Сукляя*

Сдано в набор 16.02.79. Подписано к печати 19.11.79. Формат 70×100/16. Бум. офсет. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офс. Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 9,42. Тираж 100 000 экз. Заказ № 799. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский орден Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Рябинин Б. С.

Р24 Чудеса в решете: Рассказы/Рис. Л. Дурасова. — М.: Дет. лит., 1979. — с., 175 ил.

В пер.: 50 к.

Рассказы о животных, друзьях человека на протяжении всей его жизни.

Р 70802—525 188—79
М 101(03)79

Р2

